

Луи Буссенар

Среди факиров

Луи Анри Буссенар
Среди факиров
Серия «Бессребреник», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125616

Аннотация

События в романе «Среди факиров» происходят в Индии, в то время колонии Англии. Именно это является причиной драматических ситуаций, столкновений с индийскими факирами, членами религиозных каст, которым были известны гипноз, перевоплощение, медитация.

Содержание

Часть 1	6
Глава I	6
Глава II	17
Глава III	28
Глава IV	39
Глава V	52
Глава VI	61
Глава VII	70
Глава VIII	80
Глава IX	91
Глава X	102
Часть 2	112
Глава I	112
Глава II	123
Глава III	139
Глава IV	147
Глава V	160
Глава VI	171
Глава VII	184
Глава VIII	197
Глава IX	205
Глава X	218
Часть 3	226

Глава I	226
Глава II	237
Глава III	251
Глава IV	263
Глава V	272
Глава VI	285
Глава VII	300
Глава VIII	311
Глава IX	321
Глава X	332

Луи Буссенар

Среди факиров

Текст печатается по изданию:

Буссенар Л. Полное собрание романов Луи Буссенара.

Спб.: Кн. изд-во П. П. Сойкина, 1911.

С исправлениями в соответствии с нормами современного русского языка.

* * *

Часть 1

Туги-душителли

Глава I

Счастливая семья. – Письмо. – В Калькутте. – Майор Леннокс, герцог Ричмондский. – Дворянство и бедность. – 25 милл. франков. – Ужасные последствия. – Удар ножом.

Тяжелая дверь тихонько отворилась, и в столовую вошла европейская служанка с подносом в руках.

Перед столом под большим опахалом, мерное раскачивание которого навевало приятную свежесть, три osoby дожидались полдника.

Это были молодая женщина и двое ее детей-подростков – брат и сестра.

– Как вы опоздали сегодня, милая Кэтти! – с живостью воскликнула молодая женщина. – Патрик и Мэри умирают с голоду, и я сама страдаю уже целые полчаса!..

Это замечание, сделанное тоном дружеского упрека, нимало не огорчало ту, к которой относилось.

Она добродушно засмеялась и прервала хозяйку нежным и фамильярным тоном преданных слуг:

– Я приехала из города полным галопом, и к тому же при-

везла с собой письма. Да, барыня письма, которые только что пришли из противной страны Африки, где ваш супруг, мой барин, и его трубач, мой муж умирят бунтовщиков...

При этих словах дети вскочили с мест с восклицаниями:

– Письмо от папы! Письмо от папы!

– Благодарю, Кэтти!

– Итак, я была права, заставив вас немного поголодать, молодые господа, и барыня меня простит! – И не ожидая ответа госпожи, добрая женщина поставила на стол корзину, где лежали письма, газеты и съестные припасы.

Потом она быстро ушла, между тем как мать и дети дрожащими руками перебирали пакеты, отыскивая письмо.

Весьма законное волнение, и его легко понять тем, кто знаком с бедствиями, которые могла принести с собой жестокая война, внезапно разгоревшаяся на границах Индо-Британской империи и Афганистана.

Это – ужасная война, которая не признает ни прав воюющих, ни жалости к раненым, ни уважения к мертвым.

Это – война без славы и без милосердия, где цивилизованная тактика, усовершенствованное оружие и храбрость английских войск не всегда могут восторжествовать над фанатизмом дикарей!

Мать схватила толстый, четырехугольный конверт с очень объемистым посланием. Это было одно из тех писем воина – мужа и отца, где душа изливается в каждой строке, в каждом слове, это был дневник, быстро набросанный на привале, в

походе под вражеским огнем.

Прежде чем распечатать письмо, молодая женщина бросила полный любви взгляд на большой портрет во весь рост, изображающий офицера полка шотландских горцев Гордона.

Судя по наружности этого красивого офицера, главы этой семьи, ему можно было дать лет сорок.

Семейная группа, соединившаяся перед портретом, представляла собой прелестную картину живое воплощение здоровья, силы, счастья и любви.

Мать, стройная, высокая, темноволосая, казалась скорее старшей сестрой. Черты ее лица сильно напоминали сына, который, судя по его крепкому сложению, отличался юношеской силой и здоровьем. Молодая девушка была удивительно похожа на портрет офицера; те же голубые глаза, белокурые волосы, спокойный и решительный вид.

Патрику четырнадцать лет, а его сестре Мэри немногим более пятнадцати.

Теперь никто из маленькой семьи больше не думает о закуске, оставленной на столе.

Из окон, раскрытых настежь, обвитых лианами и обросших сильно пахнущим перечником и орхидеями с яркими цветочками, виднеется парк, в зелени и цветах которого тонет коттедж.

Здесь есть ярко-зеленые лужайки, посыпанные песком аллеи, разноцветные клумбы, крошечные пальмы-карлики, ги-

гантские бамбуковые стволы, бананы с атласными листьями, огненные цветы со всеми оттенками пламени, цветущие манговые деревья с одуряющим запахом, а там и сям колоссальная смоковница, образующая одна целый лес; удивительная смесь тропической растительности и цивилизации, английский парк с роскошными растениями жаркого пояса.

Прямо против коттеджа вдали виднеется Угли, западная ветвь дельты Ганга, по которой беспрестанно снуют корабли и по берегу которой идет Circular Road, дорога, за час доводящая вас до Калькутты.

Там и сям выплывают из такой же густой зелени и цветов роскошные виллы, веселые коттеджи, образующие аристократическое предместье, называемое Garden-Reach (пространство, покрытое садами); тут живут, вдали от городского шума, чиновники, офицеры и некоторые представители промышленной или финансовой аристократии.

На тенистом дворе, на верандах и по вымощенным плитам коридорам индейские слуги прогуливаются или предаются своей неизлечимой лени.

Их тут десять человек на трех господ; они зевают, потягиваются, дремлют, и никто из них не делает ничего путного.

Несмотря на эту наружную роскошь, которая, впрочем, мало стоит, так как жалованье и пища этих слуг требуют удивительно малых расходов, – эта семья далеко не может считаться богатой.

Майор Леннокс благороден и беден. Он ведет свое про-

исхождение от Карла Леннокского, герцога Ричмондского, сына английского короля Карла II и Луизы Керуальльской. Он мог бы по праву заседать в палате лордов, но ему помешала бедность. Итак, Карл Эдуард Леннокс, последний Ричмондский герцог шотландской ветви, должен ограничиться тем, что служит в чине майора в полку шотландских горцев Гордона и участвует в компании, которую Индия предприняла против возмущившихся африди.

Он не имеет ничего, кроме жалованья – двадцать тысяч франков на французские деньги; этого едва хватает ему и его семье.

Он женился на прекрасной молодой девушке, такой же бедной и благородной, как и он сам, и она родила ему двух детей, Патрика и Мэри, их радость и гордость. Ужасный индийский климат всегда щадил их; они обладают из ряда выходящим умом, они обожают друг друга и, несмотря на бедность, наслаждаются полным, абсолютным счастьем, которое ничто никогда не в силах было нарушить.

Медленно, с каким-то нежным уважением молодая мать открыла конверт, из которого высыпалось много листков, исписанных мелким сжатым почерком.

На одном из листков очень старательно начерчен план с замечаниями и ссылками. Внизу написано несколько слов.

«Спрячьте этот набросок в безопасном месте, берегите его хорошенько и ни за что с ним не разлучайтесь. От него зависит будущность и богатство наших детей».

– Как это все странно! – шепчет она. – Посмотрите, милые дети, что папа посылает нам.

– Читай, мама, читай! – сказали дети с полными слез глазами и бьющимся сердцем.

Немного стесненным голосом, медленно, почти торжественно, мать начала чтение этого письма, которое должно было так трагически повлиять на их судьбу.

«Шакдарский лагерь, 1 сентября 1897.

Милая жена, милые дети!

Вы никогда не задавали себе вопроса, почему мы так бедны и почему несправедливая судьба лишает нас тех материальных преимуществ, на которые дает нам право наше рождение. Как я страдал от того бедственного положения, в котором мы всегда находились, не имея других доходов, кроме тех, которые давала мне служба; как я страдал при мысли о несправедливости судьбы, несправедливости, которая уже сорок лет тяготела над нашим семейством, омрачала мою молодость и грозила омрачить вашу! Сегодня я, наконец, могу сказать: мужайтесь, надейтесь, мои дорогие! Теперь конец той, блестящей с виду, нищете, из-за которой семья герцога Ричмондского должна была жить в коттедже, едва ли подходящем даже для одного из моих младших офицеров! О да, я много страдал как в детстве, так и в молодости, и мое положение ухудшалось еще тем, что я был сирота, предоставленный заботам чужих, наемных людей.

Как вам известно, мои родители погибли во время ужасной резни в Кауннпоре. Это было в 1857 году. Моему отцу было сорок лет, что считается трагическим возрастом в нашем семействе. Он был полковником 84 полка Ее Величества Королевы и, будучи богат, как вице-король, вел открытую жизнь, которая давала ему возможность достойно поддерживать блеск дома. Я был тогда еще младенцем. Полк отца стоял в это время в Кауннпоре, осажденном возмущившимися сипаями. С самого начала мой отец хорошо понял положение дел и все предвидел: слабость генерала главнокомандующего, измену Нана Саиба, даже запоздалое прибытие Гальвелока. Чтоб быть готовым ко всякой перемене, он превратил в деньги свое имущество и потратил их на покупку драгоценных камней, доставленных ему богатым гебрским негодником¹, которому он спас жизнь. Ценность этих камней составляла до миллиона фунтов (двадцать пять миллионов франков). Несгораемый ящик, в который их положили, был спрятан в безопасное место; гебр, который был честным и верным человеком, обещал хранить все в тайне.

Через неделю город был сдан осаждавшим. Мой отец пал, защищая мою колыбель. Моя мать, пронзенная пулями, упала на его труп, а я,

---

¹ Негодник (лат.) – торговец, преимущественно за пределами своей страны. Здесь и далее примечания редактора. Примечания автора и переводчика оговариваются.

слабый младенец, закрытый пеленками, заваленный разорванными обоями, спасся от убийц».

Взволнованные дети слушали со слезами на глазах этот трагический рассказ, переданный просто, без прикрас.

Мать подавила слезы и продолжала:

«Я долго не находил себе пристанища, как отбросок человечества, и много лет даже не знал, когда и как меня спасли. Теперь мне остается вам рассказать о том удивительном случае, благодаря которому имущество моего отца отыскалось, и о том, как до меня дошли драгоценные документы здесь, в дикой стране, среди дикарей-бунтовщиков.

Нашему бедственному положению теперь конец, и Ленноксы могут получить обратно свое богатство. Вы найдете все эти документы вместе с приложенным к письму планом, и я прошу вас тщательно их спрятать».

Удивленные, взволнованные молодая мать и дети внимательно пересматривали эти листы не веря своим глазам, не зная, что сказать, что подумать. Письмо, дышащее нежностью, заканчивалось перечислением вещей, необходимых майору, который просил жену купить их и послать ему как можно скорее.

– Поедем сейчас же! Отправимся сейчас же в Калькутту! – предложил Патрик.

– Да, дитя мое, ты прав!

– Скорей! Экипаж, лошадей! – воскликнула Мэри, нажи-

мая пуговку звонка.

Через четверть часа они уже ехали полным ходом по Circular Road и вскоре въехали в самую Калькутту. Было около шести часов вечера. Жизнь, замиравшая во время жарких часов, снова вступала в обычное течение. Экипажи и трамваи быстро мелькали по широким пыльным улицам, запряженным проворными пешеходами, одетыми в белое, с черными, подвижными лицами.

Улицы принадлежали туземцам, которые ходят постоянно пешком, поднимая белые облака пыли; европейцы, напротив, считают для себя позором появиться на улице иначе как в экипаже или верхом.

В настоящую минуту улицы этого восточного города, где так странно сталкивается Европа, или, лучше сказать, Англия и Азия, кишат просто чудовищной деятельностью. Дворцы, памятники, портики с колоннами, решетки с золотыми стрелами, скверы, церкви, трамваи, электрические фонари, разноцветные афиши, огромные аллеи, великолепные магазины. Сотни экипажей мчатся со всей скоростью сквозь эту человеческую толпу; люди толкаются, бегут, толпятся и прячутся с испуганными жестами разбежавшегося стада. Вся эта панорама залита ярким, неумолимо ослепительным светом.

Экипаж леди Леннокс, запряженный двумя сильными пони, катился среди толпы народа тем безумным аллюром, который считается там признаком хорошего тона. Кучер, по

примеру других своих товарищей-индусов, казалось, находил злое удовольствие в том, что гнал лошадей во весь опор. Молодая женщина, Патрик и Мэри, относясь презрительно к толпе, которая безропотно переносила все, казались невозмутимыми.

Они скоро приехали в огромный базар где свободно двигалась любопытная и грязная толпа, с которой волей-неволей пришлось смешаться. Все трое вышли из экипажа и вошли в огромное проходное здание, заваленное всякого рода товарами. Патрик подал руку своей сестре, и оба последовали за матерью, открывавшей шествие. Многочисленные туземцы, бродившие и рассматривавшие все эти чудеса, почтительно отступали при их приближении, оставляя им вполне свободный проход.

Молодая мать собиралась войти в магазин готовых вещей.

В эту минуту оттуда выходил туземец, одетый довольно изысканно; он не заметил гордую англичанку, которая не хотела посторониться, и сильно толкнул ее.

Как уже сказано выше, англичане, даже самые лучшие, даже такие, которые в принципе признают равенство людей, глубоко презирают туземцев своих колоний, и презрение это доходит даже до отвращения. На их взгляд, эти черные, желтые, красные существа не люди. Они переносят их присутствие с отвращением и ставят их гораздо ниже своих любимых животных: кровных лошадей и собак. Одним словом, «native» – туземец – это нечистое животное, которое должно

сторониться европейца и везде почтительно уступать ему дорогу. Англичанки питают к туземцам такое же отвращение, они презирают их со всей свойственной белым гордостью, со всей нервною женской натуры. Это ужасно, это чудовищно, но это верно!

Леди Леннокс, которую так грубо и неловко задела, не вынесла этого оскорбления: несмотря на свою обычную кротость и доброту, она выразила такой гнев и отвращение, как будто проходила мимо стада и была задета одним из животных. Она побледнела, подняла руку и нанесла звонкий удар по бронзовой щеке толкнувшего ее человека. Одновременно с этим она произнесла бранное слово.

Обыкновенно оскорбленный тихо опускает голову и исчезает, чувствуя себя достаточно счастливым, если имеет дело не с джентльменом, заслуженным боксером, от встречи с которым ему бы не поздоровилось.

Но теперь было не так; к изумлению англичан, оскорбленный человек вдруг гордо поднял голову и бросил на неосторожную ужасный взгляд. Его тонкий орлиный профиль выразил неопределимую ярость, зубы заскрежетали.

Быстрый, как мысль, он вытащил из-за пояса кинжал с рукояткой, богато украшенной камнями, и вонзил его в грудь несчастной, которая упала, прохрипев умирающим голосом:

– Он меня убил! Боже, сжался надо мной!

Глава II

Бедная мать! – Убийца. – Брамин². – Первая забота. – В военном госпитале. – Наука и преданность. – Перед судом. – Осуждение. – Худа как смерть. – Труп. – Ярость. – Фанатизм.

Патриком и Мэри овладел невыразимый ужас, когда они услышали отчаянное восклицание матери и увидели, как она зашаталась, пораженная смертельным ударом. Они инстинктивно бросились вперед, протягивая дрожащие руки, чтоб поддержать падавшую несчастную женщину, которая конвульсивно схватилась за воткнутый в ее грудь кинжал. Из груди детей вырвался неудержимый крик: «Мама, милая мама!» Кровь текла потоками из раны, скопляясь в зловещее пятно на легкой шелковой материи платья. Глаза раненой, расширившиеся от ужаса и боли, затуманились, делались стеклянными.

Рот, на котором только что играла улыбка счастливой и гордой матери, покрывался розовой пеной. Бедные дети, терзаемые ужасной мыслью о близкой смерти матери, продолжали отчаянно кричать:

– Мама! Маму убили! Помогите, помогите!

Все это продолжалось в течение нескольких трагических секунд, долгих, как мучительная вечность. Они не видели

---

² Брамин (санскр.) – член религиозной касты.

убийцу, не искали его, поглощенные горем. Убийца смотрел с диким равнодушием на эту сцену отчаяния; он не пытался бежать и, казалось, испытывал зверское удовольствие при виде умирающей, при виде крови и испуганных детей. По красному шелковому шнуру, висящему на его плече, можно было узнать брамина, одного из избранных той страшной священной касты, которая никогда не хотела покориться под английским игом, всегда старалась подзадоривать бунтовщиков и которой повинуются целая армия фанатиков. Он не был один, как можно было бы подумать по первому взгляду, среди этих людей, которые толпами сбегались со всех сторон, подняли раненую, старались ей помочь и перенесли ее в магазин, двери которого раскрылись перед ней настежь. Несколько плохо одетых индусов, со зверскими чертами лица, отделились от толпы, сгруппировались около брамина, окружили его и старались увести. Вероятно, это были факиры³, им в иных случаях удается помочь виновному избежать наказания. К счастью, матрос Королевского флота, гигант в белой фуражке, одетый весь в красное, издали видел все происходившее; он бросился к этим мрачным телохранителям, растолкал их, схватил убийцу за ворот и крикнул громовым голосом: «Товарищи, ко мне!» Полдюжины военных, которые бродили перед магазинами, прибежали, отстранили группу индусов, и скоро убийцу увели при громких возгла-

---

³ Факир (араб.) – в Индии странствующий монах, здесь еще: рядовой член религиозной касты.

сах европейцев: «Смерть ему!»

Тут же проходил военный доктор. Он увидел леди Леннокс, лежавшую на тростниковых носилках, белую, как полотно. Он вошел, взял ее за руку, пощупал пульс и печально посмотрел на раненую. Присутствовавшие в кратких чертах рассказали ему о случившемся. Патрик и Мэри, убитые горем, стоящие на коленях возле носилок, смотрели на него сквозь слезы и умоляли о помощи. Пульс еще незаметно бился. С бесконечными предосторожностями доктор попытался вытащить кинжал, и хотя эта попытка, исполненная со всей возможной быстротой и осторожностью, удалась вполне, но она вызвала у больной болезненное хрипение. Наконец, дело было кончено, и раненая грудь стала приподниматься от свободного дыхания. «Как бы там ни было, – прошептал доктор, – мы сделаем все возможное».

– О, вы спасете ее, не правда ли? Вы спасете нашу бедную маму! – воскликнули дети с трогательным выражением настойчивой мольбы. В магазине невозможно было оказать больной необходимую помощь. Доктор велел немедленно перенести ее в военный госпиталь, находившийся, к счастью, недалеко. Итак, ее осторожно вынесли, держа зонтик над ее головой; дети следовали за печальным шествием, которое походило на похороны. Слух о покушении распространился на соседних улицах с той быстротой, с которой всегда распространяются плохие вести. Белая была убита туземцем! Европейцы, национальная гордость которых была заде-

та и которые не могли теперь чувствовать себя в безопасности, приходили в негодование, волновались и громко требовали, чтоб были приняты строгие меры. Кто-то узнал Патрика и Мэри. Итак, убитая была леди Леннокс, жена герцога!.. Ярость и страх еще усилились от того, что убийца осмелился поднять руку на особу, принадлежавшую к высшей аристократии!

Тем временем шествие подошло к госпиталю. Раненой предоставили офицерское помещение и, конечно, ее сыну и дочери позволили оставаться при ней. Здесь доктор мог позаботиться о больной. Он исполнил свое дело с умением, самоотвержением, вообще со всевозможным старанием. Чтoб предупредить обморок, который мог бы повлечь смерть, быструю остановку сердцебиения, он быстро сделал подкожное впрыскивание эфира, потом немедленно другое впрыскивание – кофеина. Пульс стал биться сильнее, и на щеках появились легкие розовые пятна. Так как несчастная женщина потеряла уже много крови, нужно было быстро, в пределах возможного, возместить эту потерю. С помощью опытных ассистентов хирург сделал вливание в жилы искусственной сыворотки, что немедленно же сказалось. Потом он не переставал слушать сердце и легкие, повторяя попеременно подкожные впрыскивания; таким образом ему удалось поддержать жизнь в течение суток. Дети, сидевшие в соседней комнате, заглядывали время от времени или подходили тихонько на цыпочках. Увидев, что мать еще живет,

они бросали на доктора долгий благодарный взгляд и удалялись с надеждой в сердце.

В это самое время председатель Главного Суда, живущий в Калькутте, собрал всех подведомственных ему судей. Убийца удостоился чести быть судимым Верховным Судом, в виду того что он покусился на жизнь белой, притом женщины, принадлежавшей к высшей аристократии. Формальности продолжались недолго и краткостью своей напомнили неумолимое и немногословное правосудие военных судов. Действительно, убийца был захвачен на месте преступления, поэтому следствие было не нужно. Обвиняемый знал это, но, по-видимому, нисколько об этом не беспокоился, сохраняя все время полное и невозмутимое спокойствие; перед судом он обнаружил просто удивительное хладнокровие.

Обширный зал был полон. Публика была разделена на три категории: аристократия, торговое сословие, индусы. Первые сидели на креслах, вторые на скамьях, третьи стояли. Убийца, введенный в зал суда под конвоем, сохранял упорное и презрительное молчание. Наконец, так как председатель настойчиво задавал ему вопросы относительно его имени, лет, рождения, он ответил голосом, который дрожал, как кимвалы⁴.

– Вы хотите знать мое имя! Ну, так меня зовут «Враг»! Да, я ваш враг, и вы скоро это увидите!

Эти слова, произнесенные с ненавистью, вызвали грубые

---

⁴ Кимвалы (греч.) – старинный музыкальный инструмент, род медных тарелок.

восклицания в черной, грязной толпе, очевидно относившейся сочувственно к обвиняемому.

Председатель продолжал, указывая на орудие преступления:

– Вы признаете тот факт, что вы ударили этим оружием леди Леннокс, герцогиню Ричмондскую?

– Я – Нариндра, брамин четвертой степени, четырежды святой и четырежды священный. А в книге Ману настоятельно говорится: «Кто с гневом преднамеренно ударил брамина, хотя бы только травинкой, должен немедленно умереть, чтоб потом двадцать один раз возрождаться в теле нечистого животного. Та, которую вы называете герцогиней Ричмондской, ударила меня... я исполнил повеление божественного Ману, Вайвасвата, сына Солнца».

– Вы признаете, что убийство было вами совершено?

– Я признаюсь и горжусь этим.

– Вам небезызвестно, что это преступление влечет строгое наказание?

– Книга Ману говорит также, и вы должны это знать: «Пусть король остерегается убивать брамина, даже если он совершил всевозможные преступления, – пусть он в таком случае изгонит его из королевства, оставляя ему все его имущество и не причиняя ему никакого зла...» Таков закон!

– Мы не признаем предписаний Ману и авторитета браминов! Вы – просто подданный Ее Величества Королевы и заслуживаете смертную казнь.

Брамин пожал плечами и прибавил своим металлическим голосом:

– Вы не можете... вы не смеете меня убивать.

– Как бы там ни было, – холодно ответил председатель, – мы осуждаем вас на виселицу. Приговор будет приведен в исполнение сегодня же, за два часа до заката солнца.

Брамин выслушал, не поморщившись, эти ужасные слова. Когда председатель спросил его, не хочет ли он что-нибудь прибавить в свою защиту, он гордо выпрямился во весь свой высокий рост и, окинув величественным взглядом толпу индусов, воскликнул:

– А вы, мои верные друзья, вы отомстите за мою смерть!

В толпе факиров послышался глухой ропот, она пришла в движение, сдерживаемая, впрочем, тройным рядом штыков; несколько ужасных клятв, произнесенных вполголоса, доказывали, что это дикое приказание будет исполнено.

До сих пор нельзя было ни в чем упрекнуть это судопроизводство, немногословное, но справедливое; это было должное возмездие за преступление. Но чтоб произвести впечатление на туземцев и внушить им уважение, полное страха, к особе европейца, судьям Верховного Суда пришла несчастная мысль усилить наказание мерами, которые произвели обратное действие. Едва брамин воскликнул: «Мечь!», как председатель после краткого совещания с членами суда сухо произнес:

– А когда казнь над вами будет совершена, палач отрубит

вам голову; ее обреют и зашьют в свежеснятую кожу свиньи; то же сделают и с вашим телом: его зашьют в кожу другого нечистого животного. И голову, и туловище бросят в разные реки, и вы будете навсегда лишены честного погребения по обрядам вашей веры. Так будет со всяким, кто осмелится поднять руку на европейского подданного Ее Величества Королевы.

Для того, кто знает непреодолимое отвращение индусов к некоторым животным, считающимся нечистыми, и священное уважение, которое они питают к мертвым, будет понятно, что приговор этот произвел впечатление настоящего святотатства, что заставило всех закричать от ярости. На бронзовом лице брамина выступила страшная бледность, и он сказал судье дрожащим голосом:

– Вы этого не сделаете!

Судья не удостоил его ни взглядом, ни словом.

– Я предлагаю выкуп, чтоб тело мое было возложено на священный костер...

То же ледяное и презрительное молчание.

– Десять тысяч ливров... Пятьдесят тысяч ливров! Сто тысяч ливров!

– Уведите осужденного! – сказал просто председатель. Конвой увел несчастного, которого до сих пор ничто не могло потрясти и который теперь стонал и кричал при мысли об оскорблений, которое нанесут его останкам.

В назначенный час приговор был исполнен, несмотря на

угрозы. Казнь совершилась не втайне перед тюрьмой, по английскому обычаю, а на площади, в присутствии толпы зрителей. Англичане хотели, чтоб пример подействовал, и ничто в мире не заставило бы их отменить наказание. Толпа туземцев, сдерживаемая кавалерией, артиллерией и пехотой, присутствовала с мрачным ужасом при зловещих приготовлениях, которые делались как бы нарочно так открыто. К подножию быстро выстроенной виселицы привели двух огромных, толстых свиней, которые противно хрюкали. Два мясника зарезали их и сняли с них кожу, между тем на место казни привели осужденного, связанного, спутанного, босого, окруженного ротой матросов королевского флота. Он хотел говорить, протестовать; пытался, хотя и без результата, обратиться к защите. Бой барабанов заглушил его голос. Возмущенные, разъяренные зрители яростно и отчаянно протестовали, но напрасно: в скором времени несчастного вздернули на веревке. Зрители были бессильны: их сдерживали пушки, ружья, пики красных уланов. Наконец, смерть уже сделала свое дело, убийца сам стал трупом. Палач ударом сабли отрубил ему голову. Один из его помощников поднял ее, быстро обрил и завернул в окровавленную кожу свиньи. Другой схватил тело, завернул и завязал его в другую кожу, потом оба пакета положили в повозку, запряженную сильными лошадьми. Толпа с невыразимым отчаянием следила за этим диким поруганием и не упустила ни одной подробности. Крики усилились, и народ, будто обезумев, кинулся за

удаляющейся группой. Тем временем европейцы удалялись и имели обо всем разные впечатления; те, кто лучше знал индусское население, говорили:

– Судьи сделали ошибку или послушались дурных советников... Они хотели примера, но в результате только возбудили ненависть. Дай Бог, чтоб нам не пришлось пострадать от мщения дикарей!

Увы, эти опасения имели слишком верное основание.

После покушения прошло два дня. Невероятно, но леди Леннокс осталась жива после ужасной раны. Правда, ее жизнь висела на волоске, но она все-таки жила. Доктор, которому удалось сделать это чудо, был теперь полон надежды. Патрик и Мэри, уничтоженные горем, страшно усталые, не могли ни уснуть на один час, ни подкрепить себя пищей. Теперь же бедные дети начали воскресать. На бледных губах их матери появилась уже слабая, печальная улыбка, и она прошептала их имена. Эта улыбка, этот невнятный призыв потрясли их и вызвали слезы. Они видели, что их мать наконец спасена. Как трогательно они радовались, как бесконечно благодарны были доктору. Они в первый раз со времени болезни матери немного поели и уснули.

Сам доктор, усталый до последней степени, ушел в свою комнату и предоставил больную заботам сиделки, на которую вполне можно было положиться. Впрочем, он бросился в постель, не раздеваясь, чтоб прийти на первый зов электрического звонка.

На рассвете его разбудили ужасные крики. Эти крики доносились из комнаты леди Леннокс, отделенной от его помещения только коридором. Доктор быстро вскочил и побежал на крик, предчувствуя несчастье. Он открыл дверь, и перед его глазами предстало ужасное зрелище. На полу лежала связанная сиделка, с заткнутым ртом и потухшими глазами, не имея возможности ни крикнуть, ни пошевелиться. Рядом с ней Мэри, в ужасном нервном припадке; Патрик стоял с безумным взглядом, сжатыми кулаками, произнося хриплым, совсем разбитым голосом: «Мама, мама!»

Герцогиня Ричмондская лежала на постели без движения. Не было ни малейшего признака дыхания, и одна рука свесилась, уже холодная, с постели. Из полуоткрытого рта текла струйка крови. Вокруг шеи был закручен длинный черный шелковый платок, сдавленный с невероятной силой и завязанный особым способом. Несчастливая была задушена во время сна с адской ловкостью и смелостью. Доктор, несмотря на свое испытанное мужество, побледнел и не мог удержаться, чтоб не закричать от ужаса. Он только что увидел над кроватью большой четырехугольный лист бумаги, приколотый к кедровой перегородке.

На бумаге были написаны слова, объяснявшие причины этого нового злодейства: «Мечь браминов!»

Глава III

Пеннилес. – Старые знакомые. – Вверх по Хугли. – Индусские гавиалы. – Охота за людьми. – Сражение с животными. – Скорая помощь. – Оставшиеся в живых. – Тело брамина. – Ночь на реке. – В Калькутте. – «Я арестую вас именем Ее Величества Королевы».

Красивая яхта, на которой был поднят американский флаг, медленно поднималась вверх по Хугли, направляясь к Калькутте. Эта яхта весила около полутора тысяч тонн, отличалась очень изящной отделкой, равно как и быстротой хода и способностью стойко выдерживать напор морских волн. Ее белый, как снег, корпус, украшенный золотом на корме, на бортах и на палубе, богато никелированные металлические предметы, ценность дерева, сразу бросающаяся в глаза, роскошь всей обстановки, – все говорило о богатстве и вкусе ее владельца.

Многочисленный экипаж – около тридцати человек, не считая машинистов, – находился на своих местах в ожидании того, что скоро придется бросить якорь. Люди, тщательно подобранные один к одному, казались сильными и расторопными в своих голубых, надувавшихся от ветра куртках, с серебряной надписью на фуражках, которая гласила, как бы в насмешку над окружающей роскошью: «Penniless... Без гроша в кармане»... Это было, очевидно, название корабля,

потому что та же надпись золотыми буквами была сделана и на корме корабля. Это странное название заставляло всех обращать особенное внимание на роскошь и невольно навело на мысль, не кроется ли тут веселая ирония или какое-нибудь таинственное происшествие.

На палубе стояла прекрасная пара: высокий молодой человек с гордой осанкой, в костюме моряка, который он носил ловко и изящно, и молодая женщина яркой красоты, в шелковом пеньюаре кремового цвета. Молодой человек с темными волосами, со слегка вьющейся короткой бородой, большими и блестящими карими глазами казался энергичным, добрым, мужественным человеком. Молодая женщина была блондинка с голубыми глазами, жемчужными зубами и розовыми губками; в ней было что-то нежное и в то же время решительное, что придавало ее прелестному лицу какое-то неуловимое выражение.

На корме корабля стоял человек атлетического сложения, обросший бородой чуть не до самых глаз, с темно-красной, кирпичного цвета кожей, с нависшими бровями, как у злодеев в театре, с большими волосатыми руками. Он был одет в матросскую куртку с якорями на металлических пуговицах; на голове его была фуражка с узеньким золотым галуном. По-видимому, он исполнял обязанности боцмана. У румпеля⁵, который блестел, как солнце, усердно нюхал табак ры-

---

⁵ Румпель (голл.) – рычаг для поворота руля.

жий человек огромного роста, чистокровный янки⁶, который с удивительной ловкостью и хладнокровием управлял рулем.

Хотя солнце стояло очень низко над горизонтом, жара была удушающая. Боцман выразил это замечание звучным голосом (причем от него сильно запахло чесноком), с тем особенным акцентом, которым отличаются жители Прованса.

– Джонни, братец, здесь жарко, как в пекле! Честное слово, можно подумать, что мы в Тулоне!

Рулевой плюнул за борт, пожал плечами и ответил в нос, с акцентом, по которому легко можно было узнать янки.

– Что за чудесный табак этот мокко! – Тулон! Да ведь там мороз... мороз и снег!

Первый ответил с негодованием:

– Скажи лучше, что в Олиуле иногда бывает изморозь... и на Гросерво бывает снег, но что это за снег! От него листья не желтеют и не остается влаги.

Янки рассмеялся и старался припомнить, какой бы шуткой ответить на это замечание, как вдруг начальник яхты отдал в рупор приказ бросить якорь.

– Что это? – воскликнул провансалец, вглядываясь в далекое речное пространство. По воде разбежались многочисленные концентрические круги и струйки, в середине которых виднелись черные точки. Рулевой Джонни тоже посматривал в ту сторону и сказал своим хриплым голосом:

– Ну, Марий, у тебя хорошие глаза, скажи-ка, что это та-

---

⁶ Янки (англ.) – прозвище американцев.

кое?

– Черт возьми! Это плывут люди!

– А может быть, и звери, клянусь Богом!

– Или вещи... Посмотрите-ка! Там так и кишат крокодилы! Люди, вещи, крокодилы, все это суетится, плещется, вертится! Несчастные! Их наверно проглотят эти чудовища!

Яхта, бросившая якорь, продолжала некоторое время подвигаться. С другой стороны, быстрое течение Хугли несло ей навстречу те предметы, живые или неживые, которые видел Марий. Расстояние все уменьшалось. Провансалец не ошибся. По мутным волнам плыли со всей возможной поспешностью люди, которых было довольно много; они казались совсем истощенными и испускали яростные и отчаянные вопли.

Положение этих несчастных было ужасно: их со всех сторон окружили гавиалы, которых водится множество в дельте Ганга. Они кишат под манговыми деревьями, на отмелях во время отлива, в траве, в воде. Гавиал хорошо известен: это не менее сильное, ловкое и кровожадное пресмыкающееся, чем крокодил, от которого он отличается только устройством головы, более продолговатой, с характерными утолщениями около ноздрей. Это обычный гость индусских рек, где он разбойничает, как настоящий пират, видимо, предпочитая всему другому человека, если только ему удастся до него добраться. Гавиалы окружали странных купальщиков, замеченных экипажем яхты. Время от времени можно было ви-

деть, как схваченный за ногу человек нырял, потом появлялся на поверхности и исчезал с душераздирающим криком. Другие, ошеломленные близостью чудовищ, которые яростно били хвостом по воде, схватывались и растирались ужасными челюстями, которые потом закрывались, щелкая, как огромные ножницы. Кровожадность пресмыкающихся была так велика, что, вероятно, скоро люди были бы съедены. Однако некоторые очень легко могли бы спастись, но, вовсе не стараясь приблизиться к берегу, они оставались посередине реки и толпились около небольшой группы людей, которые держали найденный в реке предмет; они толпились здесь, как солдаты уменьшившегося в числе батальона группируются около знамени, которому грозит опасность.

Молодая женщина, следившая с палубы за всем происходящим, выражала живейшее сострадание.

– Жорж, друг мой, – воскликнула она умоляющим и жалобным голосом, – не поможем ли мы этим несчастным?

– Вы предупредили мое желание, милая Клавдия, – ответил начальник яхты, потом скомандовал громовым голосом:

– За борт китоловную лодку с шестью матросами!

Боцман Марий поднес свой серебряный свисток к губам и сыграл сигнал. Тотчас же шлюпка была отвязана и спустилась по таям. Гребцы и их командир были уже на местах с поднятыми веслами. Лодка быстро отчалила и немедленно направилась к группе туземцев, на которых нападали гавиалы. И, странное дело, эти ужасные животные, вместо

того чтобы прекратить погоню за добычей, казалось, удвоили свою ярость. Может быть, их аппетит возбуждался какими-нибудь таинственными причинами или им придавало смелости то, что их было так много. Над водой держалось не более десятка истощенных, задыхавшихся индусов, которые едва могли двигаться. Увидев, что к ним спешат на помощь, они без колебания бросили в лодку таинственные предметы, которые хотели спасти ценой таких жертв.

По знаку начальника лодки они уцепились за борт, с трудом вскарабкались и упали в изнеможении на скамейки. Тогда необъяснимая ярость гавиалов разгорелась еще сильнее, если это только было возможно. Они кинулись на китоловную лодку и окружили ее. Их было около ста и притом огромных животных; они глухо рычали, приподнимались до половины туловища над водою, схватывались за борт своими огромными лапами с когтями и перепонкой, открывали пасть, из которой вырывалось зловонное дыхание. Положение матросов и индусов становилось поистине ужасным. Безоружные гребцы отбивались веслами, защищались, как могли. Начальник яхты, который видел всю опасность их положения, быстро скомандовал в рупор: «Вперед, осторожно!» Потом прибавил: «Марий, карабины!» Боцман предвидел приказание. Прежде чем начальник успел его произнести, провансалец кинулся, как ветер, к штурвалу, снял три винчестера, вернулся на палубу, вскарабкался на четвереньках на мостик, на котором стояли капитан и его жена, и по-

дал им по ружью, а третье взял себе. Потом с удивительным хладнокровием все трое открыли огонь в тот самый момент, когда яхта тронулась с места. Они находились теперь в четырехстах метрах от лодки, которой грозила опасность.

Все трое стреляли превосходно. Китоловная лодка, матросы, крокодилы составляли движущуюся, смешанную группу, где трудно было различить предметы в отдельности. Малейшая ошибка могла бы причинить смерть бедным людям, которые отбивались с отчаянной энергией. Но пули все с той же меткостью попадали в крокодилов, заставляли разлетаться роговую чешую, пронзали их холодное, мягкое тело, раздробляли кости. Около десяти чудовищ были поражены смертельными ранами и пошли ко дну, извиваясь в судорогах. Огонь все еще продолжался, место вокруг лодки все более очищалось, наконец, она получила возможность двигаться вперед. Яхта шла к ней навстречу, так что оба судна скоро встретились, и перепуганные пресмыкающиеся, которых было уже немного, оставили свою добычу. Скоро китоловную лодку втащили на борт, и мокрые, истощенные, окровавленные индусы ввалились на палубу. Экипаж смотрел на них с любопытством, между тем как владельцы яхты, передав свое смертоносное оружие боцману, спустились с юта⁷. При виде молодого человека и его подруги, которые так великодушно спасли их от смерти, индусы стали на колени с каким-то особенным благоговением, держа руки в виде чаши над головой.

---

⁷ Ют – часть кормы корабля.

Один из них, с виду начальник, обратился к европейцам на ломаном английском языке и проговорил грубым, прерывающимся от волнения голосом:

– Благодарим саиба⁸, который исторг служителей божественного Брамы из пасти чудовищ Хугли и дал им возможность вытащить из воды трижды святые останки их уважаемого учителя!.. Благодарим белую красавицу, такую же прекрасную, как богиня Лакшми, такую же белую, как священный лотос!

Начальник яхты и его подруга с любопытством смотрели на этого цветистого оратора, не понимая хорошенько, что он хотел сказать. Это был человек неопределенного возраста, худой, как аскет, и притом со странной и ужасной физиономией. Тощий, с сильно натянутыми, выдающимися мускулами, выпятившейся грудью, глазами, которые горели как угли, он воплощал в своем лице силу и энергию. Молодой человек ответил ему тоже по-английски:

– Я считаю себя счастливым, что мог помочь таким хорошим людям, и жалею только об одном – о том, что я не мог спасти вас всех.

– Пусть саиб скажет мне свое имя, чтоб мы знали, кто тот великодушный человек, которому мы должны быть вечно благодарны.

– Я капитан Пеннилес (не имеющий ни гроша денег).

– Пеннилес! Отныне это имя будут считать священным

---

⁸ Саиб – господин.

все, принадлежащие к четырем великим кастам! А теперь, саиб, доверши твое благодеяние и вели дасть нам несколько кусков белого полотна...

Капитан прервал его речь:

– Ты получишь все, чего пожелаешь; но скажи, разве вы все не чувствуете голода и жажды? Тебе и твоим товарищам дадут пищи и питья.

– Твое сердце настолько же великодушно, насколько сильна твоя рука; но прежде чем подумать о самих себе, нам надо исполнить священный долг. Видишь ли, господин, эти два безобразных пакета, ради которых пятьсот человек и даже больше из наших утонули, были убиты, съедены крокодилами... Так вот, в этих лоскутках завернут труп святого, который англичане осквернили, после невероятных мучений. Вот голова и туловище, завернутые в кожу свиньи и брошенные в реку. Мы вытащили из воды эти драгоценные останки, но какой дорогой ценой!

Капитан и его жена безмолвно и внимательно слушали эту странную историю, рассказанную тихим, сдержанным голосом, с ужасным оттенком ненависти. Рассказчик продолжал:

– А теперь, великодушный господин, позволь нам удалиться в уголок твоего корабля, чтоб вынуть тело нашего уважаемого учителя из нечистых оболочек и завернуть в полотно, которое ты обещал нам дать.

Тем временем солнце быстро спускалось к горизонту. Темнота наступала внезапно, без сумерек, как всегда бывает

в тропических странах. Теперь уже нельзя было войти в гавань Калькутты. Капитан велел бросить якорь и зажечь огни, как делают в тех случаях, когда собираются провести ночь на реке. По его приказанию боцман Марий отвел индусов на нос корабля, за полотняную занавеску, которую поторопились повесить, чтобы они могли чувствовать себя в удивлении.

Мрачная церемония, которую не смущал никакой посторонний любопытный глаз, не долго продолжалась; через час все было кончено. Капитан, который не намеревался долго оставлять индусов у себя на корабле, предложил отвезти их на берег Хугли, в пустынное место, под тень манговых деревьев. Туземцы охотно приняли это предложение и оставили яхту в большой лодке, в сопровождении десяти вооруженных с ног до головы человек. Они благополучно пристали к берегу, высадились, неся на плечах труп брамина, и, оставив в стороне манговые деревья, углубились в чащу.

На другой день яхта подняла паруса. Тихо и величественно поплыла она вверх по реке, миновала великолепные сады и коттеджи, дворцы и виллы Гарденрича, потом линию доков и бассейнов, расположенных выше и ниже канала Толли-Нолла. Потом она миновала арсенал, форт Вильям, цитадель и достигла корабельной пристани, которая соединяет Калькутту с новым городом, построенным напротив нее и называемым Хаура. Здесь с яхты бросили якорь и привязали ее канатом к набережной, после того как ее посетили сани-

тары, позволившие ей свободный вход в городскую гавань.

Капитан Пеннилес, взяв свои бумаги, собирался сойти с корабля, чтоб идти в город, как вдруг перед ним появилось несколько человек европейских солдат под командой офицера.

– Вы капитан корабля? – грубо спросил офицер без малейшего поклона.

– Капитан и владелец этой яхты! – ответил высокомерным тоном Пеннилес.

– Ну, так я арестую вас именем Ее Величества Королевы!

Глава IV

Удары судьбы. – Прощание. – Преданность. – Печальный кортеж. – В тюрьме. – Перед судом. – Клевета. – Таинственная записка. – Освобождение заключенного.

При последних словах английского офицера капитан яхты слегка побледнел, и на его мужественном лице появилось гневное выражение.

– Вы арестуете меня, – сказал он с негодованием, – за что же?

– Я действую в силу формальных приказаний, которым я должен повиноваться и мотивы которых мне неизвестны.

– Я протестую во имя общечеловеческого права, несправедливо нарушенного вами, и обращусь к заступничеству американского консула!

– Я не имею полномочий принять ваш протест и прошу вас следовать за мной немедленно и добровольно, иначе я буду принужден прибегнуть к открытой силе.

– Тогда мне, вероятно, будет позволено проститься с моей женой и объяснить ей...

– Мне приказано не позволять вам общаться с кем бы то ни было.

– Значит, вы обходитесь со мной как с государственным преступником?..

Молодая женщина, услышав разговор, вышла из своей ка-

юты; при виде мужа, окруженного солдатами со штыками на плечах, она очень удивилась.

– Жорж, друг мой, что случилось? Что тут такое? – воскликнула она, бросаясь к мужу.

– Милая Клавдия, – возразил молодой человек, – гостеприимная Англия обратила на меня внимание сразу же, как только я собрался вступить на землю Индии, и меня, кажется, собираются отвести в тюрьму!

– Но я не оставлю тебя одного, я пойду с тобой! Милостивый государь, позвольте мне следовать за моим мужем!

– К сожалению, сударыня, это невозможно, так как относительно вас я тоже имею приказания. Вы должны оставаться на яхте, которая будет занята войсками до тех пор, пока суд не вынесет приговора вам обоим. Итак, милостивый государь, пойдете!

– Милая Клавдия, – сказал владелец яхты, – здесь недоумение, которое скоро должно разъясниться. Будь мужественна! Нам пришлось испытать немало и других опасных и неприятных приключений. Не бойся ничего! Ты знаешь, что ничто в мире не может меня испугать.

Перед грубыми, равнодушными солдатами молодая женщина сдержала слезы, стыдясь их. Призвав на помощь все свое мужество, она ответила твердым голосом:

– Всякое сопротивление бесполезно, мы должны подчиниться силе. До свидания, дорогой Жорж! Моя душа будет с тобой!

Арестованного ожидало большое ландо⁹ с поднятым верхом и открытой дверцей. На переднем сиденье сидел унтер-офицер. Офицер пригласил капитана яхты сесть на заднее сиденье, и сам поместился рядом с ним. Сейчас же дверца заперлась, и экипаж поехал рысью мимо толпы туземцев, которая быстро собралась на набережной.

На яхте расположился отряд солдат, и молодая женщина, которую постиг столь жестокий удар в то время, когда она наслаждалась полным счастьем, вся бледная, направилась к лестнице, которая вела в ее каюту. Там она могла, по крайней мере, дать волю своим слезам.

Несмотря на все негодование, которое овладело экипажем корабля, начиная от боцмана и до юнги, никто не пробовал протестовать, сознавая, что это бесполезно. Но по блестящим глазам, нахмуренным лицам и сжатым кулакам этих верных людей можно было догадаться о том, что происходило у них в душе. Ах, если б хотя один против пяти и вне выстрелов пушек цитадели! Какое сопротивление они могли оказать!

Миссис Клавдия увидела у лестницы боцмана, который почтительно снял шляпу и сказал ей дрожащим голосом, что заставило ее забыть про его смешной провансальский выговор и обнаружило, что он способен на сильные ощущения, которых никто не заподозрил бы у этого колосса:

– Сударыня, наш капитан ушел от нас, и вы для ваших

---

⁹ Ландо (франц.) – четырехместная крытая карета.

честных и преданных слуг остаетесь здесь первым лицом после Бога.

Рулевой Джонни подошел к разговаривавшим, теребя свою шерстяную шапку.

– Да, сударыня, – прибавил он, вытирая своей жесткой ладонью слезу, которая затуманивала его глаза, – француз хорошо сказал. Мы преданы вам телом и душой; вы можете положиться на экипаж «Пеннилеса».

Бедная женщина, тронутая этими выражениями теплого чувства, с трудом прошептала:

– Благодарю вас, друзья, благодарю от всего сердца!

Когда она скрылась, провансалец надел свою фуражку, хлопнул по ней так сильно, что от этого удара повалился бы целый бык, и заворчал:

– Черт возьми! Вот так приключение! Дорого заплатят за него эти обманщики, красные куртки!

В это время ландо быстро очутилось в центре города. Сильная давка заставила лошадей перейти на шаг. Улицы наполняла огромная толпа, но толпа молчаливая и сосредоточенная, состоявшая большею частью из европейцев: солдат, моряков, чиновников, шедших пешком, представителей высшей аристократии, торговой, военной и административной, ехавших в экипажах. Одним словом, вся Калькутта. Эта толпа провожала гроб, весь покрытый цветами, за которым шли двое удрученных горем детей-подростков, брат и сестра. Капитан Пеннилес снял шляпу, а офицер отдал честь.

– Это – похороны леди Ричмонд, убитой туземцем! – сказал он своему пленнику, бросая на него подозрительный взгляд.

– За гробом идут, вероятно, дети покойной? – спросил капитан.

– Да! А их отец, майор Леннокс, герцог Ричмондский, сражается в настоящее время с африки, которых смутили какие-то тайные агенты и научили поднять знамя восстания против королевы!

– Бедные дети, бедный отец! – пробормотал капитан яхты с состраданием, не замечая насмешливого выражения лица офицера.

Печальная процессия медленно миновала их, и тогда экипаж снова поехал рысью. Вскоре он остановился у дверей главной тюрьмы.

Офицер отдал своего пленника под расписку служащим тюрьмы, которые внимательно осмотрели его, составили список бумаг, вещей, которые при нем нашли, и отвели его в тюремное помещение с огромными решетками на окнах. Капитан Пеннилес, человек энергичный и решительный, оставшись один, не предался отчаянию. Он сел на деревянную скамеечку, прикованную крепкой железной цепью, и вывел из всего случившегося следующее заключение:

– Нужно на все смотреть серьезно, но не трагически. Я сделался жертвой глупой ошибки или злых замыслов; буду же терпеливо ждать событий. Такой человек, как я, не может

вдруг исчезнуть, как шарик у фокусника... Что же касается моей милой Клавдии, ее мужественная душа не знает ни робости, ни боязни. Она твердо перенесет этот удар, который, правда, поразил нас как раз в то время, когда мы наслаждались полным счастьем.

Прошло около двух часов; потом индусский служитель вместе с европейским надсмотрщиком принес заключенному обед, не особенно обильный, но достаточный. Он уничтожил его, как человек, умеющий приспособливаться ко всему, потом, чувствуя себя достаточно подкрепленным, стал терпеливо ждать, прислушиваясь время от времени к зловещему бою невидимых часов. Так прошел почти весь день, и Пеннилес думал уже, что его намеренно оставят в покое до следующего дня, как вдруг дверь отворилась, гремя запорами.

В комнату вошли шесть человек солдат в красных мундирах, со штыками, под командой сержанта с револьвером в руках.

Только что перед тем пробило пять часов.

– Следуйте за мной! – грубо скомандовал унтер-офицер.

Заключенный с трогательным спокойствием повиновался, без слова, без жеста. Его провели по ряду длинных коридоров с толстыми сводами, потом он и его провожатые вошли в комнату, представлявшую собой что-то вроде передней; там их ожидал тюремный сторож. Пеннилес прождал добрых четверть часа в обществе солдат, неподвижных, как мо-

лящиеся индусы. Наконец раздался резкий звонок, и сторож ввел его в зал, где было только три человека: секретарь, адвокат и председатель суда, тот самый, который вынес страшный приговор брамину Нариндре. Капитан в сопровождении сторожа приблизился, сел на высокий стул, стоявший против стола, где сидел судья, и спокойно дожидался своей участи.

– Будьте так добры сказать мне ваше имя! – сказал председатель с ледяным спокойствием.

– Я спросил бы вас в свою очередь, по какому праву вы допрашиваете меня, после того как меня арестовали помимо всякого права. Потом уже и я отвечу вам, из снисхождения к судебным порядкам великой страны, но во всяком случае не ранее, чем выражу свой протест против этого насилия.

Этот гордый ответ, произнесенный твердым голосом, заставил поднять голову всех трех присутствующих, не привыкших видеть и слышать такого рода обвиняемых.

– Я – граф Жорж де Солиньяк, французский дворянин, более известный в Америке под именем капитана Пенниле-са. Я имею, или я «стою», как говорят в моем приемном отечестве, сто миллионов долларов. Мне двадцать девять лет, я приехал в Индию вместе с моей женой для собственного удовольствия.

Противоположность между словами: Pennyless – без гроша – и суммой в сто миллионов долларов привела трех англичан в волнение. С другой стороны, этот рассказ, кажется, пробудил в памяти судьи интересное воспоминание, потому

что он прервал допрос или, лучше сказать, разделил заседание на два отделения.

– Так это вы тот эксцентричный джентльмен, которым так много занималась пресса Старого и Нового света два года тому назад... У вас не было никаких средств к существованию... ни гроша... и вам пришла оригинальная мысль побиться об заклад, что вы совершите кругосветное путешествие без гроша в кармане. С одной стороны, вы ставили на ставку вашу жизнь, с другой – в случае выигрыша вы должны были получить огромную сумму денег... Вы пустились в путь, по условию, не имея другой одежды, кроме газет, обвязанных вокруг тела, и таким образом заработали свое огромное состояние.

– И я надеюсь удвоить его в скором времени! – прервал судью Пеннилес. – Меня называют Нефтяным Королем, а королевский сан, будь это хоть в промышленной области, позволяет мне иметь, по моему мнению, по крайней мере миллиард франков!

– С чем вас и поздравляю! – сказал судья, которого, как истого англичанина, эксцентричные выходки интересовали не менее юридических вопросов.

Потом, после этого странного вторжения в частную жизнь подсудимого, председатель прибавил, сделавшись вдруг холодным как лед и указывая на адвоката:

– Вот достопочтенный Адам Смит, ваш официальный защитник, который по закону должен присутствовать при ва-

шем допросе и будет служить вам своей опытностью.

Адвокат и обвиняемый обменялись церемонным поклоном, и председатель продолжал:

– Теперь к делу. Вот очень подробные бумаги, касающиеся вас.

– Это невозможно! – воскликнул Пеннилес, крайне удивленный.

– Пожалуйста, не прерывайте меня. Судя по сведениям, имеющимся в этих бумагах, вас нужно считать за решительного врага всякого авторитета, всякого учреждения, всякого подчинения законам...

– Отчего бы и не анархистом?

– Уже в Америке, – продолжал невозмутимый судья, – вы смущали общественное спокойствие, употребляли насилие против честных граждан, разоряли их собственность, волновали целые города... Потом, на Антильских островах, на Кубе, вы становились на сторону мятежников, принимали участие в борьбе партий, делали чисто разбойничьи набеги.

– Это неправда! – воскликнул Пеннилес с негодованием. – Я помогал слабым, освобождал угнетенных, боролся с возмутительной тиранией... Я поступал по совести, как честный человек, и впредь в подобных случаях буду поступать так же. Впрочем, мы теперь находимся не на Антильских островах, не в Соединенных Штатах, и вы не имеете полномочий судить меня за дела, которые были совершены не в вашей стране.

– Я так и знал, что вы будете это говорить, – заметил судья с сардонической улыбкой. – Эти факты, которых вы не отрицаете, могут служить доказательством по аналогии. Не довольствуясь тем, что вы возбуждали беспорядки в Америке и были в рядах бунтовщиков на Кубе, вы являетесь в Индию, чтоб продолжать свою гнусную разрушительную миссию.

– Это неправда!

– Вы формально обвиняетесь в том, что поддерживаете связь с африди, возмущившимися против Ее Величества Королевы, даете им субсидии оружием, военными припасами, деньгами...

– Это гнусная клевета, против которой я протестую с негодованием!

– Мы еще не знаем, действуете ли вы по своей собственной инициативе или по инициативе соседнего государства, которому выгодно устраивать нам затруднения в этой области.

– Итак я – русский агент?

– Может быть!

– Но ведь я сейчас был анархистом.

– Мы увидим это после. Как бы там ни было, про вас сказано, что вы поддерживаете предательскую связь со всеми имеющимися в низших слоях таинственной Индии непризнанными людьми, бандитами, убийцами...

– Я приехал вчера утром и никого здесь не знаю, не видел даже представителей американского и французского прави-

тельства. Клянусь вам честью!

Тут адвокат прервал допрос, чтоб предложить принципиальный вопрос.

– Я буду иметь честь заметить его превосходительству высокопочтенному господину председателю, что все это только одни подозрения и что английское правительство не допускает процессов на основании одних подозрений. Если преступника не застали на месте преступления, то его нельзя посадить в тюрьму... Поэтому я имею честь просить, чтоб обвиняемого немедленно освободили.

– Но он взят на месте преступления! – возразил судья.

– Это невозможно, – решительно утверждал Пеннилес.

– Вы помешали вчера утром исполнению приговора Верховною Суда, помогая бунтовщикам...

– Я видел каких-то несчастных, которые старались вытащить из воды куски мертвого тела и которых гавиалы уничтожали со страшной быстротой... Я помог им, нисколько не воображая, что английское правительство, осуществив приговор, все еще имеет что-то против несчастного, который уже получил свое возмездие...

– Милостивый государь, русло реки служит здесь местом погребения для некоторых преступников, останки которых не должны получать оваций от своих опасных сообщников. Благодаря вам брамины могли в сегодняшнюю же ночь воздать почести презренному убийце! Благодаря вам европейцам грозит опасность; бандиты теперь пробудились – и вот

новый очаг восстания, готовый воспламенить всю провинцию. Ваши сообщники уже начинают действовать!

– Опять-таки, уверяю вас честью, что не знаю здесь никого... я действовал просто из чувства человеколюбия, помогая людям, подвергшимся опасности.

В этот момент сторож, который находился в комнате, служившей передней, потихоньку вошел, неся на подносе маленький пакет, который отдал судье со словами:

– Это неотложное дело, ваше превосходительство.

Председатель быстро развязал пакет и вытащил оттуда длинный шелковый платок и маленький кинжал с тонким лезвием, воткнутый в бумагу. Он слегка побледнел, читая строки, написанные по-английски на клочке бумаги, и сказал Пеннилесу изменившимся голосом:

– Вы все еще уверены, что у вас тут нет знакомств, что вы не знаете ни одной живой души?!

– Я клянусь в этом!

– Если так, то прочитайте это.

Пеннилес взял бумагу, бросил на нее взгляд и издал глухое восклицание удивления.

– Прочитайте громко, прошу вас.

Пеннилес повиновался.

– Под угрозой смерти председателю Верховного Суда повелевается немедленно освободить капитана Пеннилеса!

Судья сказал с достоинством:

– Этот платок похож на тот, которым задушили леди Рич-

монд... Этот кинжал точно такой же, как тот, который нашли над ее кроватью. Моя жизнь в опасности, но никогда английский судья не колебался перед угрозой, как бы ужасна она ни была. Я исполняю свой долг!

Он нажал пуговку звонка, которую можно было достать рукой с его места.

Вошли солдаты и унтер-офицер.

– Отведите обвиняемого в его камеру! – сказал он холодно.

Глава V

Похороны. – Последнее «прости». – Шотландская гордость. – Несчастье. – Без крова, без прислуги, без ничего. – Голод и жажда – Боб. – Nephthes. – Немного воды. – Еще несчастные. – Жертвы голода. – Приходится есть цветы. – Под бананом.

Детям несчастной герцогини Ричмондской приходилось терпеть всевозможные житейские напасти. В последнее время они пережили много мучительных, трагических событий, остались одни, без помощи, без поддержки, были лишены привязанности своей доброй матери, скитались, не находя себе места, пришибленные, огорченные и производили впечатление смертельно раненных птенцов, которые время от времени издают жалобный писк. Около них были незнакомые люди, которые всем сердцем жалели их, но дети тем не менее чувствовали себя ужасно одинокими и слабыми среди этого всеобщего сострадания. Они прижимались друг к другу и держались за руки, глядя на чужих людей, печально проходивших мимо могилы, где покоится их мать, но больше не плакали: их сухие глаза блестели лихорадочным блеском.

Когда печальный обряд кончился и когда было сказано последнее «прости», детей хотели увести, чтобы тяжелые воспоминания перестали растравлять их. Патрик, на которого их горе сильно повлияло, сделал отрицательный жест и, пом-

ня, что в отсутствие отца он брал на себя обязанности главы семьи, сказал сестре:

– Подождем еще немного; останемся с мамой, хорошо, Мэри?

– Да, милый братец! Мы попросимся с ней, когда нас оставят одних.

Когда печальная и задумчивая толпа оставила кладбище, дети стали на колени. Они долго молились, примешивая к словам молитвы свои собственные нежные слова, с рыданиями выражая свою любовь, с плачем жалуясь на свое горе, и умоляли Бога о милосердии. Они долго изливали свои чувства, веря, что дорогая умершая услышит их. Потом они встали, разбитые от усталости, дотронулись рукой до сырой земли и набожно перекрестились. Держась за руки, они оставили место упокоения своей матери и направились к себе домой. Сразу же после несчастья многие друзья приглашали их в свои дома; им от души предлагали английское гостеприимство, столь искреннее и широкое. Но их шотландская гордость не могла принять этого предложения. В них всегда развивали чувство собственного достоинства; притом они давно уже сознавали свою бедность, которую из гордости старались скрыть от других, и теперь им казалось, что они унизили бы себя, приняв подобное предложение. Итак, они хотели обойтись без чужой помощи и отправиться на границу Индо-Британской империи, к своему отцу, майору шотландцев Гордону.

Когда мать их была убита на международном базаре, они совсем забыли о кучере, который со своим экипажем, запряженным пони, стал в ряд других экипажей. С тех пор прошло двое суток; теперь они вспомнили об этом в первый раз и не без основания думали, что он, должно быть, вернулся в коттедж. Хотя хорошенькая Гарденричская дача была очень далеко, они решились идти туда пешком. В Индии, как известно, европейца, который ходит пешком, вовсе не уважают, но дети, поглощенные своим горем, мало думали о требованиях английской чопорности. Они скоро вышли на Circular Road, которая привела их на берег Хугли, где столько раз проезжал их экипаж! Они пошли по этой прекрасной дороге, террасами идущей по берегу реки. Расстроенные, возбужденные, не чувствуя усталости, дети молча шли под палящими солнечными лучами, к великому удивлению туземцев, которые смотрели на этих прекрасных подростков и не могли себе объяснить, зачем им понадобилось идти по такой жаре и пыли. По мере того как они шли, они начинали чувствовать некоторое успокоение при мысли о родном приюте, где разбитые тело и душа найдут маленький отдых. Умирая от жажды, мокрые от пота, они, наконец, подошли к большой, посыпанной песком аллее, ведущей в парк. Вдруг при последнем повороте, откуда можно было видеть обвитый цветами фасад дома, они увидели, что дом исчез! На его месте оставалась только черная груда развалин с неприятным запахом гари. Обуглившиеся остатки, камни, пепел – вот и

все, что оставалось от гнездышка, где нежность матери и любовь отца хранили их детство. В этом несчастье были виноваты, очевидно, злые люди, которые не пощадили ничего – ни вещей, ни животных. В огромном птичнике – убитые птицы. В полусгоревших конюшнях лежали трупы лошадей, изрубленных с каким-то диким ожесточением. Разорванная сбруя, разломанные, исковерканные экипажи были свалены в огромную кучу. Но Патрика и Мэри особенно волновал и возмущал вид дома, или, лучше сказать, того, что осталось от дома. Что стало с большим портретом отца и матери? Где их фамильные драгоценности, ценные бумаги, разные вещицы, которые служат воспоминанием? Все это погибло в пламени, а то немного, что уцелело, было испорчено и изуродовано с ужасной изобретательностью и терпением. Туземные служители все исчезли. Даже верная Кэтти покинула это место, если только она не сделалась жертвой злодеев. Несмотря на свою житейскую неопытность, бедные дети не могли не признать везде следы тех, которые мстили за убийцу их матери. Да, индусы с намерением, и притом, можно сказать, с большим искусством постарались уничтожить все.

– О, злые, злые! – воскликнула глухим голосом Мэри, ангельская доброта которой возмущалась до последней степени.

– Эти туземцы – дикие звери, и я отомщу всей их породе! – пробормотал Патрик, сжимая кулаки.

Оба они чувствовали полный упадок сил после всех ли-

шений и горестей, изнемогали от усталости, у них не было ни крова, ни стакана воды, чтоб утолить жажду. Молодая девушка схватила своего брата за руку и повисла на ней, пробормотав:

– Я больше не могу... я чувствую, что упаду.

Мальчик призвал на помощь все свое мужество, чтоб ободрить сестру, но сам испугался, видя, как она бледна, и отнес ее под большой банан, почерневший с одной стороны от огня. Передние ветви этого старого дерева далеко разрослись, образуя непроницаемые своды. Здесь молодая девушка по крайней мере не подвергалась никакой внешней опасности.

– Ободрись, Мэри, милая сестрица! – сказал Патрик как можно нежнее.

– Дай мне пить! Пожалуйста, дай мне пить!

Колодец был завален остатками строения и его крыши; водоем был весь погребен под стенами обрушившегося дома. Там не было ни капли воды!

– Что делать? Боже мой, что делать? – растерялся мальчик, видя, что Мэри бледнеет и хриплым голосом повторяет свою жалобу: «Пить, дай мне, пожалуйста, пить!»

Вдруг Патрик громко закричал от радости и удивления. В нескольких шагах от себя он увидел странной формы кусты, когда-то посаженные здесь майором. Цветы, похожие на зонтик, не представляли собой ничего особенного, но листья! Они были не плоские, как у большей части растений,

а закруглялись и соединялись краями, образуя не пропускающую жидкости чашечку. Кроме того, эта самая чашечка опиралась на имеющий спиральную форму черешок, помогающий ей поддерживать вертикальное положение, и имела сверху крышечку. Чашечка всегда бывает полна свежей и прозрачной воды, которую растение выделяет и которая не испаряется благодаря крышечке, так удачно помещенной здесь самой природой. Внутренность этого оригинального сберегателя, который по размеру, пропорции и прочим признакам напоминает большие фарфоровые немецкие трубки, окрашена в красивый голубой цвет.

Патрик узнал растение *Nepenthes*, о свойствах которого ему говорил когда-то отец. Он проворно оторвал черешок, взял хорошенький сосуд в руки и, приподняв крышку, поднес его к губам Мэри. Молодая девушка стала с жадностью пить и сразу почувствовала, что этот чудный напиток доставляет ей большое облегчение.

– Благодарю, братец, благодарю! Мне теперь гораздо лучше, – сказала она более твердым голосом. – Выпей и ты, тебе, верно, очень тяжело.

Это были первые минуты отдыха, которые давала им столь жестоко преследовавшая их судьба. В ту же минуту они услышали ворчанье, потом радостный и оживленный лай.

– Это как будто голос Боба! – воскликнул Патрик.

Перед ними появился бульдог с четырехугольной головой, острыми ушами, усиленно махавший хвостом. Он бросился

к детям, лизал их, прыгал, визжал от радости, точно сумасшедший. Это доброе существо не захотело покидать развалины дома. Он умер бы там от голода и тоски, но знакомые голоса детей пробудили его. Мэри, рыдая, обняла этого единственного и верного друга, оставшегося им в тяжелом несчастье.

Он, казалось, один пережил катастрофу, которая уничтожила все, что касалось их счастливой домашней жизни. Боб, которого дети ласкали, устыдил на них свои добрые глаза, облизывал себе губы и как будто говорил:

«Ну вот, мы опять все вместе... это прекрасно! Но хотя наши сердца и радуются, в желудках чувствуется пустота».

Это была чистая правда, так как все трое ослабевали от голода. Надо было достать пищи, но где? Флора, которая только что утолила жгучую жажду, могла бы дать им и пищу, так как в их парке, как и в соседних, было много полезных деревьев. Здесь были хлебные, манговые деревья, кокосовые пальмы и множество бананов. Но все эти прекрасные растения были или в цвету, или с еле завязавшимися плодами. Патрик, к своему разочарованию, ничего не находил. Он оставил Мэри под густой тенью старого банана и бродил по аллеям. Вдруг Боб, который, резвясь, следовал за ним, остановился, заворчал и оскалил зубы. Шесть человек несчастных индусов, уже долгие месяцы томившихся от ужасного голода, тоже искали себе скудной пищи в этом опустевшем человеческом жилище. Едва прикрытые лохмотьями, худые,

безобразные, похожие на блуждающие привидения, они спотыкались на каждом шагу. Маленький англичанин, который только что произносил ужасную клятву мести, остановился, глубоко потрясенный их видом. Он успокоил собаку и следил за этими несчастными. Бежать у них не было сил, впрочем, их ободрил приветливый вид мальчика. Одна из женщин набралась достаточно смелости, чтоб обратиться к нему.

– Господин мой, – сказала она плохим английским языком, – позволь бедным, умирающим с голода индусам поесть цветы Шлоупи.

– Кушайте на здоровье, мои милые! – ответил мальчик.

Женщина поблагодарила, и они с трудом поплелись по аллее, между тем как Патрик размышлял:

«Так значить есть цветы, называемые Шлоупи (*Bassia latifolia*, из семейства сапотовых), которые едят, когда голодны?..»

И он потихоньку пошел за несчастными, которые должны были дать ему первый и так нужный ему урок из практической жизни. Недалеко росли деревья с большими жесткими листьями темно-зеленого цвета. Эти деревья были покрыты огромным количеством прекрасных бледно-желтых цветов, которые теперь опали и покрывали землю толстым золотистым ковром. Патрик с удивлением увидел, как индусы бросились на эти цветы и с жадностью стали их поедать. Этот странный обед продолжался добрый час, но Патрик не стал

дождаться его конца. Он побежал к банану, где отдыхала его сестра, и рассказал ей об этом. Потом оба, чтоб не смущать индусов, а главным образом из чувства собственного достоинства, отправились искать подобные деревья. Страдание еще не успело научить их, что несчастье делает людей братьями! Они легко нашли то, чего искали, попробовали этот обед и нашли его даже вкусным! Мясистые, толстые лепестки имели сладковатый вкус с приятным ароматом земляники. По примеру своих голодных соседей, они поели их досыта, вернулись к банану, который служил им отличной защитой от непогоды, улеглись на мягком, мшистом ковре, покрывавшем землю, и уснули под бдительной охраной Боба, их доброй собаки.

Глава VI

Председатель суда сэра Вильям Тейлор. – Осадное положение. – Первая ночь. – Новая ужасная угроза. – Это война! – В запортом со всех сторон доме. – Ужасное явление. – Человек или привидение? – Гроза. – Утро. – Хозяин дома убит. – Непроницаемая тайна.

Председатель Главного Суда всю свою жизнь служил в Английской Индии. Он хорошо знал страну, был знаком с ее суевериями, тайными обществами, преданиями, и хотя, как истый англичанин, и презирал туземцев, тем не менее хорошо знал, что они способны тайно нанести ловкий удар, пустив в ход способность надевать на себя маску. Поэтому полученное им приказание освободить Пеннилеса под угрозой смерти заставило его призадуматься.

Хотя этот таинственный ультиматум и не испугал его, тем не менее он принял всевозможные предосторожности, чтобы спасти свою жизнь: осторожность еще не малодушие.

Его высокая должность, не хуже вознаграждаемая, чем место посланника, давала ему право на титул превосходительства и делала его одним из первых лиц империи.

Это был человек лет пятидесяти, высокого роста, атлетического сложения, страстно любивший спорт, отлично ездивший верхом, охотившийся на тигров и обладающий мужеством, испытанным при многих опасных случаях. Он жил

вместе со своим многочисленным семейством в роскошной вилле или, скорее, роскошном дворце, находившемся в Чауринги, старом предместье Калькутты.

Он был счастлив в семейной жизни, имея шестерых прекрасных детей, четырех дочерей и двух сыновей, старший из которых был поручиком в шотландском полку Гордона. Вообще это был уважаемый во всей обширной империи человек. Звали его Вильям Тейлор.

Его дом был полон английской и туземной прислуги; все имели здоровый вид и были хорошо одеты, так что в общем двор судьи напоминал, в соответственной пропорции, дворцы прежних князей раджей, теперь давно уже лишившихся своих владений.

Как только была произнесена угроза, его превосходительство сделал строгий выбор между своими людьми и приказал хорошо стеречь двери. Всех индусов безжалостно удалили и оставили одних европейцев, кроме одного камер-лакея, служившего прежде солдатом в полку сайков (sikh); это был горец испытанной верности и преданности. Было решено, что он в полном вооружении ляжет спать на циновке у дверей своего господина и что коридоры тоже будут заняты вооруженными служителями из Непала, людьми, которые со времени покорения Индии европейцами были их честными и верными друзьями.

Не довольствуясь, однако, и этими мерами предосторожности, судья велел увеличить число электрических звонков,

на зов которых должна была появляться вся многочисленная прислуга. Все двери комнат были окружены электрическими проводами, так что стоило немного приотворить одну из них, чтоб со всех сторон раздались громкие звонки. Наконец, Тейлор сам зарядил револьвер, положив его в таком виде на свой ночной столик, и, успокоенный тем, что все было так хорошо обдумано и предусмотрено, крепко заснул.

Ночь была чудная, удивительно тихая и спокойная. Его превосходительство, председатель суда, проснувшись поздно утром, обрадовался было успеху всех принятых мер, как вдруг у него вырвался крик удивления, смешанного с ужасом. Над самой его кроватью в стене торчал кинжал и под ним бумага с написанными на ней словами:

«Освободи капитана Пеннилеса или ты погибнешь в течение этих суток!»

Вытаскивая кинжал и читая бумагу, судья почувствовал, как его покрыл холодный пот.

Очевидно, во время его сна чужой человек, его смертельный враг, проник в накрепко запертый дом, проник сквозь цепь вооруженных с ног до головы слуг, перешагнул через сайкского горца, загораживавшего дверь, вошел в комнату, несмотря на электрические звонки, приподнял полог над кроватью, воткнул кинжал в стену, опустил полог и исчез, не возбуждая тревоги! А он, человек, осужденный на смерть этими страшными незнакомцами, был все это время во власти разбойника, который его пощадил, оставив ему, как бы

в насмешку, эту ужасную угрозу!

Кто-нибудь другой на его месте поднял бы тревогу, перевернул бы весь дом вверх дном, стал бы кричать, искать, расспрашивать, беспокоиться. Но судья Тейлор даже не моргнул глазом после того, как улеглось первое впечатление. Он спрятал кинжал и бумагу в шкатулку и проговорил:

– Они меня не знают, думая, что я испугаюсь. Нет, пока я буду сомневаться в невинности капитана Пеннилеса, он останется в тюрьме. Может быть, они меня и убьют, но я исполню свой долг.

Он попробовал, хорошо ли действуют электрические звонки, убедился, что все в порядке, что люди хорошо исполнили свое дело, и безуспешно ломал голову над тем, как попал сюда грозный и таинственный посетитель. Но все-таки продолжал упорствовать в своем решении.

– Ну, – сказал он, – они объявляют мне войну, так пусть же! Мы со своей стороны подготовимся к защите.

Он ничего никому не сказал об этом странном посещении, спокойно принялся за свои дела и, возвратившись домой, принял новые меры предосторожности. Другой, вероятно, переменял бы помещение, но упрямый судья хотел непременно остаться в той же самой комнате.

Он сам осмотрел электрические провода, устроил, чтоб полог соприкасался с проводами от звонков, и, твердо решившись не спать эту ночь, лег в халате, держа револьвер за курок. А чтобы не заснуть нечаянно, он выпил большую

порцию крепкого кофе.

Было страшно жарко. Судья, который лег в десять часов, к полуночи почувствовал, что им овладевает какое-то непреодолимое оцепенение. Он не спал, но и не бодрствовал, а испытывал что-то среднее: ум его еще работал, но тело не могло пошевелиться.

Он услышал несколько отдаленных раскатов грома; комната, в которой под матовым стеклом слабо мерцал огонь ночника, несколько раз осветилась блеском молнии. Вдруг сильный ветер стал крутить вершины и зашумел в листьях больших деревьев парка. Судье показалось, что этот вихрь проник и в его комнату, потому что занавески заколыхались, полог над кроватью задрожал, и лампочка стала сильно мерцать, как будто она готова была потухнуть. Судья смутно ощутил близость чего-то страшного, грозного, таинственного. Он хотел закричать, позвать на помощь. Но его язык, все его тело было парализовано, как будто в страшном кошмаре. В то же время огонь ночника стал расти, расти, вытягиваться – и из маленького огонька превратился в пылающий факел, пламя которого поднималось до самого потолка. Потом, о, ужас! Почти нагой человек, у которого только бедра были прикрыты одеждой, скользнул, как привидение, по толстому ковру. Это был индус с бронзовой кожей, худой, с мускулами, крепкими, как сталь. Его губы искривились сардонической, полной жестокой иронии улыбкой, а черные, с металлическим отливом глаза светились фосфорическим блес-

ком. Был ли это в самом деле человек или, может быть, это было привидение, возникшее под действием грозы, нервного состояния, полудремоты?

Во всяком случае, был это человек или дух, но привидение приблизилось к кровати. Тейлор увидел в его руках кинжал с острым, слегка выгнутым лезвием, а в левой руке – черный шелковый платок, роковой значок тугов, или душителей. Все это, само собой разумеется, продолжалось не более двух или трех секунд. Судья, который не слышал электрических звонков, соображал еще достаточно ясно, вспоминая, что в комнату невозможно было войти, не подняв трезвона во всех направлениях; поэтому он сказал себе:

– Это кошмар... Я должен проснуться...

Между тем индус приблизился к изголовью, вынул кинжал и бесшумно, одним взмахом острого, как бритва, лезвия перерезал тонкую ткань полога.

Потом послышался глухой вздох и короткое, сдавленное, глухое хрипение. В то же время блеснула ослепительная молния, за которой немедленно последовал оглушительный удар грома. Сернистый запах наполнил комнату, в которой теперь все смолкло. Огонь в ночнике принял свой прежний вид и снова стал мерцать под матовым стеклом. Черное привидение, казалось, расплылось на стене; оно исчезло, не оставив следа, несмотря на то, что все отверстия остались по-прежнему крепко закрытыми. Проснувшись от громового удара, солдат из Непала приподнялся на своей циновке и сказал

вполголоса, не отворяя двери, у которой лежал: «Барин, вам ничего не нужно?» и, не получив ответа, снова улегся, пробормотав: «Саиб спит... и хорошо делает. Я сделаю то же».

Через пять минут он снова погрузился в глубокий сон, прерванный грозой, которая вскоре затем прекратилась...

В Индии, как и во всем тропическом поясе, рано встают, так как в жаркие дневные часы нельзя заниматься никакой работой.

На заре верный сайк приотворил дверь комнаты и приветствовал своего хозяина с добрым утром. Не слыша ответа, он удивился, потом испугался.

– Удивительно, как саиб сегодня долго спит.

Ему запрещали входить без зова, если не позвонит электрический звонок, но страх пересилил запрещение. Он толкнул дверь, которая открылась настежь. Немедленно зазвонили бесчисленные звонки. Не видя никакого движения, солдат одним прыжком бросился к кровати, с силой раздвинул полог и закричал: «Ouah!.. Ouah!.. Sahib margya!.. Господин убит!»

Судья Тейлор лежал задушенный на постели. Вокруг его шеи был затянут ужасный черный платок. Чтобы всем была известна причина убийства, к стене, на том же месте, где и вчера, была приколоты кинжалом бумага с надписью: «Осужден пундитами, казнен мною, Бераром».

Неподвижное тело уже застыло. На крик камер-лакея сбегалась английская и туземная прислуга; раздался громкий

плач. Все они добросовестно караулили дом, поочередно и группами, и никто не мог ни в чем упрекнуть себя. Ни на окнах, ни на дверях не замечалось и следа каких бы то ни было повреждений. Электрические провода действовали великолепно. Очевидно, кто-то вошел в комнату сверхъестественным способом. Как бы там ни было, хозяин дома был все-таки убит!

Безумный ужас овладел всеми, как белыми, так и черными; все эти люди бывали на войне, но дрожали, как дети, перед этим трагическим проявлением сверхъестественного. Тем не менее они постарались действовать как можно распорядительнее в отсутствие хозяйки, которая вместе с детьми была на даче в Симбе.

Прежде всего комната была тщательно обыскана: посмотрели под кровать, отодвинули мебель и зеркала. Осмотрели также стены и паркет, но ничего не нашли. Кому-то пришлось в голову осмотреть комнату, где на бамбуковой скамейке сидел человек, приводивший в движение опахало. Этот человек оказался мертвым на своем посту. Сидя на высокой бамбуковой табуретке, он все еще держал в руке веревку.

Сперва все подумали, что и он тоже был жертвой убийц, и его труп вынесли на свет.

Доктор, который появился, увы, слишком поздно, чтоб оказать помощь судье, объявил, что человек этот был убит громом. Дождь смочил веревку, которая таким образом послужила проводником, вследствие чего несчастный и погиб.

Кроме того, на стене оказалось сильное повреждение в том месте, где был повешен блок от опакхала. Но это отверстие, соединявшее эту маленькую комнатку с комнатой судьи, было настолько мало, что в него не прошел бы даже и ребенок. Итак, оказалось невозможным узнать, каким образом убийца мог проникнуть к своей жертве и как он мог потом безнаказанно удалиться.

Глава VII

Смятение в Бенгалии. – Дипломатическое вмешательство. – На яхте. – Часовые ничего не видят. – Появление индуса. – Удивление моряков. – Индус оказывается факиром. – Священная клятва. – Индус обещает доставить тайное послание арестованному. – Кто идет? – Ружейный огонь ночью.

Убийство председателя суда Тейлора, так скоро последовавшее за убийством несчастной герцогини Ричмондской, произвело в Калькутте сильное волнение: белые были поражены ужасом, индусы плохо скрывали свою радость и недоброжелательство.

Европейские войска были отбиты от Палавера горцами африди, в Бомбее свирепствовала чума, население везде страдало от голода; в Калькутте царила паника; тайные общества, пользуясь общим замешательством, понемногу приводили в действие свои замыслы. Грозное начало заставляло опасаться еще большего в будущем. И в самом деле, страшная секта тугов, или душителей, о которой думали, что она давно закончила свое существование, снова являлась на свет Божий: мрачные поклонники свирепой богини Кали уже успели заявить о себе двумя преступлениями, совершенными с поразительной ловкостью и смелостью.

Они не только не прятались, но, совершив преступление,

подписывали свое имя, как будто были уверены в том, что их не постигнет никакая кара. Так, например, этот Берар, имя которого успело в несколько часов приобрести в пораженной ужасом Калькутте кровавую известность.

Каждый видел в этих событиях мрачное следствие злополучного приговора, предававшего поруганию останки осужденного брамина Нариндры. Судьи надеялись таким образом надолго устрасить индусов; но эта неполитичная, хотя и строгая, мера только сильнее возбудила фанатизм туземцев.

С другой стороны, выросшее на этой же почве приключение с капитаном Пеннилесом, богатым янки, приняло неожиданные размеры и грозило правительству Империи серьезными дипломатическими затруднениями.

Англичане и американцы, «Джон Буль» и «Дядя Сэм», эти постоянно соперничающие между собой братья, живут, как кошка с собакой. Калькуттский представитель Вашингтонского правительства не преминул энергично заступиться за своего соотечественника; его поведение причиняло англичанам немало беспокойства.

В довершение всего, вице-короля не было в городе, между тем как волнение можно было бы успокоить только сильной рукой. Калькутта, а скоро и вся провинция Бенгалия окончательно переполошились.

Положение Пеннилеса еще ухудшилось, несмотря на вмешательство американского дипломата. Угрозы, высказанные «душителями», и кровавое подтверждение этих угроз ком-

прометировали арестанта. Подозрительное и возбужденное грозящей опасностью правительство подозревало в нем причину убийства председателя суда. Несмотря на энергичный протест капитана Пеннилеса, правда, по-видимому, была на стороне правительства. Даже самым непредубежденным людям могло казаться, что несчастный судья погиб именно от рук браминов, которые под страхом смерти приказали ему освободить капитана. Оставалось узнать, мог ли последний считаться подстрекателем или только невольным сообщником преступления. По этой причине его оставляли в полном неведении. Его бдительно стерегли и не позволяли даже переписываться с женой.

Заключенная на яхте, строго охраняемой солдатами, она была удалена от внешнего мира, как в настоящей тюрьме. Экипаж, остававшийся на судне, конечно, тоже участвовал в этом карантине и не имел ни малейшей возможности общаться с внешним миром. Для большей предосторожности яхту отодвинули от берега на длину каната, и все припасы доставлялись на судно англичанами. На корме, на носу и на юте корабля были поставлены часовые, сменявшиеся через два часа; такой же караул был поставлен и внизу.

Все эти часовые и день и ночь стояли с заряженными ружьями; им было отдано приказание стрелять по каждому, кто захочет оставить корабль или взойти на него без формального разрешения. Одним словом, были приняты самые строгие меры. Тем не менее экипаж и здесь, как и на море,

не оставался праздным: люди заботились о порядке, чистоте, о поддержании машины и всякой корабельной утвари в исправном виде. Одним словом, все старались изобрести себе какое-нибудь дело, чтобы только спастись от праздности.

Ночью все, конечно, спали, кроме четырех караульных на палубе и людей при машине, которая приводила в движение динамомашину, служившую для освещения.

Английские солдаты безмолвно прохаживались по кораблю среди этой враждебной им обстановки. Они держались прямо и неподвижно, безмолвно, безропотно, – как будто какие-то автоматы, – исполняли отдаваемые им приказания.

Ночь только что бросила свой густой покров на реку, где яхта, медленно покачиваясь, боролась с отливом. Это была уже четвертая ночь после драматических событий, сопровождавших прибытие в Индию капитана Пеннилеса и его молодой жены.

Было около десяти часов вечера. Боцман дремал, растянувшись на своей койке, при полуоткрытой двери; он думал о продолжительном отсутствии своего капитана и от всего сердца проклинал неизвестность, которая давила его, как свинец. Вдруг он услышал шум или, лучше сказать, едва слышный шорох босых ног по лесенке, ведущей в его каюту. Он наполовину приподнялся и вместо обычного: «Кто идет!» прошептал провансальское восклицание «Qu' es aco».

Тихий, как дуновение ветра, голос ответил: «Friend! (Друг!)».

Не разобрав английского слова, боцман возразил, не подозревая, что в его фразе заключается неподражаемая игра слов:

– Э, дружище! Меня зовут вовсе не Фред! Меня зовут Марий! Слышишь ты – Марий!

– Шш... тише!

– Зачем тише? Я не люблю тайны...

– Пожалуйста, нельзя ли посветить?

– Э! Сейчас!

Он живо повернул пуговку электрического прибора, и комната тотчас же наполнилась ярким светом. Марий, слегка озадаченный, увидел индуса, одетого в одно только лангути (одежда, прикрывающая бедра); с него струилась вода, и он мигал глазами, как сова при солнечном свете.

– Эге! Откуда ты явился, черт возьми? – спросил Марий на весьма фантастичном, но, впрочем, довольно понятном английском языке.

Индус молча показал на реку своим сухим и черным пальцем.

– С чем тебя и поздравляю! Это вовсе не легко! А кто же ты такой?

– Верный и преданный друг.

– Ты, может быть, один из тех, которых крокодилы хотели съесть и которых мы спасли?

– Да!

– А чего же ты хочешь?

– Я хочу немедленно поговорить с супругой саиба... капитана Пеннилеса...

– Но, мой дорогой, теперь неподходящее время для посещений.

– Если бы это дело не требовало такой поспешности, я не стал бы даром рисковать жизнью: ведь я легко мог стать добычей гавиалов или попасть под пули английских солдат.

– Я не сомневаюсь в этом... Но наша госпожа, вероятно, спит... мне придется будить ее горничную, чтоб спросить, может ли она тебя принять.

– Жена саиба не спит... она оплакивает того, кого любит... мои известия принесут ей облегчение! Ну, скорее! – прибавил странный посетитель тоном, который не терпел возражений.

Провансалец тихонько встал, потушил свет и направился к корме корабля, где находилась комната супругов: англичане были все-таки настолько деликатны, что не поставили здесь своих часовых.

В сопровождении индуса, который быстро пробирался по указанному пути, боцман дошел до двери и прошептал по-французски:

– Сударыня, это я, Марий... вы слышите?

– Слышу, друг мой, что тебе надо?

– Там пришел один индус... один из тех, которых мы спасли, помните? Он хочет сообщить вам новости о вашем муже.

Молодая женщина радостно воскликнула: «Скорей, Ма-

рий! Пусть он войдет!»

Боцман отворил дверь и увидел в темноте миссис Клавдию, которая выходила к ним навстречу. Она молча пропустила индуса в гостиную, опустила занавески и гардины, потом, убедившись, что все было заперто, засветила электрическую лампу.

При виде прелестного создания с лицом, побледневшим от горя, и утомленными от слез глазами индус склонился и стал на колени.

Сострадание и умиление, которых он и не старался удерживать, смягчили суровое выражение его лица, потушили пламень глаз и сделали более приятным грубый звук его голоса.

– Я твой раб, о женщина, чья красота равняется красоте богини, дочери лотоса, и чья рука мужественна, как рука Сканды, бога войны, сына Сивы.

Он долго смотрел на нее с выражением благодарности, уважения, готовности ко всяким жертвам, граничащей даже с фанатизмом.

– Ты хочешь сообщить мне какие-то новости, добро пожаловать, друг мой!

– Да. Капитан, твой супруг, находится теперь в тюрьме; англичане обвиняют его в том, что он нас спас и что он подстрекал нас к возмущению.

– Это клевета!

– Да, они очень нехорошие люди... Но не бойся ничего! Десять тысяч человек поклялись, что он будет спасен; завтра

нас будет сто тысяч... а если нужно, вся Индия восстанет, чтоб освободить его из тюрьмы!

– Но его обвинители тоже способны на все!

– Не бойся ничего! Мы поклялись богиней Кали, что наш благодетель будет жив и свободен. Его освободят самое позднее через три ночи!

– Дай Бог, чтоб ты говорил правду, добрый пундит!

– Я еще не достиг чести попасть в число посвященных, я – простой факир... Пундит – это голова, мы же только – руки; они приказывают, мы исполняем, и на земле нет государя, которого бы так охотно слушались... Но что бы там ни случилось, что бы тебе ни говорили, не верь ничему и не бойся ничего! Если тебе скажут, что капитан Пеннилес болен, что он умер... если ты даже увидишь его неподвижное тело, холодное, как у мертвеца, его глаза без взгляда, его губы без дыханья, думай, что он жив и что все это нужно для его блага.

– Ты страшишь меня!

– Еще раз повторяю, не бойся ничего, и пусть твое сердце хранит надежду, несмотря на всех и на все! Только этой ценой и можно его спасти.

– Я послушаюсь тебя! – решительно сказала бесстрашная американка.

– Теперь я ухожу, – сказал факир. – Напиши на маленьком листке бумаги несколько ласковых слов тому, чье единственное горе заключается в том, что он разлучен с тобой. Завтра на заре он получит это письмо и будет радоваться!..

Тронутая этой нежностью и деликатностью чувства, этой преданностью, миссис Клавдия села за свой письменный стол и написала пару строчек, в которых излила всю свою душу, и отдала листок факиру. Тот почтительно взял его, свернул, отвинтил кончик кинжала, который носил на своей левой руке, вложил сверток в отверстие, снова завинтил маленькую крышку и сказал просто:

– До свиданья, сударыня, я ухожу! – И, не ожидая ответа, он открыл дверь и исчез. У входа он опять встретил Мария, который терпеливо дожидался конца переговоров и который сказал едва слышно:

– Берегись! Красные куртки, кажется, что-то подозревают!

Факир пожал плечами и сказал:

– Англичане нечистые свиньи... я их не боюсь!

Марий протянул ему руку и сказал: «Счастливого пути, и спасибо, товарищ!»

Факир взял его руку и крепко пожал, потом бесшумно поднялся на палубу, осмотрелся, полез по снастям и исчез, так что провансалец не услышал даже плеска воды при спуске его в реку.

«Вот так рукопожатие! – думал Марий, чья сильная рука затрещала при пожатии этого тщедушного человека. – Это крепкий малый, и англичанам трудно будет с ним справиться».

Грубое восклицание заставило его вздрогнуть. «Who goes

there?» (Кто идет?) – закричал часовой. Потом раздался выстрел, за ним еще.

Глава VIII

Товарищ председателя суда. – В тюрьме. – Пеннилес закован в цепи. – Как он получает письмо. – Радость и умиление. – В театре Сак-Суси. – Судья задушен. – Паника в Калькутте. – Ужасные угрозы. – Пятьсот заложников. – Капитан Пеннилес умер.

Хотя брамины были более чем когда бы то ни было расположены продолжать борьбу, затеянную ими с целью освободить капитана Пеннилеса, английские судьи, со своей стороны, не слагали оружия.

Место председателя суда Тейлора, столь безвременно погибшего, занял товарищ председателя, судья Арчибальд Нортон. Он отличался тем же профессиональным чувством собственного достоинства, тем же хладнокровием при угрозах, тем же презрением к смерти, как и его предшественник.

Как только он вступил в должность, брамины, обладающие удивительной полицией и поразительной системой справок, обратились к нему с тем самым ультиматумом, который был отвергнут несчастным Тейлором.

Судья Нортон, отличавшийся более воинственными наклонностями, повел открытую войну против смельчаков.

Он выставил в своей гостиной кинжал, бумагу и шелковый платок, найденные им у изголовья кровати, и показывал их, смеясь, своим служителям как нечто любопытное. Чтоб

показать таинственным врагам, что он не боится борьбы, он приказал, чтоб Пеннилеса перевели из его помещения в другое, более уединенное, и заковали в цепи. На правую ногу заключенного надели крепкое стальное кольцо, прикрепленное к прочной цепи, которая была прикована к камню; кроме того, ему надели пояс, тоже стальной и прикованный к другому камню. Эти цепи были длиной метра в четыре и удерживали узника на чрезвычайно ограниченном пространстве, на котором он едва мог двигаться и стоять.

Это варварское обхождение, по-видимому, не причинило ни малейшего волнения заключенному, который позволил сковать себя без слова, без протеста. Он продолжал быть надменно равнодушным, кушал с аппетитом, спал, и ждал, что будет. Но что за гнев, что за ненависть кипели в его душе, и какие он питал мстительные замыслы!

Вдруг он получил неожиданное и отрадное утешение. Едва он успел провести два часа в этой каменной келейке, освещенной узеньким окошечком, вроде бойницы для ружей, которое едва пропускало тусклый луч света, как ему принесли обед. Тюремный сторож, который, в качестве европейца, не носил ничего мало-мальски тяжелого, пришел не один, а в сопровождении туземца, несшего порцию пищи. По знаку тюремщика индус поставил на землю чашку с рисом, деревянную ложку, кусок холодной говядины, заранее разрезанной на кусочки, чтобы избавить узника от необходимости употреблять ножик и вилку. Потом оба удалились, не сказав

ни слова.

Пеннилес, оставшись один, сел на пол, подобрал ноги и принял положение, свойственное портным и восточным людям. Цепь, само собой разумеется, стесняла его; но что до того! *A la guerre, comme a la guerre!* (на войне как на войне). Он набрал ложкой риса и принялся есть, не торопясь. Вдруг его ложка задела какой-то посторонний предмет, скрытый на дне чашки под толстым слоем риса. Он с большим удивлением вытащил оттуда маленькую палочку. Это был бамбуковый стебель, такой же длины и толщины, как сигара. Капитан стал рассматривать бамбуковую трубочку и заметил, что она на одном конце заклеена воском. Вдруг безумная мысль мелькнула в его голове. Что, если это было письмо, несколько ободрительных слов, присланных извне, или план бегства!.. Он раскусывает трубочку зубами, и наконец находит тщательно свернутую бумажку. На его глазах появились слезы: он узнал почерк жены.

«Джордж, мой дорогой, любимый муж, это я, Ваша Клавдия. Я нахожусь на яхте, но считаюсь пленницей. Я чувствую себя хорошо, со мной обходятся с полным уважением. Я страдаю только оттого, что Вас нет со мной. Теперь десять часов. На судне появился факир, один из тех несчастных, которых мы спасли. Он преодолел тысячу препятствий, чтоб принести мне надежду, а в этой надежде – вся моя жизнь, потому что он обещает мне освободить Вас. Он уверяет, что эта записка будет Вам доставлена, и я ему верю. И Вы,

мой дорогой, должны также надеяться; надейтесь же, несмотря ни на что... Надейтесь даже тогда, когда вам покажется, что это совсем невозможно... Пусть моя вера вольется в Вашу душу и усладит горечь нашей разлуки.

Рассчитывайте на мою энергию, на мою любовь, и скоро мы будем вместе.

Ваша Клавдия».

Он быстро пробежал эти поспешно начертанные строки, потом начал перечитывать их медленнее, вызывая в своем воображении дорогой образ своей мужественной подруги. Да, Клавдия, его милая Клавдия осталась такой же отважной, энергичной, и ее ангельская доброта равняется ее красоте. Капитан погрузился в приятные мечты, которые не давали ему чувствовать всей тяжести его цепей.

Тем временем брамины и их помощники факиры действовали, и действовали ужасным образом.

В этот вечер было большое представление в главном театре Калькутты, который носит странное название Сан-Суси. В Калькутте очень много театров, но Сан-Суси считается самым модным из них, самым избранным местом; спектакли его часто посещаются, и представители большого света берут там ложи.

В этот вечер давали пьесу Шекспира, и зал был полон. Судья Нортон, ставший председателем суда при таких трагических обстоятельствах, был на представлении со своей многочисленной семьей и имел весьма важный вид, сидя на самом

видном месте, в первом ряду своей ложи. Прошло уже два акта, и англичане аплодировали с энтузиазмом, который они так охотно расточают перед своими национальными светилами. Едва прошло пять минут после начала третьего акта, как вдруг в ложу тихонько вошел один из агентов Верховного Суда; его можно было легко отличить от простых смертных по красивому военному мундиру. Судья повернул голову и увидел, что этот человек почтительно протягивает ему письмо. Он с недовольным жестом положил свой лорнет на выдвижную дощечку, взял письмо и распечатал его. В нем заключалось что-то очень важное, потому что судья тотчас встал и сказал своей жене:

– Я принужден, *ma chere*, оставить вас на несколько минут... нужно разъяснить один в высшей степени важный факт, на который мне указывает обер-полицмейстер...

– Друг мой, остерегайтесь!

– О, здесь нечего бояться!.. Впрочем, я даже не уйду из театра... Меня ждут там, в фойе...

Он тихонько вышел и нашел агента у входа, в ожидании приказаний.

– Ты хорошо знаешь того человека? – спросил он, показывая в зал.

– Да, ваше превосходительство. Это начальник туземной полиции...

– Хорошо! Так возвратись в центральное бюро полиции и скажи начальнику, чтоб он ожидал моих приказаний.

Агент поклонился и ушел, между тем как судья, войдя в гостиную, тщательно запер дверь.

Прошло четверть часа, потом долгие полчаса, которые же- не судьи показались просто нескончаемыми. Муж обещал ей вернуться через пять минут, а его все еще нет! Ею овладел трепет при мысли об ужасных угрозах браминов. Наконец, не выдержав более, она встала, вышла из ложи и отворила дверь в маленький зал. В первую минуту она не увидела никого. Вдруг она ужасно закричала.

Она увидела на ковре своего мужа, лежащего навзничь с распростертыми руками, глаза его были налиты кровью, рот искривился от ужасной предсмертной судороги; он не подавал никаких признаков жизни. Вокруг его шеи был закручен, как веревка, черный шелковый платок, зловещее орудие «душителее». У нее захватило дыхание, она протянула руки, зашаталась и, как пораженная громом, упала на труп мужа.

Ее крик был услышан в зале, на сцене; зрители испугались, актеры перестали играть. Началась паника. Все бросились к ложе: полицейские, зрители, пожарные, все служащие. Шум и людской говор заглушали голоса актеров. Доктор протиснулся сквозь тесные ряды пораженных ужасом людей. Он разрезал черную ткань и открыл шею, на которой отпечаталась лиловая полоса, пощупал пульс, выслушал сердце. Он попробовал пустить кровь, но ее не вышло ни капли. Затем он попытался сделать искусственное дыхание. Ничего не помогало. Судья Нортон был мертв. В деревян-

ной стене над его головой торчал кинжал с изогнутым лезвием, заостренным концом, все той же неизменной формы. Да, неизменной, так же, как и род мучения, избранный для жертвы, как дикая надпись, выдающая убийцу. Острием кинжала в третий раз была проткнута бумага, на которой были написаны слова, заставлявшие дрожать самых смелых: «Осужден браминами. Казнен мною, Бераром».

Среди ужасного смятения из «общества помощи» принесли двое носилок. На одни положили труп мужа, на другие несчастную женщину, которая теперь издавала какие-то неясные и несвязные звуки, как делают помешанные. Таким образом людям с носилками пришлось протесниться сквозь толпу зрителей, которые покидали прерванное представление, и несчастных отнесли в их жилище.

Слух о третьем преступлении распространился в городе с той быстротой, с какой распространяются плохие вести. Все обсуждали это событие, а репортеры писали, разузнавали, бегали, переговаривались по телефону с лихорадочной поспешностью.

Но это было еще не все. Это ужасное тайное общество, которое судило и осуждало высших сановников империи, теперь официально выразило свою волю, официально отдало свои приказания, и в каких выражениях!

В течение этого вечера пятьсот калькуттских сановников получили у себя дома письма, которые привели их в ужас.

Тайный комитет адресовал свое послание самым извест-

ным лицам военной, административной и судебной аристократии, кроме того, самым известным и самым богатым торговцам, финансистам и промышленникам.

Вот это страшное, просто и кратко выраженное послание:

«Мы, выборные Пяти Каст, сговорившись между собою, объявляем, что капитан Пеннилес невиновен. Он не знаком ни с браминами, ни с факирами, ни с кем бы то ни было из верных.

Мы клянемся в этом нашей кровью!

Мы потребовали его освобождения во имя высшей справедливости. Нам в этом отказали. Мы без жалости погубили тех, кто был виновен в этой несправедливости.

Как бы там ни было, он будет свободен, потому что мы этого хотим.

Но жизнь капитана Пеннилеса может оказаться в опасности, потому что судьи захотят уничтожить столь опасного узника. Мы требуем, чтоб он остался жив, и он будет жив!

Ваша жизнь – так как мы считаем вас заложником – служит ручательством за его жизнь. Если он погибнет, погибнете и вы. Если мы осудим и казним вас, ничто вас не спасет. Ваши жилища, магазины, фабрики, доки, верфи будут уничтожены.

Наконец, после всего этого в городе начнет свирепствовать чума.

Страшитесь и повинуйтесь!»

На каждом из этих писем вместо печати были изображены

три красные открытые руки, расположенные треугольником около цветка лотоса.

При чтении этого ультиматума всеми, получившими послание, овладел невыразимый страх. Этот комитет Пяти Каст уже доказал, что он не боится иметь дело с сильными мира сего, что он располагает могущественными средствами и не остановится ни перед чем.

Тогда эти заложники, удрученные мыслью об угрозе, висевшей над их головой, как Дамоклов меч, стали все думать только об одном... о капитане Пенниесе! Об этом оригинальном, богатом американце, за которого все они теперь дрожали не меньше, чем за самих себя.

Все начали совещаться, телеграфировали вице-королю, который спокойно проводил время в своем прекрасном дворце в Симе, стали подавать прошения, даже предложили за капитана выкуп, который достиг огромной цифры – миллиона фунтов стерлингов. О, как здоровье арестанта сделалось теперь дорого для всех этих пресыщенных людей, погруженных в роскошь и эгоизм и внезапно вырванных из этого спокойного состояния! Теперь боялись не только его казни без суда, таинственного исчезновения, но боялись насморка или нарыва! Еще бы! Он теперь воплощал в себе их спокойствие, беззаботную жизнь!.. Одним словом, эти люди старались добиться, чтоб их освободили от этого опасного и неудобного гостя. Пусть его скорей отпустят из тюрьмы, посадят на яхту и отправят на все четыре стороны, запретив

ему, вдобавок, возвращаться в Индию! Пусть скорей прекратят этот кошмар.

Но тот, кто хоть на минуту предположил бы, что английское правительство испугается такого пустяка, сильно ошибся бы! Конституция гласит, что закон должен исполняться, и правительство во что бы то ни стало велит исполнять закон.

Господа заложники, как бы справедливы и настойчивы ни были их требования, были встречены холодным отказом. Не приняли даже их выкупа. Им только посоветовали остерегаться, сказали, что правительство, во всяком случае, будет заботиться об их безопасности... По этой причине вице-король телеграммой объявил провинцию в осадном положении.

«Но заключенный! Заключенный! Скажите, по крайней мере, не нуждается ли он в чем-либо... скажите, что вы ручаетесь за его здоровье, что его жизнь не подвергается никакой опасности»...

– Успокойтесь! Капитан Пеннилес ест, пьет, спит на славу. К нему каждый день будут приходить два доктора, пока не окончится следствие.

Эти обещания никого не успокоили. Поднялся ужасный переполох; ценные вещи обращали в деньги, писали завещания, укладывались и приготавливались к немедленному бегству.

Через два дня калькуттские газеты объявили зловещую новость: «Капитан Пеннилес найден мертвым в своем тю-

ремном помещении».

Глава IX

Печальная ночь, печальный обед. – Проекты. – Находка. – Золото. Сломанная золотая вещица. – Удача. – На железной дороге. – Два места. – Унижение. – Бедность и чувство собственного достоинства. – Место бедствия. – Вместе с жертвами голода. – Милостыня. – Слезы гнева и стыда.

Патрик и Мэри, не имея другого убежища, провели ночь под священным бананом, или смоковницей.

В теории нам кажется очень приятно спать на чистом воздухе, когда нас защищает непроницаемый покров зелени. На практике же это нечто весьма неудобное, утомительное и даже тяжелое.

Разбитые от волнения и усталости дети заснули было крепким, тяжелым сном, под охраной Боба, своей доброй собаки. Около полуночи они проснулись, так как устали лежать на жесткой, неровной земле. Их охватил смутный страх, они чувствовали себя одинокими среди этой дикой природы. Вдали раздавались крики шакалов, свист и стон ночных птиц, шелест ночных бабочек, хлопанье крыльев при полете летучих мышей, трещанье насекомых, шорох пресмыкающихся; все это смешивалось, усиливаясь в ночной тишине, и звучало в их ушах, как дикая и страшная симфония. Кроме всего этого, густая темнота приковывала их к месту и не позволяла рассеять движениями все эти страхи, над которыми

ми они посмеялись бы при свете дня... Они не могли пошевелиться из страха наступить на одного из отвратительных животных, которые, как они знали, ползали совсем близко около них. Боб время от времени глухо ворчал, шевелился, потом опять ложился около них, повизгивая и ласкаясь. Наконец горизонт зарумянился горячими лучами, от которых заблестели обрызганные росой листья. Дети вздохнули с облегчением. Они сразу почувствовали голод, который особенно давал себя знать после вчерашнего скудного обеда. Вполне естественно, что они вспомнили о цветах *Bassia*, которыми вчера насытились. Отправившись на место вчерашнего обеда, где пышный ковер осыпавшихся цветов покрывал еще землю, они поели с жадностью. Теперь они на опыте почувствовали, как жестоки мучения несчастных голодающих, столь многочисленных в плодородной и богатой Индии. Как и вчера, они выпили воды из чашечек, сорванных с растения *Nepenthes*; при других обстоятельствах они, пожалуй, даже развеселились бы после своего умеренного обеда, который заменял им душистый чай, розовые ломтики ростбифа и сочные бараньи котлеты. Но они вспомнили про свою бедную мать, которую они больше не увидят, про отца, который переносил все трудности войны, и их глаза наполнились слезами. Они долго плакали, опершись друг на друга, оба убитые горем, не смея думать о будущем, о завтрашнем дне, который казался им полным мрачного отчаяния.

Наконец, Патрик сделал над собой усилие, вытер глаза и

сказал сестре твердым голосом:

– Надо принять решение.

– Да, – ответила молодая девушка, – но что же нам делать?

– Мы уже говорили об этом вчера: надо ехать в Пешавар, на войну, к папе.

– А это далеко?

– Очень далеко... на северо-западе... 1400 миль от Калькутты.

– Туда есть железная дорога... три дня и три ночи езды...

– О, гораздо больше! Здешние поезда идут очень медленно.

– Время это ничего, нам нужны деньги.

– Правда! А денег-то у нас нет!

– Так как же быть?

– Я не знаю.

– Вчера и сегодня мы жили, как нищие.

– Нельзя ли нам ехать по дешевым билетам, которые дают бедным, чтоб они могли уехать в страну, где нет голода?

– А ничего, что мы поедем с этими людьми?

– Это мне приятнее, чем просить милостыню.

– И мне тоже!

Рассуждая таким образом, они подошли к обгоревшим развалинам дома, к остаткам того гнездышка, где протекло их детство. Они печально смотрели на эти развалины, производившие грустное впечатление могилы, и искали глазами, не осталось ли здесь какого-нибудь сувенира, какой-ни-

будь безделицы. Вдруг Мэри вскрикнула: она увидела в куче пепла, среди камней и железа, что-то блестящее.

– Смотри, Патрик, видишь, там что-то блестит.

– Правда!

Мальчик храбро полез по расшатанным стенам, оперся ногой о какой-то почерневший от огня камень, взобрался на обуглившееся бревно, соскочил в пепел, погрузившись в него до щиколотки, и закричал от радости. Мэри не ошиблась, это было золото, вероятно, какая-нибудь полурасплавленная золотая вещь, потерявшая свой вид, но сохранившая ценность благородного металла. Патрик схватил его, поднял с торжествующим видом над головой и воскликнул:

– Мэри, милая сестрица, мы продадим это золото и на эти деньги купим билеты.

– Да, мой дорогой, ты прав, поедem скорее. Я не могу здесь оставаться, это слишком ужасно, здесь все разрывает мне сердце.

Мальчик положил дорогую вещицу в карман, и оба отправились в Калькутту, в сопровождении верной собаки.

Выходя из парка, они встретили несчастных индусов, которые, сами того не зная, научили их, какое чудесное свойство имеет растение *Bassia*.

И те тоже шли к своим скромным и скудным запасам, чтоб пообедать, чем Бог послал. Они сказали несколько слов приветствия молодым англичанам, а дети приветливо улыбнулись им, как старым знакомым. Мэри приласкала бедных ма-

леньких дикарей, так сильно исхудавших, похлопала их по щечкам, погладила по черным волосам и сказала им несколько нежных слов сострадания. Потом с золотой вещицей в кармане они быстро пошли по дороге, идущей по берегу Хугли. Достигнув европейской части города, они поискали и вскоре нашли контору, где меняют деньги, но не смели войти, не зная, что сказать, если у них спросят, откуда они взяли это золото. Они долго колебались, стараясь придумать, что сказать. Наконец, Мэри, как более смелая, приняла решение. Она быстро повернула ручку двери и увидела перед собой гебра в очках, который считал банковые билеты и время от времени прекращал это занятие, чтоб занести числа в большой список.

– Милостивый государь, – сказала она дрожащим голосом, вся покраснев, – будьте так добры оценить это золото и, если найдете возможным, купить его.

В ее манере было столько грации, в голосе столько мольбы и в то же время столько достоинства, что негоциант и не подумал спросить, откуда у нее эта драгоценность. Он поклонился, посмотрел на золото, провел им по большому темному камню, смочил след кислотой, которую он налил туда из стеклянной баночки, и объявил, что это чистое золото. Потом он положил его на чашечку маленьких монетных весов, взвесил, затем сказал:

– Это стоит тридцать пять рупий, сударыня, то есть 57 франков 75 сантимов на французские деньги.

Удивленная Мэри готова была воскликнуть:

– Так много! О, как я рада!

Однако самолюбие и рассудительность заставили ее удержать это наивное и неосторожное восклицание.

Купец отсчитал эту сумму, отдал ей, поклонился и снова принялся за свое занятие.

Очутившись на улице, брат и сестра почувствовали себя уже совсем иначе, чем прежде. У них вдруг появилась уверенность в себе при мысли, что этой небольшой суммы хватит им, наверное, на путешествие до Пешавара. Они окончательно задались целью поскорей уехать. Пребывание в Калькутте было слишком тягостно. Они спросили у туземца-полисмана, где центральная станция. Тот сильно удивился, видя, что они идут пешком, но указал.

Они пришли туда уставшие и голодные. Патрик, у которого были деньги, взял на себя роль распорядителя. Ему пришлось протискиваться вперед в неопикуемой давке. Бедный мальчик испытал большое унижение и был счастлив, что уберег от него свою сестру. Он спросил два места до Пешавара. Чиновник, к которому он обратился, увидев двух прекрасных детей белой расы, роскошно одетых, подумал, что они поедут на дорогом поезде, который останавливался на главных станциях, а именно: Бурдван, Баракар, Шерготти, Аллахабад, Футтехнур, Каунпур, Этаволах, Агра, Дели, Лагор, Лала Муса, Атточ и Пешавар. Он приготовил два билета, похожие на французские *coupe-lit* (спальные вагоны), от-

дал ему и сказал:

– Извольте, сударь... два места до Пешавара: 120 рупий (199 франков).

Это была относительно низкая плата, но Патрик покраснел, отскочил и пробормотал, совершенно смутившись:

– Это дорого, слишком дорого... у меня нет столько денег... мы поедем с сестрой вместе с туземцами.

Чиновник, сделавшийся вдруг дерзким, взглянул на них с высоты своего величия и воскликнул презрительно:

– Ехать с туземцами! Англичанам... белым... что вы такое выдумали, мальчик? Вы, вероятно, какой-нибудь boy (мальчик-прислужник), а ваша сестра горничная; ваш хозяин вам этого не позволит.

Мальчик поднял голову и гордо отвечал:

– Я – Патрик Леннокс, герцог Ричмондский! Разве это преступление, что я беден и не прошу милостыни?! Дайте мне два билета для эмигрантов.

На этот раз грубиян покраснел и пробормотал какое-то пошлое извинение. Он взял два других билета и прибавил, на этот раз вежливо:

– Это стоит только 18 рупий (29 фр. 70 сант.).

Патрик холодно рассчитался с ним, подал руку сестре, и оба в сопровождении Боба вышли на платформу, где толпились отъезжающие. У него в кармане оставалось ровно 28 франков и один су.

Они выбрали себе одно из отделений, смежных со спаль-

ными вагонами, где ездит туземная прислуга богатых английских путешественников. Боб, по знаку своего хозяина, расположился под скамейкой. Поезд тронулся. Молодые путешественники вздохнули с облегчением, думая, что они будут все время ехать с большой скоростью и незаметно приближаться к цели. Через десять минут поезд остановился неподалеку от болот, в мрачной местности, выразительно названной «Пристанище бедствия». Можно было бы еще правильнее назвать ее «Ад голода», потому что за все время, что род человеческий существует, вряд ли можно было видеть такое множество людей, страдающих от голода. Там были сотни, тысячи, тьма людей всех возрастов и полов; они сидели на корточках или лежали на земле и были так слабы, что едва могли шевелиться; худоба их не поддавалась никакому описанию. При приближении поезда все эти умирающие протягивают свои тощие руки, умоляя слабым голосом, чтоб им дали немного пищи. Сюда собирались все те, кто не имел возможности зарабатывать свой хлеб. Пребывание в богатом городе им строго воспрещено: нельзя омрачать роскошь видом такого бедствия! Им назначили для временного местожительства «Пристанище бедствия», где, впрочем, они не совсем всеми оставлены. Все поезда здесь останавливаются, и пассажиры раздают голодным пищу. Кроме того, существует раздача, производимая специальными агентами, которые равномерно распределяют привезенную в фургонах пищу. Наконец, самых здоровых увозят на специальных по-

ездах внутрь страны, дают им немного окрепнуть и отправляют их на те пункты, где ведутся большие работы.

Нагруженные припасами джентльмены и леди вышли и стали раздавать маленькие хлебцы, ватрушки и бутерброды. А дети, Патрик и Мэри, завидовали этим счастливцам, не за то, что они были богаты, а за то, что они имели возможность давать. Это продолжалось десять минут, потом леди и джентльмены вернулись в свои вагоны. Свисток раздался еще раз – и поезд тронулся. Но Патрик и Мэри с удивлением заметили, что они не едут. Они вышли из вагона и увидели, что поезд разделен на две части. Локомотив, идущий с большой скоростью, увозил с собою пять или шесть богатых вагонов. Более тридцати вагонов осталось, и к ним прицепили локомотив от товарного поезда, для перевозки бедняков. Озабоченные железнодорожные чиновники бегали, открывая с шумом двери и жалюзи огромных колониальных вагонов. Они отдавали по-индусски приказания, сопровождаемые громкими возгласами. Эти приказания возбудили сильное волнение всех этих скелетов, и на пергаментных лицах появились странные и горестные улыбки. Тотчас же все молча бросились к вагонам, которые просто брались приступом и в которых они столпились, не принимая во внимание ни удобств, ни гигиенических условий. Дети майора, подхваченные течением, были увлечены в первый попавшийся вагон и грубо брошены на скамью, причем они сами не знали, как они тут очутились. Боб, ворча и скаля зубы, следовал за

ними, и его суровый вид заставил толпу немного расступиться. И тогда, странное дело! Они увидели, что судьба дала им в спутники ту небольшую семью несчастных, с которыми общее бедствие соединяло их уже в течение двух дней.

Они узнали друг друга, раскланялись, кивнув головой, и улыбнулись, чувствуя, что становятся друзьями.

Когда все собрались, началась раздача пищи. Только открыли фургоны, как вбежали служащие, везя перед собой нагруженные провизией тачки. Из окон высовывались тонкие, как лапы паука, исхудалые руки несчастных и схватывали на лету эту грубую пищу. Внутри вагонов происходила неимоверная толкотня, как на скотном дворе или в хлеву, где кишат голодные животные. Куски переходили из рук в руки, растерзанные, истрепанные, раскрошенные, чтоб исчезнуть в подхватывающих их на лету жадных ртах, разинутых во всю ширину и снабженных волчьими зубами. Приближался полдень, жара становилась невыносимой, хотя вагоны и были сбоку защищены ставнями и занавесками. Патрик и Мэри, которые ничего не ели с восхода солнца, начали ослабевать. Тогда мальчик собрался с духом, подошел к окну и позвал одного из служащих.

– Милостивый государь, – сказал он, – нельзя ли мне купить чего-нибудь съестного для сестры и для себя?

Этот человек, удивленный тем, что видит его в таком обществе, отвечал угрюмо:

– Мой мальчик, вы просите невозможного.

– Отчего?

– Это милостыня для бедных... а милостыню, видите ли, мой мальчик, не продают.

– Но ведь мы заплатили за места...

– Напрасно, да к тому же мне некогда. А если вы голодны, вот возьмите...

Шотландская гордость бедного мальчика не устояла перед умоляющим взглядом ослабевшей Мэри. Покраснев от стыда, он протянул руку и взял две ватрушки, которых голодающие, их новые друзья, не стали у них оспаривать.

Он протянул одну своей сестре и с жадностью съел другую, между тем как слезы выкатились из его глаз.

Вдруг раздался резкий свисток, и поезд тронулся.

Глава X

Медицинское исследование. – На лазаретной постели. – Пеннилес официально умер. – Американский консул. – Запоздалые почести. – Графиня де Солиньяк. – Гроб. – Ночное погребение. – Восстание разрастается и вдруг утихает. – Странный слух. – Пустой гроб. – Яхта исчезла.

Когда тюремщик вместе со своим помощником прошел в помещение Пеннилеса, он с удивлением увидел, что узник лежит неподвижно на земле.

Он подошел ближе и, прерывая обязательное в английских тюрьмах молчание, произнес:

– Джентльмен, эй! Джентльмен!

Ответа не было.

– Слышите? Вам принесли завтрак! Однако вы крепко спите.

Ни слова, ни движения.

Тюремщик начал беспокоиться. Он нагнулся, дотронулся до руки капитана, потом до его лба и попятился, прошептав:

– Он холоден, как мрамор. Неужели умер?

Он попробовал приподнять его и убедился, что узник тяжел и неподвижен, как мертвец.

– Ну, хорошо же мне достанется!

И, устранившись от ответственности, тюремщик бегом пустился из комнаты, оставив там туземного служителя, чер-

ные глаза которого странно блеснули.

Он одним духом пробежал по коридору и отправился сообщить о случившемся главному надсмотрщику. Тот направил его к начальнику тюрьмы, который велел немедленно позвать доктора, к счастью, находившегося при исполнении своих обязанностей.

Во время всей этой беготни туземец подошел к узнику, посмотрел на него долгим и пристальным взглядом, потом рассмеялся горловым смехом, который в тишине тюрьмы производил самое злое, демоническое впечатление.

Заслышав в коридорах шаги людей, которые с озабоченным видом возвращались назад, индус снова принял позу бронзовой статуи. Начальник тюрьмы и доктор вбежали, запыхавшись, и быстро приступали к исследованию. Доктор пощупал пульс, выслушал грудь, приподнял веки и с отчаянным жестом воскликнул:

– Конечно, этот человек умер!

– Не может быть! – воскликнул начальник, который не менее, чем сторож, страшился ответственности. – Не летаргия ли это?

– Принесите носилки и немедленно перенесите тело в лазарет! – прервал его доктор.

Начальник с помощью сторожа дрожащей рукой снял замки, замыкавшие кольца цепей, и через десять минут капитан Пеннилес лежал на кровати на первом этаже тюремного помещения, в зале, отведенном для больных арестантов. Там

доктор мог спокойно произвести самые тщательные исследования в присутствии начальника, который совсем пришел в отчаяние. В коже не было ни малейшей чувствительности, веки были неподвижны, не было дыхания, кровь остановилась в сосудах. Одно за другим и почти одновременно стали применять растирания, горчичники, прижигания; пустили в ход искусственное дыхание; попробовали действовать электричеством... Все напрасно! Три часа прошло в бесплодных попытках. Тело Пеннилеса оставалось неподвижным, бесчувственным и холодным.

– Я могу поклясться душой и совестью, – сказал доктор, – что он умер. От чего, пока не знаю, но увижу после вскрытия.

– Берегитесь, вы не смеете вскрывать это тело! Как тело приезжего, оно нам не принадлежит. Мы имеем право вскрывать только тела осужденных. Закон прямо говорит об этом.

– Тогда я останусь здесь для наблюдений.

– Вы можете оставаться при нем только в течение суток.

– Вы правы, будем пользоваться временем.

– Кроме того, я должен немедленно известить судебную власть, которая, в свою очередь, обязана известить генерального консула Соединенных Штатов. Боже мой, Боже мой, что это за ужасное событие. Все скажут, что мы его умертвили, и что тогда будет с несчастными, жизнь которых считалась залогом за его жизнь?!

Страх, удручавший начальство, перешел на всех служа-

щих и распространялся далее, за стенами тюрьмы, по мере того как о смерти арестанта узнавали все в Калькутте. Угроза браминов утратила даже самых смелых, так как она таинственно витала над всем городом, над которым должно было разразиться страшное бедствие – чума.

Американский консул, взволнованный, прибежал, заговорил весьма решительно и резко, упрекал власти за их невольную беспечность и намекал на то, что он подозревает о существовании наемного убийцы.

Он пожелал видеть тело капитана и там разразился новыми упреками, которые совсем озадачили англичан, обыкновенно довольно дерзких с иностранцами. Он сильно нападал на всю процедуру, на желание облечь все в тайну, и возмущался, узнав, что арестанта заковали в цепи.

Ему робко возразили, что этого требовала безопасность государства.

– Что мне за дело до вашего государства и до его безопасности! – прервал консул со своей американской бесцеремонностью. – Если у вас есть права, то есть и обязанности, утвержденные международными кодексами. А вы оставляете тело здесь, на вашей скверной лазаретной кровати...

– Над ним ведутся наблюдения...

– Какое мне дело до ваших наблюдений!.. Я требую, чтоб вы, если не сумели или не хотели позаботиться о нем, пока он был жив, по крайней мере отдали ему те почести, которые подобают его чину и состоянию. Что же касается того,

чтоб предупредить его несчастную жену об этой странной и подозрительной смерти, то этой обязанности я не уступлю никому.

Он уехал с весьма высокомерным видом, оставив в крайнем замешательстве английских чиновников, затем велел отвезти себя на яхту, и здесь его дипломатия поколебала до тех пор непоколебимых часовых. К своему великому удивлению, он узнал, что миссис Клавдии все известно. Она была очень бледна, с сухими, лихорадочно блестящими глазами, но все-таки молодая женщина оказалась более твердой, чем он мог предполагать. С большим тактом и вежливостью он уверил ее в своей преданности и просил не отказываться от его помощи.

– Я не только ваш соотечественник, но и официальный представитель нашего отечества. Отныне вы находитесь под покровительством американского флага, который ни за что не оставит вас.

Она ответила с усилием, нетвердым голосом:

– Благодарю, благодарю от всего сердца... вы мне принесите от имени отечества большое утешение в моем ужасном горе. Но я прежде всего хочу уехать отсюда! Я хочу его видеть! Палачи, которые отняли его у меня, не посмеют удерживать его больше.

В это время появился офицер-ординарец, посланный военным губернатором. Он привез приказание, снимавшее с яхты охрану и позволявшее пассажирам связываться с горо-

дом. Миссис Клавдия, которая могла, наконец, ехать на берег, велела позвать боцмана Мариа и рулевого Джонни. Провансалец и американец, огорченные смертью любимого начальника, молча подошли к ней.

– Друзья мои, – тихо сказала молодая женщина, – я хочу взять вас с собой... Поедемте отдать ему последний долг!

Оба не находили слов, чтоб ответить ей. Они молча и с почтением поклонились. Потом все четверо сошли с яхты, над которой, в знак траура, подняли свернутый флаг.

Экипаж консула ожидал их на набережной. Он быстро доставил их к тюрьме, куда они вошли, дрожа от гнева и отчаяния.

В это время около постели капитана Пеннилеса собрался целый совет докторов. После тщательного осмотра они единогласно пришли к заключению, что арестант умер и оставалось только его похоронить. После этого, по приказанию начальства, все постарались привести в порядок ужасное помещение, где лежал умерший. Кровать покрыли американским флагом, из-под которого была видна благородная и гордая темноволосая голова умершего капитана. Свечи во множестве горели около этой кровати. У изголовья молились два духовных лица: тюремный священник и его помощник. Когда несчастная женщина вошла, слезы потоком полились из ее глаз. Она тяжело опустилась на колени, схватила помертвелую руку мужа и покрыла поцелуями его похолодевший лоб. Потом прошептала разбитым голосом: «Джордж, мой

дорогой Джордж! Вот как нам пришлось свидетелься!»

Оба моряка, растроганные, опустили около нее на колени, ища в своей непокорной памяти отрывки каких-нибудь молитв, которым они учились в детстве...

Оба священника с большим тактом и скромностью удалились. Молодая женщина и ее верные слуги остались здесь одни. Миссис Клавдия подошла к телу мужа и наклонилась над ним, внимательно в него вглядываясь, как будто искала искры жизни под этой неподвижной и холодной маской. Факир сказал ей: «Вы должны надеяться несмотря ни на что». Ей обещали чудо! Но было ли возможно это чудо, если самые знающие доктора объявили, что граф де Солиньяк умер?

В городе за холодными стенами тюрьмы царило невообразимое волнение. Перепуганные заложники устраивали у себя баррикады. Туземцы, обитавшие в черном городе, волновались, подстрекаемые таинственными агентами, которые переходили от группы к группе. Пехотный и кавалерийский патруль беспрестанно сновали по улицам, запруженным волнующейся толпой. Боялись бунта, и власти собирались, если б это случилось, прибегнуть к строгим мерам. Положение показалось столь опасным военному коменданту, что он счел за нужное поспешить с похоронами и не откладывать их далее полуночи. Вместо того чтоб воспротивиться такому решению, молодая женщина приняла его, как избавление. Да, лучше было поскорей все кончить и не ждать, чтобы эта горестная церемония была превращена в сражение или просто

в свалку.

Принесли гроб. Марий и Джонни, которые хотели отдать своему капитану последний печальный долг, уложили его в гроб, упорно отказываясь от помощи англичан. Около них стояли директор тюрьмы, судья и адвокат, как официальные свидетели мрачного обряда. Миссис Клавдия, более бледная, чем ее муж, стала на колени, поцеловала его в лоб, потом полумертвая опустилась на стул. Оба моряка с затуманенными от слез глазами привинчивали крышку. Во дворе их ожидали запряженные экипажи. Гроб вынесли из лазарета и положили в бричку, покрыв его черным покрывалом, чтоб совершенно закрыть от посторонних взоров. Миссис Клавдия села в другой экипаж с матросами, а священники поместились в третьем. Ворота открыли настежь. Экипажи выехали галопом, и их тотчас окружил эскадрон красных улан, которые ожидали их, выстроившись на улице. Печальный кортеж тронулся в путь, выехал из города и после порядочного объезда, предпринятого с целью отвадить любопытных, направился к кладбищу. Оно находилось далеко от шумного города; там царило полное уединение и тишина. Могила, вырытая индусскими могильщиками, которые всегда исполняют эту обязанность, была уже готова. Гроб опустили туда с бесконечными предосторожностями, при свете одной простой лампы; священники прочли несколько молитв – и все было кончено. Но искусственная бодрость, которая до сих пор поддерживала молодую женщину, теперь оставила ее. Все эти ужасные

события оказались более сильными, чем ее воля, и безумная надежда, за которую она старалась уцепиться, поколебалась. Она глухо вскрикнула и, как пораженная громом, упала на руки Марии. Один из могильщиков предложил свое гостеприимство, и несчастную женщину перенесли в хижину, где обитало семейство этого индуса. Но эту энергичную американку, жизнь которой прошла среди борьбы и приключений, нельзя было сравнить с обыкновенными слабыми женщинами, беспрестанно падающими в обморок. Легкое сбрызгивание водой привело ее в себя, и, призвав на помощь все свое мужество, она быстро встала. Оба священника, которые последовали за ней, предложили ей свои услуги, чтоб отвезти ее, куда она захочет. Она поблагодарила и ответила, что со своими моряками она ничего не боится и что она хочет пробыть еще некоторое время в этом печальном месте, где оставалось все, что было ей дорого.

Они удалились, почтительно поклонившись, и возвратились к экипажам, которые ожидали их у решетки.

Возмущение, начинавшее волновать Калькутту, вдруг утихло. Войска вернулись в свои казармы. Толпа, до сих пор враждебно настроенная, по-видимому, забыла свой гнев. После сильного волнения власти начали свободно дышать, тем более, что заложникам не было причинено никакого вреда. Вдруг в десять часов утра всю высшую администрацию взволновало необыкновенное известие. Один человек из туземной полиции прибежал известить своего начальника, что

тело капитана Пеннилеса похищено. Его сочли за человека, страдающего галлюцинациями, или за плута, желавшего получить награду. Но он продолжал стоять на своем до тех пор, пока не решились расследовать, в чем дело. Но когда захотели разрыть могилу, оказалось, что индусские могильщики исчезли. Пришлось нанять других, которые немедленно выполнили эту печальную работу. Полисмен сказал чистую правду: гроб был пуст. Все побежали на яхту, которую следовало задержать. Но тут оказалось, что они еще раз жестоко ошиблись. Хорошенький кораблик, которого больше никто не караулил, отплыл еще до восхода солнца. После этого прошло более шести часов; значит, его уже нельзя было настигнуть.

Часть 2

Беглецы

Глава I

Письмо и флакон. – Факир опять появляется. – Похищение. – Безумное бегство. – В таинственном помещении. – У тела мужа. – Решительный шаг. – Первые признаки жизни. – Он жив. – Безграничная радость. – Новые угрозы – новые опасности.

Когда миссис Клавдия очнулась от обморока в мрачной хижине могильщика, она сразу же овладела собой, и к ней вернулось ясное сознание. Она немедленно припомнила ужасную драму во всех ее мельчайших подробностях. За несколько часов до прибытия американского консула, который известил ее о внезапной смерти мужа, она нашла в своей спальне на яхте маленький пакетик, таинственным образом очутившийся на стуле, пока она спала. Там был, во-первых, маленький серебряный флакончик с вделанными в него драгоценными камнями, с богатой резьбой индусской работы: это было в полном смысле слова произведение искусства. К герметически закрывавшей его металлической пробке была привязана маленькая полоска пергамента с надписью: «Не

открывать раньше прочтения письма». Упомянутое письмо, тоже написанное на пергаменте, служило нижней оберткой флакону, к которому оно было прикреплено большой восковой печатью. Она сняла печать, изображавшую три открытые руки, расположенные треугольником около цветка лотоса, и поспешно прочла письмо.

Письмо, довольно длинное и написанное красиво и старательно, сообщало ей о происходивших в тюрьме событиях и главным образом о том, что касалось ее мужа. Кроме того, в нем заключались очень ясные подробные наставления относительно содержимого флакона и о том, как его употреблять. Это чтение произвело на нее ошеломляющее действие. Ее просили сохранить глубочайшую тайну и не разыскивать, каким образом это послание очутилось у нее. Она поняла, что неосторожного слова было бы достаточно, чтобы повредить успеху плана, так смело задуманного и исполненного ее тайными и отважными друзьями. Она сохранила молчание, не сказала ничего даже самым преданным слугам и напрягла все свои нравственные силы, чтобы спокойно ожидать событий. Остальное нам известно: как американский консул навестил ее и отвез в тюрьму в сопровождении двух моряков, и так далее, до того времени, когда с ней случился обморок, что, в сущности, было вполне естественно. Такие трагедии нельзя безнаказанно играть, да еще в такой обстановке! Кроме того, ее мучила неотступная мысль: «Ведь английские доктора считают, что он умер!.. Если наука цивилизо-

ванных людей не может его оживить... Наконец, я сама в его присутствии испытала горькое чувство, будто стою перед существом, отошедшим в вечность! Боже мой! Дай мне силу выдержать до конца! Сделай, чтоб свершилось чудо! Если же нет, то пусть нас с ним скроет общая могила». Когда после обморока она увидела склоненные над собой добрые лица моряков, она встала и сказала решительным тоном: «Надо действовать!» В то же время индус, которого легко было узнать по более грубому хриплому голосу, произнес:

– Мужайтесь, госпожа! Ваши друзья не спят.

И вдруг в комнату проникла молчаливая, подвижная тень к отчетливо обрисовалась при полном освещении.

– Факир! – воскликнула графиня де Солиньяк, узнавая странного человека, появившегося перед ней на яхте.

– Ваш преданный слуга! – сказала странная личность, становясь на колени с почтительностью. Он тотчас же встал и, кидая пламенные взоры на присутствующих туземцев, прибавил:

– А вы все повинуйтесь моим приказаниям.

Туземцев было шесть человек. Они схватили свои вещи и быстро вышли вслед за факиром. Молодая женщина, сидевшая на скамеечке из индийского тростника, осталась одна с Марием и Джонни, которые начинали терять голову от таких удивительных событий. Едва прошло в этой тягостной тишине четверть часа, как факир появился снова.

– Благородная госпожа, следуйте за мною! – тихо произ-

нес он.

Гробокопатели только что вытащили из ямы гроб и отвинтили крышку.

Неподвижное тело капитана Пеннилеса слабо обрисовывалось при мерцающем свете звезд.

– Ни возгласа, ни слова! – сказал факир почтительно, но твердо. – Флакн у вас?

– Да.

– Вы все хорошо помните?

– Да, все! – ответила молодая женщина.

– Хорошо. Теперь подождите.

И он с удивительным совершенством стал подражать пению бульбуля, индийского соловья.

Тотчас же со всех сторон появились черные фигуры. В мгновение ока молодая женщина, тело капитана и оба моряка были схвачены сильными, но не грубыми руками, которые куда-то понесли их.

– Тише, молчание!

Тени галопом поскакали через кладбище и в один момент оставили его за собой. У стен были поставлены лестницы; они влезли на них и скоро очутились вне предместья. Молодая женщина и моряки, которых все еще несли на руках, в полном мраке, отдались на их волю без криков, без движений, без протестов. Все это продолжалось добрый час; их несло так много людей, и они так часто сменялись, что, вероятно, они успели пройти огромное расстояние. Эта мол-

чаливая, подвижная, запыхавшаяся толпа наконец пришла к высоким, темным деревьям. Тут шаг их замедлился. Они не без труда пробрались между спутанными лианами и наваленным там хворостом и достигли низенького, едва заметного строения. Толпа остановилась. Люди, несшие Пеннилеса, миссис Клавдию, Мария и Джонни, вошли в раскрытые настежь двери.

Все они, чувствуя головокружение после быстрой ходьбы, уселись наконец на землю, покрытую толстыми коврами. Везде блестели огни, легко освещая этот богато меблированный в восточном вкусе зал.

– Оставайтесь здесь! – приказал морякам факир, который вдруг вырос, как из-под земли. – А вы, благородная госпожа, следуйте за мной.

Он открыл боковую дверь и дал знак людям, которые несли капитана Пеннилеса. Все вошли в маленькую комнатку; посреди нее стояла кровать, покрытая вместо матраца рогожами из индийского тростника. На нее осторожно положили тело капитана, и все вышли, кроме молодой женщины и факира.

– А теперь, сударыня, – сказал он коротко, – вы должны действовать как можно быстрее. Делайте, что я вам сказал, и ваш супруг будет вам возвращен. Вы найдете здесь все, что вам будет нужно. Не бойтесь! Ваши верные слуги будут вас хорошо стеречь, и вы будете в полной безопасности.

Потом, не ожидая ни слова, ни знака, факир открыл дверь

и исчез. Оставшись одна со своим мужем, все еще холодным, неподвижным и бесчувственным, миссис Клавдия призвала на помощь всю свою энергию. Капитан, казалось, спал. Его мужественное лицо, выделявшееся над складками голубого с серебряными звездами флага, в который он был завернут, было бледно, как мрамор. Глаза были закрыты. Молодая женщина взглянула на него полным любви и надежды взглядом и прошептала:

– Дорогой Джордж... ты будешь жить или мы оба умрем.

Не теряя ни минуты, она вынула из кармана серебряный флакон и положила его около кровати, на маленький столик, где находились разные предметы: серебряный поднос, несколько кусочков белого воска, нож с серебряным лезвием, стаканы, полный воды кувшин и несколько шелковых платков. В соответствии с полученными ею инструкциями, графиня смяла между пальцами немного воска, чтобы смягчить его. Потом она заткнула этим воском себе ноздри и покрыла рот двумя сложенными вместе шелковыми платками. Твердой рукой она открыла флакон и вылила себе на руку часть содержащейся в нем жидкости. Потом она начала быстро растирать лоб и затылок своему мужу. Запах, становившийся все сильнее, сделался, наконец, удушливым; не прими молодая женщина вышеупомянутой предосторожности, она наверное упала бы в обморок. Жидкость эта имела свойство испаряться очень быстро, так что ее рука скоро высохла. Она снова взяла флакон, поднесла его к ноздрям мужа

и стала медленно считать до ста. Как сильно билось ее сердце во время этой странной операции, от которой зависело спасение их обоих!

Но что это? Не ошиблась ли она? Хорошо ли она видит или ее глаза ослеплены этими испарениями? Ей кажется, что щеки этого бледного лица как будто краснеют. Да, да, это правда... Да, обещанное чудо совершается; тот, кого считали мертвым, воскресает. Теперь она надеется, она верит! Мучения, продолжавшиеся двадцать часов, окончились. Более, чем когда-либо, она должна действовать точно и решительно. Она отнимает флакон от ноздрей, берет стакан и наливает туда 12 капель таинственной жидкости. Потом она прибавляет туда три ложки воды, которая тотчас становится прекрасного изумрудного цвета. Когда все готово, она берет ножик с серебряным лезвием, осторожно вводит его между сжатыми челюстями и немного раздвигает их. Потом, капля за каплей, при помощи маленькой ложечки, она вливает смесь в рот, внимательно наблюдая, чтоб ни одна капля не пропала даром. Эта деликатная операция, требующая бесконечной ловкости и терпения, продолжается, по крайней мере, четверть часа. Бедная женщина едва дышит, вся в поту, сердце ее бьется, она готова упасть в обморок. Проходит несколько минут, ужасных минут, в течение которых можно постареть на десять лет! И вот среди мрачного молчания, царящего в комнате, слышится вздох. Это вздыхает не графиня, это он, умерший, неподвижное и холодное тело, кото-

рое англичане считают обреченным на темную могилу! Слышится еще вздох, более глубокий и продолжительный, потом третий, – и отяжелевшие веки слегка приподнимаются. Радостный крик вырывается у молодой женщины; обезумев от радости, она восклицает:

– Он жив! Джордж!.. Он жив! Боже, благодарю Тебя!

Теперь, следуя наставлениям факира, она быстро открыла дверь и окна, чтоб проветрить комнату от испарений таинственной жидкости. В соседней комнате она увидела удрученных горем моряков, которые ничего не знали и ждали, карауля ее, как две верные собаки. Только теперь она вынула воск из ноздрей и сняла плотную ткань, покрывавшую рот. Марий и Джонни смотрели на нее с изумленным видом, понимая все меньше и меньше, а когда она заговорила, они просто подумали, что она сошла с ума.

– Мои верные друзья... мои честные друзья, идите сюда! Мой муж... ваш капитан жив! Слышите ли? Он жив!

Они вошли, повинувшись ей, хотя не могли поверить этому чуду, несмотря на ее уверения; но при виде Пеннилеса разразились целым потоком восклицаний. Радостные возгласы молодой женщины окончательно разбудили мертвого, который сел на кровати, потянулся и начал весьма прозаично зевать...

– *Bagasse de trouen de l'air... de pecaire!* Пусть я провалюсь в ад! Нет! Нет! Бог да благословит вас, капитан!

Провансалец и янки, совсем ошалев от радости, приня-

лись танцевать, а молодая женщина, рыдая, бросилась на шею мужу.

– Джордж, мой дорогой, любимый! Наконец-то ты опять со мной!

Капитан Пеннилес, весьма удивленный при виде этой безумной радости, этого почти болезненного нервного порыва нежности, наконец сказал еще нетвердым голосом:

– Что же это у вас делается, милая Клавдия? Где я теперь? Не приснилось ли мне на яхте, что англичане взяли меня, арестовали и заковали в цепь?

– Капитан, – перебил громовым голосом провансалец, – это все правда, чистая правда, как и то, что солнце светит на небе. Было даже гораздо хуже: вы умерли, англичане вас похоронили, и мы плакали за вами, а теперь вы воскресли, и вот вам доказательство, что мы не знаем, куда деваться от радости! Правда, Джонни?

Не будучи в силах произнести ни слова, американец вертел головой, как обезьяна, а его рот невольно расширился в нежную и в то же время комическую улыбку.

– Но я ничего не понимаю, – возразил капитан. – Я, как и всегда, заснул в тюрьме, и, по правде сказать, меня порядочно беспокоили цепи, в которые меня заковали господа англичане; а теперь вдруг я просыпаюсь свободным.

– Да, мой друг, живым и свободным, – сказала миссис Клавдия, торжествуя. – Я вам скоро подробно расскажу, какие мне пришлось перенести мучения и как я вас считала

мертвым, желая сама умереть.

– Милая Клавдия, я обязан вам тем, что я ожил.

– О, я была только пассивным, хотя и усердным орудием в руках преданных и таинственных друзей, которые действительно обладают удивительными средствами и могуществом. Один факир...

При этих словах появился сам факир.

– Вот он! – сказала миссис Клавдия, указывая на индуса с удивлением, смешанным с ужасом.

За факиром шли три человека, несшие туземные одежды, оружие, провизию. Подойдя к постели, где лежал Пеннилес, факир склонился, приложив руки ко лбу, и сказал кратко:

– Господин, вы теперь живы и свободны; ученики браминов заплатили вам свой долг. Но у вас есть ужасные враги. Скоро они узнают место вашего убежища. Бегите!

– Но я не знаю даже, куда идти!

– Доверьтесь мне, и я скрою вас в убежище, где все скоро про вас забудут... Скорей, скорей! Оденьтесь по-индусски...

– Что за чудное будет бегство! – воскликнула молодая женщина, чувствуя в себе достаточно сил, чтоб побороть армию.

– Несмотря на ваше богатство, у вас теперь нет средств; так пользуйтесь деньгами наших адептов¹⁰, их сокровищница открыта для вас.

---

¹⁰ Адепт (лат.) – посвященный в тайну.

– А что будет с яхтой, моим дорогим «Пеннилесом»?

– Не беспокойтесь, капитан, англичане не завладеют ею.

Лучший кормчий Индии отведет ее, по вашему приказанию, в безопасное место.

– Отлично, мой добрый факир! Джонни, Марий, идите переодеваться, и мы с графиней сделаем то же.

– Господин, – прервал факир, – спешите, спешите! Минуты дороги! Знайте, вам грозит опасность еще большая.

Глава II

В восточных одеждах. – Путешествие на слонах. – Рама и Шиндиа. – Дорога. – Шандернагор. – Беспокойство вожатого. – Что такое bungalow. – Англичане пускаются в путь. – По пути к верному убежищу. – Засада. – Ночная перестрелка. – В открытом поле. – Бедный Рама. – Может быть, это Денежный Король.

Превращение совершилось быстро. Граф Солиньяк и его жена живо оделись в восточные костюмы, принесенные факиром. Он надел на голову роскошный тюрбан из кисеи, с бриллиантовым султанчиком, который переливался яркими огнями. После этого он облачился в маленькую короткую куртку из белого кашемира, шитого золотом, влез в широкие кашемировые панталоны, обул тонкие алые сафьяновые сапожки и подпоясался широким поясом из пунцового шелка. Благодаря своей темной бороде, черным глазам, матовому цвету лица, маленьким рукам и ногам, он был похож на одного из молодых индусских принцев, которых англичане мало-помалу подкупают, обманывают и обходят всевозможными способами, с тем чтоб со временем и вовсе устранить их.

Графиня оделась в обыкновенный костюм мусульманок, весьма подходящий к данному случаю, так как он скрывал совершенно всю ее фигуру, начиная от носков ног, обутых

в изогнутые, вышитые золотом и жемчугом башмаки, до самых корней белокурых волос, скрытых под вуалью, оставившей открытыми одни глаза.

В соседнем отделении происходило переодевание Мария и Джонни. С тех пор, как они узнали, что их капитан жив, их горе сменилось беспредельной радостью. Угрожавшие им ужасные опасности, поспешное бегство Бог весть куда, все это было не более как «partie de plaisir», смелым, свободным предприятием, за которое от нечего делать взялись высадившиеся на берег матросы. Моряки вообще любят являться в чужом виде и бывают искусными подражателями; вероятно, это происходит оттого, что, посещая разные страны, они имеют случай присмотреться к обычаям и костюмам разных народов, населяющих полушария. Кроме того, самая их профессия делает их наблюдательными и удивительным образом развивает память.

Процесс переодевания, доставивший им такое большое удовольствие, был окончен в одну минуту, и иллюзия была полная. Больше нельзя было узнать ни американца, ни провансальца; вместо них появились два мусульманина с геройским, почти величественным видом, вооруженные целым арсеналом палашей, ханджаров и пистолетов, что производило весьма грозное впечатление.

Когда капитан и его жена вошли, моряки приветствовали их, отдавая честь по-военному; они гордо вытянулись, когда Пеннилес похвалил их:

– Bravo, Джонни, bravo, Марий! Очень хорошо. Вы просто неузнаваемы!

Марий, который никогда не лез в карман за словом, ответил:

– О капитан, вот вы так самый красивый, самый любимый из сыновей пророка! Pesaire! При взгляде на вас и вашу супругу можно подумать, что это император и императрица Африки, Аравии и Турции.

Как человек, только что воскресший из гроба, капитан Пеннилес, герой всего этого странного приключения, действительно заслуживал подобного восхищения. Он разразился веселым смехом, к которому от всей души присоединилась миссис Клавдия, чувствовавшая в себе довольно энергии, чтоб идти за тридевять земель. Марий и Джонни последовали их примеру, к удивлению факира, индусская молчаливость которого не могла примириться с подобной веселостью при таких обстоятельствах. Он счел ее неуместной и даже опасной и в тревоге вскричал:

– Молчите, прошу вас, молчите!

– Хорошо, хорошо, папаша! – ответил неисправимый болтун Марий. – Мы закроем дверцу хлебной камеры и притянем язык канатом к берегу.

– Да, – серьезно сказал факир, – некоторое время вам придется молчать, так как вы не знаете индусского языка. Вы будете считаться верующими, которые дали обет молчать. А теперь скорее в путь, мы и так долго замешкались.

Они бесшумно вышли, и их глаза, привыкнув мало-помалу к ночной темноте, увидели под деревьями двух огромных слонов. На спине каждого из них при помощи широких ремней было укреплено нечто вроде клетки с сиденьями, называемыми houdah. Одна из этих клеток, покрытая сверху богатыми материями и напоминающая собою минарет, предназначалась для капитана и его жены. Чтобы можно было влезть в эти красиво убранные домики, к бокам животных была прислонена тонкая и гибкая бамбуковая лестница. Внушительные размеры слонов и вообще все это неожиданное зрелище вызвали громкие проявления радости у обоих моряков, которые забыли о предупреждении факира.

– Bagasse! Милый мой, вот так звери!

– God by! Это целые здания из мяса!

– Молчать! – прервал факир с шипением, которое напоминало шипение разъяренной кобры.

Верхом на шее каждого слона, у самых ушей, сидели вожатые, или корнаки, державшие в правой руке палки с железными крюками, которые служат для управления, хотя умное животное большей частью слушается одного только человеческого слова. Факир в темноте указал жестом на слонов и тихо прибавил:

– Эти два слона самые умные, сильные, бесстрашные и дрессированные во всей Бенгалии. Тот, на кого сядет мой господин, называется Рама. Другой, то есть тот, который понесет нас с моряками, называется Шиндиа. Вы увидите, до

чего развит их инстинкт, как они бесстрашны и выносливы. Эти свойства во всяком случае очень пригодятся нам!

Капитан Пеннилес, знающий цену времени, живо полез по маленькой лестнице, которая вся дрожала и гнулась, но выдержала его тяжесть. Он уцепился за край houdah и сказал своей жене:

– Клавдия, дитя мое, следуйте за мною!

Она очень ловко последовала его примеру, хотя восточные одежды несколько стесняли ее. Пеннилес осторожно подхватил ее, без труда поднял и усадил в убранную богатыми материями корзинку. Марий в это время карабкался на другого слона. Он уселся, его товарищ последовал его примеру, потом влез факир, и когда все были на местах, лестницы были подняты и вместе с крюками подвешены сбоку каждой houdah. Вожаки засвистели, и слоны тотчас же тронулись в путь; Шиндиа открывал шествие. Животные шли неумоимо, мерными большими шагами, подвигаясь так же быстро, как лошадь, скачущая галопом; слоны могут таким образом пройти очень много.

Скоро путники приблизились к местечку Дум-Дум и так же скоро миновали его. Этот маленький городок с пятьюстами тысячами жителей – туземный арсенал. Здесь изготавливаются знаменитые патроны, которые английские солдаты переделывали особым варварским образом, благодаря чему раны от пуль делались нестерпимо мучительными.

Все еще царила глубокая темнота. Было, может быть, око-

ло двух часов ночи. Солнце должно было взойти только около половины шестого; следовательно, беглецы имели достаточно времени, чтобы уйти как можно дальше, избежать таинственной опасности, известной лишь одному факиру. Слоны шли по дороге, идущей по берегу Хугли между двумя железнодорожными линиями. Они бодро делали по шестнадцать километров в час, раскачивая *houdah*, которые они заставляли колебаться на манер корабля. Комфортабельно усевшись или, лучше сказать, полулежа, граф Солиньяк и его жена наполовину погрузились в дремоту, между тем как оба моряка крепко спали. Они проехали, не подозревая того, мимо французского города Шандернагора, от которого их отделяли только 800 метров – ширина Хугли.

Чудан-Нагар – город сандалных деревьев, или Чандра-Нагар – город луны, – это один из последних остатков французских владений в Индии. Это славное воспоминание из того времени, когда великий Дюпле (*Dupleix*) пытался покорить Индию для Франции. В первой половине XVIII столетия Шандернагор сделался значительным городом, и сотни кораблей поддерживали его оживленную торговлю. После ухода Дюпле город скоро пришел в упадок. Разоренный войнами, отрезанный от Франции, окончательно уничтоженный английскими таможенными пошлинами, имея только три метра воды в реке, он потерял всякое торговое значение, так как французские суда останавливались теперь в Калькутте.

Впрочем, и другие европейские народы пробовали колонизовать дельту Ганга. Не более как в трех милях от Шандернагора находится город Чинсура, который некогда был голландской колонией, купленный Англией в 1826 году за хорошую цену. На 1500 метров выше Чинсура, на Хугли возвышается город, который носит имя этого рукава; в настоящее время оба эти города соединились в один, имеющий тридцать тысяч жителей.

Хугли был основан португальцами в 1547 году и, подобно Шандернагору, довольно долго наслаждался благоденствием. Он был взят англичанами, и теперь в нем не остается других следов лужитанского владычества, кроме Бандельской церкви и монастыря. Это два самых древних памятника существования христианской религии в Северной Индии.

Не замедляя своего аллюра, слоны прошли по мосту, переброшенному через реку против Чинсура, и тронулись дальше по дороге, ведущей в глубь страны по направлению к востоку. Хотя все вокруг было спокойно, факир, несмотря на свое обычное хладнокровие, выражал необыкновенное беспокойство. Несколько раз он приказывал шествию остановиться. Он соскакивал на землю прыжком клоуна, ложился, прикладывая к земле ухо. Потом влезал наверх с ловкостью акробата и сосредоточенно думал, пока оба его товарища спали. Наконец на горизонте появился лиловатый отблеск. В несколько минут этот красивый оттенок ярче выделился на фоне неба, перешел в фиолетовый, потом в яр-

ко-красный, вспыхнувший, как пожар. Солнце должно было сейчас взойти. Слоны, которые без отдыха сделали в три часа более пятидесяти километров, начали тяжело дышать. Они шли теперь по дикой и пустынной местности: за исключением домика, скрывавшегося под лианами и другими ползучими растениями, вокруг не было ни одного человеческого жилья. Слоны остановились сами.

– Это Рамнагарский «bungalow»! – сказал факир. – Мы приехали... выходите!

«Dak bungalow» – учреждение, которое некогда процветало, но пришло почти в полный упадок с появлением железных дорог в Индии.

Это своего рода станция, гостиница, караван-сарай, где путешественники находят стол и ночлег после странствования по пустынным дорогам, далеко от цивилизованных центров. Такие дома, выстроенные и поддерживаемые английским правительством на всех дорогах индийской империи, содержатся обыкновенно «Khaneama» – то есть поварами, грубыми личностями, которые некогда обращались с посетителями очень дерзко, но теперь значительно смягчились, благодаря соперничеству железной дороги.

Хотя некоторые из этих гостиниц и красивы на вид, устроены удобно и снабжены всем необходимым, но большая часть из них дает вам только помещение для ночлега и железную кровать с подкосившимися ножками или диван из индийского тростника. Все это стоит приблизительно 2

франка 50 сантимов в день. Что же касается обедов, состоящих постоянно из курицы с рисом, яиц и кофе, то они стоят столько же, сколько и помещение. Курица бывает сухая, яйца – подозрительного свойства, рис не первого достоинства. Поэтому гость рискует умереть с голоду, если не возьмет заблаговременно своей провизии. Англичане, как люди практичные и любящие комфорт, так обыкновенно и устриваются. При путешествии они берут с собою посуду, серебро, постельные и туалетные принадлежности, вино, консервы, – словом, все нужное и даже все излишнее, и пользуются в «dak bungalow» только помещением.

Таинственные друзья беглецов, несмотря на то, что обстоятельства вынуждали их спешить, приготовили для них все самое нужное. Они уложили в свои корзинки съестные припасы и четыре маленьких камбоджских матраца, весьма удобных и занимающих мало места.

Итак, пребывание в Рамнагарской гостинице было обставлено так удобно, как только могли пожелать закаленные в странствованиях путешественники. Впрочем, несмотря на свою выносливость, они чувствовали себя совсем разбитыми от усталости, и после короткого обеда все немедленно уснули в запертых со всех сторон комнатах.

Этот день прошел довольно спокойно. Когда солнце стало склоняться к западу и жара спала, путники снова тронулись по направлению к Востоку. Слоны продолжали быстро идти вперед. Расстояние между беглецами и их преследовате-

лями, вероятно, было довольно большое, но факир все еще временами продолжал выражать живейшее беспокойство.

– Куда ты ведешь нас, мой друг? – несколько раз спрашивал его Пеннилес.

– Я обещал доставить вас в такое место, где пундиты распоряжаются полновластно; мы едем в один из тех старых храмов, обширных, как город, где царят изобилие, мир и безопасность. Там вы будете хорошо укрыты от всякого преследования, так как английская полиция не знает их местоположения, которое известно только нам одним и тайна которого ревниво оберегается после завоевания Индии! Самые знаменитые изгнанники, прославившиеся во время наших великих войн, нашли там убежище и жили в течение многих лет.

– А далеко ли это?

– По крайней мере четыре ночи форсированного марша.

– Четыре ночи так четыре ночи! – сказал весело Пеннилес, который, казалось, уже не помнил всех печальных происшествий, сопровождавших его прибытие в Индию.

То же случилось, по-видимому, и с его прелестной женой, которая проявила удивительную выносливость. А в сущности, нет ничего менее веселого, чем необходимость бежать сломя голову ночью, закупорившись в ящик, на движущемся хребте колосса.

Эта вторая ночь тоже миновала без приключений. На следующий день путники отдыхали в bungalow Китта, и потом, на закате, снова тронулись в путь.

Беглецы находились уже на расстоянии ста шестидесяти километров от Калькутты. Они шли уже в течение четырех часов и давно пересекли полотно Бомбей-Барахарской железной дороги. Теперь дорога шла по пустыне. Вдруг слон Шиндиа, шедший впереди, остановился, насторожил уши и выгнул свой хобот, выражая сильное беспокойство. Тщетно вожак старался успокоить его и принудить идти дальше, умное животное остановилось неподвижно, как скала. В тот же момент быстрый луч света пронизал мрак, и за ним последовал оглушительный выстрел, раздавшийся совсем близко, из густой заросли бамбука, окаймлявшего дорогу. Раненый Шиндиа пронзительно крикнул и кинулся вперед. Тогда с обеих сторон и спереди раздались новые выстрелы. Оказалось, беглецы попали прямо в засаду.

Некоторые пули попали в корзины. Оба слона были ранены и издавали ужасные крики, которых не забудет никто, кто слышал их хоть один раз. Беглецы схватили оружие и приготовились к упорной защите. К несчастью, они ничего не видели и могли стрелять только наугад. Между тем попусту тратить порох было нельзя.

Многие женщины закричали бы от страха в таком положении и стали бы цепляться за своих мужей. Но миссис Клавдия не растерялась: хладнокровно зарядив маленький двустольный карабин, она спокойно старалась разглядеть что-нибудь в темноте. Вдруг раздался второй залп, и Шиндиа,

снова раненый, пошатнулся, закачался и готов был упасть.

– Тьфу пропасть! – заворчал Марий. – Ему, бедному, недолго осталось жить!

В это время среди ночной тиши раздался голос:

– Смелей, ребята, смелей! Они в наших руках!

При этих словах из бамбуков вынырнула толпа всадников, которые, немедленно окружили слонов. Миссис Клавдия, смутно различившая светлую масть лошади, быстро навела карабин и выстрелила. Лошадь, пораженная в грудь, встала на дыбы и опрокинулась на своего всадника.

– Bravo, Клавдия! – воскликнул Пеннилес, сопровождая свои слова выстрелом из карабина.

Марий и Джонни присоединились к нему и засыпали пулями группу, вовсе не ожидавшую такой энергичной защиты.

– Провалиться мне в ад! – проворчал один голос. – Эти злосчастные слоны не падают! Эй, ребята! Стреляйте им по ногам!

– Мне как будто знаком этот хриплый вороний голос! – проговорил про себя Пеннилес, стараясь направить свой карабин в ту сторону, откуда он раздавался.

Между тем слоны действительно еще держались на ногах. Нужно заметить, эти колоссальные животные, благодаря своей величине и удивительной живучести, не очень страдают от обыкновенных ружейных пуль; чтобы повалить их, нужны пули особенно большого калибра. Кроме того, охотник

должен непременно целиться им в ухо, или в висок, или в лобную кость, чтобы поразить их на смерть. Можно также целиться в ногу: этот выстрел, хорошо известный охотникам, лишает слона всякой возможности продолжать борьбу. Слон, у которого перебита передняя нога, падает при малейшей попытке двинуться вперед и легко становится добычей человека.

Услышав варварское приказание стрелять слонам в ноги, факир содрогнулся: если б слоны упали, беглецы очутились бы во власти своих врагов, и пундиты возложили бы на него всю ответственность за случившуюся катастрофу. Тогда он без колебания громовым голосом крикнул:

– Скорей, друзья!

Шиндиа, опасно раненный, Рама, испуганный, полувзбесившийся, издавали пронзительные звуки. Не пытаясь успокоить животных, вожаки нанесли им несколько ударов крюками и голосом побуждали их повернуть направо. Тогда они с чисто звериным бешенством кинулись в сторону всадников, по дороге убили хоботами несколько человек, потом, растапывая бамбук под ногами, как будто это была рожь, сломя голову поскакали. Теперь впереди шел уже Рама, а Шиндиа с трудом следовал за ним, сильно хромя и издавая жалобные стоны. Факир понимал, что в случае остановки им не придется уже двинуться дальше, и как мог ускорял бег бедного животного.

За ровным, широким шагом, которым слоны шли, по-

следовал быстрый, неровный, конвульсивный галоп. Слоны бежали вперед, пробираясь между гигантскими зарослями, этими знаменитыми джунглями, которыми славится Индия. Они неслись, как ветер, как смерч, немилосердно качая корзины с пассажирами, прикрепленные на их спинах. Бедные беглецы, которых трясло, било, толкало и кидало друг на друга, отчаянно цеплялись за что попало.

Наконец после бешеной скачки, продолжавшейся добрый час, бедный Шиндиа не выдержал и упал, как подкошенный, при этом его вожак, факир и матросы были далеко отброшены в траву. Рама, увидев падающего товарища, остановился. Четверо упавших, которые, к счастью, не ушиблись, скоро поднялись на ноги. Вожак, рыдая, бросился на шею умирающему животному. Когда Рама остановился, пыхтя во весь хобот, Пеннилес, довольный тем, что эта бешеная гимнастика наконец окончилась, сказал своей жене:

– Милая Клавдия, не узнали ли вы голос, который приказывал стрелять в наших животных?

– Кажется, я его слышала где-то!

– Ну, так я вам скажу, что этот голос, произносящий слова с американским акцентом, что встречается здесь так редко, – это голос моего давнишнего врага, того самого, который хотел на вас жениться и никогда не мог мне простить, что я обошел его!

– Значит, это Джим Сильвер!

– Да, это Денежный Король, и уж, конечно, он пытается

Отомстить мне!

Ужасный шум не дал молодой женщине продолжать разговор. Можно было подумать, что это свисток локомотива, сопровождаемый треском обрушившихся вагонов, упавших один на другой. Первым движением Пеннилеса и его товарищей было броситься в ту сторону, где раздался этот оглушительный шум: вероятно, где-то близко произошла какая-нибудь ужасная катастрофа. Может быть, там были несчастные, нуждавшиеся в помощи, и добрые сердца беглецов побуждали их, несмотря на опасность, которой они сами подвергались, немедленно послушаться голоса милосердия и самоотвержения.

К несчастью, в этих пустынных местностях нет никакой возможности находить дорогу ночью. Итак, они стали с лихорадочным нетерпением дожидаться дня. С другой стороны, темнота в этом лесу казалась им просто страшной. Тогда факир, чувствуя их волнение, зажег несколько сухих смолистых веток и осветил хоть немного окрестные предметы.

Слон Шиндиа умирал. Бедное животное было в нескольких местах прострелено пулями. Его товарищ Рама, весь покрытый кровью, тем не менее казался не столь тяжело раненным. Пеннилес, вооружившись факелом, сперва осмотрел его ноги. Будучи очень маленького калибра, пули прошли, очевидно, насквозь, не повредив, к счастью, костей. Впрочем, одна из ран, по-видимому, причиняла бедному животному большие страдания. Она находилась над ступней;

кровь лилась из нее обильной струей, и бедный Рама рычал от гнева и нетерпения. Он приподнимал свою огромную ногу и тряс ею, как обжегшаяся кошка. Миссис Клавдия первая увидела при свете факела огромное возвышение в виде опухоли, откуда кровь бежала красной струйкой. Проникшись состраданием, она сказала мужу:

– Джордж, мой друг, смотрите, смотрите! Бедное животное! Как оно страдает. Нельзя ли ему помочь?

– Попробую! – ответил капитан.

Глава III

Касты в Индии. – Парии. – Бедственное положение человека, изгнанного из своей касты. – Пундит Биканель. – Ненависть его к бывшим собратьям. – На английской службе. – Денежный Король. – Очень занятой человек. – Джим Сильвер требует возмездия. – Обещание денежной награды. – Охота. – Неудавшаяся атака. – Начнем сначала!..

Индия придерживается кастового устройства. Чего англичане ни делали, чтоб постепенно уничтожить касты, все-таки они остались, со всеми предрассудками и тиранией. Хотя англичане и объявили всех подданных Индо-Британской империи равноправными, но все-таки индусы тем не менее продолжают подчиняться этой иерархии, от которой сами не желают освободиться.

Больших наследственных каст в теории считается четыре: 1) секта браминов, из которой выходят все жрецы; 2) кшатриев, или воинов; 3) васий – торговцев и земледельцев; 4) судров, или служителей. Из каждой из этих четырех главных каст вышли бесчисленные второстепенные касты, между которыми трудно и разобраться. Все эти категории личностей, даже малейшие из них, имеют свои привилегии и пользуются своего рода уважением; все, кроме одной, а именно той, чье название вызывает мысль о горькой нужде, возмутительной несправедливости: это секта париев.

Это слово, которое и у нас, по аналогии, приобрело печальное значение, происходит, как говорят лингвисты, или от слова Para, которое по-гречески, как и по-санскритски, означает находящиеся вне, или от тамильского parayeyr – вне классов. Итак, парии составляют, собственно говоря, класс таких людей, которые находятся вне всякого класса! Это – отверженные, злодеи, нечистые люди, и прикосновение их считается настолько оскверняющим, что, даже будучи невольным, влечет за собою длинные очистительные церемонии: молитвы, покаяние.

Отвращение к несчастным простирается так далеко, что жрецы, «дважды рожденные», dwidjas, не могут дотронуться до них даже палкой, хотя бы в виде наказания. Парии терпевают то же унижение, которое испытывали в средние века люди, отлученные от церкви. Но отлученные по снятии приговора снова могли стать в прежнее положение. Несчастный же индус, который рождается в секте париев или впоследствии попадает в их число, навсегда несет на себе проклятие.

Этот презираемый всеми класс заключает в себе не одних париев по рождению, но и тех, кто по той или другой причине, чаще всего за какой-нибудь недостойный поступок, был изгнан из своей касты. Итак, изгнание из касты считается для индуса самым ужасным несчастьем.

Было бы слишком долго и бесполезно объяснять, почему пундит Биканель, принадлежавший к одному из самых

благородных и древних браминских семейств, был изгнан из своей касты и сделался парием. Биканель, обладавший всеми возможными пороками, какими только могут отличаться жители Востока, совершил все возможные преступления для удовлетворения своих порочных наклонностей и наконец был постыдно изгнан из своей касты равными ему браминами и подвергся презрению всей нации. Факт, чтобы брамин мог потерять свой сан, встречается весьма редко, но все-таки встречается. В таких случаях, человек, чтобы не терпеть невыносимого позора, обыкновенно лишает себя жизни. Но Биканель не разделял этого мнения.

Вполне уверенный, что жизнь прелестная вещь и что не следует покидать ее по возможности дольше, он рассудил: так как англичане не выражают ни малейшего презрения к людям, считающимся вне касты, он предложит им свои услуги. Брамины обладают самыми страшными тайнами, касающимися людей и дел этой таинственной страны, которую англичане победили, завоевали, но не покорили. Поэтому предложение отверженного брамина, почти единственное в летописях Индии, пришлось очень кстати для правительства, которое поспешило им воспользоваться. У Биканеля спросили, чего он хочет. Он ответил:

– Мне нужно большое жалованье и место в полиции!

Англичане никогда не торгуются, когда дело идет о соблюдении их интересов. Биканель сразу получил жалованье генерала и место в тайной полиции, где он таким образом

мог делать все, что захочет. Дикое животное, сделавшееся домашним, всегда начинает ненавидеть тех животных своей породы, которые остались на свободе. Таковым же оказался лишенный своего сана брамин, недостойный пундит Биканель, который, поступив на службу к англичанам, немедленно стал проявлять самую дикую ненависть ко всем индусским кастам и в особенности к своей собственной. Этим он оказал большие услуги своим новым начальникам, которые все больше и больше стали его ценить. С тех пор он принимал участие во всех делах, касавшихся туземцев, и отличался просто дьявольской ловкостью и хитростью. Он умел принимать иногда какой угодно вид и с неслыханным совершенством разыгрывать роль какого угодно лица; он входил во все, все видел сам, и для этого прибегал к самым удивительным уловкам. Он скоро сделался тайным помощником и советником обер-полицмейстера и значительно облегчил ему его дело.

Ужасная драма, в которой лишилась жизни герцогиня Ричмондская, весьма обрадовала его, дав возможность излить на бывшего своего собрата, брамина Нариндру, всю свою ненависть. Он-то и посоветовал судьям вынести ужасный приговор виновному; это была нелепая и опасная вещь, которая англичанину не пришла бы даже и в голову, но бывший брамин хорошо знал, что это было самым ужасным наказанием для всей касты.

Он еще больше заинтересовался этим делом, когда оно,

после приезда сюда капитана Пеннилеса, приняло неожиданные и необычайные размеры.

Пеннилес, по вине которого профанация¹¹ останков брамина не могла совершиться, стал предметом непримиримой ненависти Биканеля; эта ненависть еще усилилась с того дня, когда пундиты стали ему явно покровительствовать. Обстоятельства, поистине удивительные, благоприятствовали ему во всех отношениях. В тот самый день, когда несчастная герцогиня Ричмондская была заколота брамином, Биканель принимал джентльмена, отрекомендовавшегося ему под странным титулом «Денежного Короля». Это был человек большого роста, лет пятидесяти, худой, с выдающимися костями; на подбородке торчал пук жестких волос с проседью. Он говорил короткими, отрывистыми фразами, какие употребляют в телеграммах. Его наружность и манера говорить в нос заставляли признать в нем чистокровного янки.

– Я, – сказал он, приступая прямо к делу, – Джим Сильвер, Денежный Король... американский подданный... я «стою» двести миллионов долларов. Вот пара слов от вашего начальника; читайте скорей!

– Но, милорд...

– Я не плачу за титулы и не лорд, но плачу за услуги, притом очень дорого.

– Что прикажет ваша милость?

– Капитан Пеннилес, Король Керосина, американский

---

¹¹ Профанация (лат.) – осквернение.

подданный... мой враг... выиграл у меня два миллиона долларов... женился на женщине, которую я любил... Я хочу, чтоб он исчез навеки с лица земли... Я хочу жениться на его вдове!

– Так вы рассчитываете на мою помощь, так ли, милорд?

– Вы все-таки хотите называть меня милордом?

– Американский король не может быть чем-нибудь ниже лорда в Индии.

– All right!¹² Ну, так я рассчитываю на вас. Сколько вы хотите за содействие?

– Во-первых, я хочу полной безнаказанности в тех случаях, где придется совершать маленькие неправильности... безнаказанности, за которую ручались бы лица, облеченные властью.

– Сколько вы хотите денег?

– Много, много!..

– Я дам больше, чем вы думаете: в тот день, когда после смерти Пеннилеса я женюсь на его вдове, я дам вам миллион долларов!

– Ах, вы настоящий лорд! – в восхищении воскликнул член тайной полиции.

– Вы соглашаетесь?

– С радостью! А насчет расходов по ведению дела...

– Я заплачу! Вот билет Национального банка на сто тысяч долларов!

---

¹² Порядок! (англ.)

– Благодарю, милорд. А где же теперь ваш враг?

– Он должен скоро приехать сюда на яхте, носящей его имя, Пеннилес. Он вошел в Хугли; будет сегодня вечером в Калькутте.

– Вы в этом уверены?

– Так же как и в том, что я его ненавижу. Он путешествует для своего удовольствия... был на одном из островов Тихого океана, где потерпел крушение, посетил Океанию, Австралию, Малазию, миновал Малаккский пролив... хочет остановиться в Индии... но там погибнет! Все выходы будут для него закрыты... я послал своих агентов всюду! Довольно вам этих сведений?

– Да, милорд! Мне остается несколько часов, чтоб заняться этим делом, составить план, установить мои батареи. Этого времени более чем достаточно.

– Well!¹³ Я полагаюсь на вас в деталях. Главное, чтоб Пеннилес умер. Относительно средств мне все равно: я плачу, вот и все.

– Милорд будет доволен!

– Место жительства: Itrand, Villa-Princess... Вы будете приходить три раза в день или посылать мне уведомление о ходе дел. До свиданья!

При этих словах странный и мрачный господин выплюнул табак, который он смаковал с внушающим отвращение наслаждением, вытащил из кармана сверток табачных листьев,

---

¹³ Well (англ.) – хорошо.

открутил кусочек, откусил его, запихал за щеку и важно удалился медленными шагами.

Оставшись один, Биканель тотчас же принял к сердцу ненависть и пожелания платившего так дорого янки, – Пеннилес, которого он не знал и не видел никогда, сразу же стал его смертельным врагом. Он только спрашивал себя, как поразить его вернее и быстрее. Тут-то он и напал на мысль вставить его русским агентом, человеком, которого могущественный сосед подкупил, чтоб сеять вражду на афганской границе. Подобные уловки всегда удаются в стране, находящейся на военном положении, тем более, если война ведется неудачно.

И вот в то время как Пеннилес медленно подвигался вверх по Хугли, Биканель писал против него ужасный донос, следствием которого был немедленный арест капитана, как только яхта бросила якорь.

Глава IV

Капитан лечит слона. – Друзья. – Место катастрофы. – Крушение поезда. – Под обломками. – Ум, ловкость и сила слона. – Патрик и Мэри. – Они спасены. – В houdah. – Бегство.

Пока факир с помощью Мария, Джонни и вожака пробовал расстегнуть подпруги, которыми корзина была прикреплена к спине мертвого Шиндиа, Пеннилес попросил жену держать факел и смело принялся за дело. Вожак Рамы слез с него и, стоя с ним рядом, нежно разговаривал с ним. Пеннилес в свою очередь подошел, погладил хобот, который все время шевелился, и вытащил из-за пояса маленький кинжал. Он дотронулся острием до опухоли и, размахнувшись, разрезал ее. Конечно, он подвергнулся серьезной опасности: слон мог не понять цели этой операции, которая усиливала его боль, прийти в бешенство и раздавить лекаря своей огромной ногой, как какую-нибудь грушу. Но Пеннилес не без основания рассчитывал на ум животного.

Рама ужасно закричал, потом весь принялся дрожать, но не пошевелился. Из раны хлынула целая волна крови. Тогда Пеннилес всунул два пальца и нащупал твердое тело. Все это время вожак старался своими разговорами развлечь раненое животное. Пеннилес с большим хладнокровием попытался вытащить этот посторонний предмет, который признал

за пулю, остановившуюся в суставе. После многих усилий, от которых его бросило в пот, пуля была вынута. Вероятно, она давила на нервный узел и этим причиняла животному ужасную боль. Как только Пеннилес вытащил ее, Рама глубоко вздохнул и почувствовал сильное облегчение. Он дотронулся хоботом до раны, втянул в себя воздух, затем выбросил из хобота набравшуюся туда кровь и повторил этот маневр раза два или три. Потом он приподнял хобот, погладил им тихонько лицо, шею и руки Пеннилеса, как будто хотел приласкать его или обнюхать, чтоб хорошенько познакомиться. Пеннилес погладил слона по хоботу и сказал ему несколько слов, причем огромное животное приподняло уши, как будто для того, чтоб сильнее запечатлеть в своей памяти этот дружественный голос. Вожак с большой радостью убедился в том, что Рама, получив такое облегчение, мог теперь идти почти так же хорошо, как и прежде. Что же касается факира, он сказал своим горловым голосом:

– Саиб, тем, что вы спасли Раму, вы приобрели себе преданного друга, который будет вас любить более, чем человек, и слушаться вас лучше, чем собака!

Пеннилес и его жена не забыли странного шума, слышанного ими полчаса назад, за которым последовало мертвое молчание, и решились поскорей идти на то место, где, по всей вероятности, должна была случиться ужасная катастрофа, которой они опасались. Рама пришлось нести на себе всех путешественников. «Houdah», предназначенный

прежде только для капитана и его жены, должен был принять в себя и двух моряков. Марий и Джонни отказывались от этого слишком почетного места, уверяя, что они отлично пойдут пешком. Но Пеннилес закрыл им путь к отступлению.

– Я имею право командовать здесь, как и на яхте, не правда ли?

– Есть, капитан! – в один голос отвечали храбрые моряки, вытягивая руки по швам.

– Ну, так я приказываю вам садиться!

Вожак же покойного Шиндиа и факир шли пешком: они скользили, подобно ящерицам, между ветками, да и вообще они были привычными и неутомимыми пешеходами.

Предчувствие европейцев не обмануло их. Это действительно была железнодорожная катастрофа, тем более ужасная, что произошла в пустынной местности, между двумя очень отдаленными станциями, далеко от всякой помощи. Они были первыми живыми существами, появившимися перед этой ужасной массой обломков, которые возвышались огромными, готовыми обрушиться грудями, и из под которых раздавались крики и хрипение. В маленьком овраге лежал локомотив колесами вверх; он раздавил при своем падении англичанина-машиниста и туземца-кочегара. Там и сям бегали оставшиеся в живых люди, которые, обезумев от страха, не могли никому оказать помощь.

Не теряя времени на исследование, по какому поводу произошло это крушение, Пеннилес, моряки и сама миссис

Клавдия принялись разбирать обломки. Работая изо всех сил, Марий произнес следующее замечание:

– Э, капитан! Это все бедняки, туземцы, здесь нет ни одного белого!

– Правда, это как будто эмигранты!

– Посмотрите-ка, капитан, какие они все худые, настоящие скелеты!

Действительно, всюду выглядывали пергаментные лица, туловища с выступающими ребрами; все это, казалось, было уничтожено и раздавлено. До сих пор смелые спасители находили только мертвецов, и в каком состоянии! Однако раздирающие крики все еще раздавались из-под платформы, которая застряла между колеями железной дороги. Молодой детский голос звал на помощь на прекрасном английском языке, и его раздирающие звуки хватили за сердце. Пеннилес и Клавдия побежали прямо туда.

– Мужайтесь! Мы идем к вам на помощь! – закричал капитан.

Он попробовал приподнять платформу, но это было выше его сил; он не мог даже пошевелить ее.

– Джонни, Марий! Скорей сюда, друзья мои! – закричал он морякам.

Все трое впряглись и попробовали сдвинуть вагон, делая огромные усилия, но все было напрасно. Дети продолжали кричать, голоса их все так же раздирали душу, но, к несчастью, все слабели.

– Помогите, помогите, пожалуйста... я задыхаюсь... Мой брат! Спасите моего брата!.. Патрик, Патрик, отвечай мне! Он не говорит, он не слышит!.. Патрик, это я, Мэри! Помогите! Я умираю. Помогите! Боже мой, не оставляй нас!

Миссис Клавдия, которую эти жалобы поражали в самое сердце, упала на колени, в отчаянии ломая руки, с глазами, полными слез.

Пеннилеса вдруг осенила счастливая мысль.

– Слон! Рама, сюда!

Доброе животное, услышав, что его зовет белый человек, доставивший ему облегчение, живо приблизился, ступая между развалинами с невероятной ловкостью и осторожностью. Пеннилес погладил его по хоботу, сказал ему несколько нежных слов и, указав на деревянную громаду, сделал вид, что поднимает ее. Рама раза два втянул хоботом воздух с громким звуком: «урмф! урмпф! урмпф!», потом внезапно сморщил лоб и наострил уши; умные глаза его заблестели: он понял, чего хочет его новый друг. Медленно, не торопясь, с невообразимой силой и ловкостью он подsunул хобот под край платформы и приподнял ее, как бы с усилием. Тотчас же воздух и свет проникли под обломки, где умирали бедные дети.

– Мужайтесь! – воскликнул Пеннилес. – Мужайтесь!

В то же время он проскользнул под платформу, поддерживаемую слоном, и увидел между рельсами ребенка. Он осто-

рожно поднял его, перенес и отдал Марию, сказав:

– Осторожно бери, мой друг!

Это был прекрасный мальчик-подросток, находившийся в беспамятстве, бледный, как смерть.

Пеннилес вернулся под этот импровизированный навес и, следуя по направлению голоса, нашел другое существо. Он принес и тоже отдал его своей жене, сказав:

– Позаботьтесь об этом ребенке, милая Клавдия.

Это была прелестная молодая девушка, чьи чудные белокурые волосы были обсыпаны землей и камешками, а большие голубые глаза, красные от слез, выражали сильное страдание и ужас. Она, казалось, совсем лишилась голоса и едва могла сказать: «О, благодарю! Спасите моего брата!» в ответ на ласковое обхождение, заботы доброй женщины и ее нежные слова, которые она с трудом могла понять.

Под платформой больше никого не оставалось.

– Хорошо, Рама; брось это, мой милый! – сказал Пеннилес слону. Тот тихонько опустил тяжелую платформу, нагруженную бревнами и досками, как будто он мог понять сказанные по-французски слова. Похлопав в знак приязни доброе и сильное животное по хоботу, капитан стал помогать своей жене ухаживать за мальчиком, которого они только что спасли. Миссис Клавдия дала ему понюхать флакон со спиртом, с которым никогда не расставалась. Капитан натер ему руки и виски. К несчастью, все усилия были пока напрасными. Тогда молодая девушка зарыдала и воскликнула разби-

ТЫМ ГОЛОСОМ:

– О, неужели мой брат, мой Патрик умер! Нет, это невозможно...

– Успокойтесь, дитя мое! – кротко ответила молодая женщина. – Ваш брат не умер; мы возвратим его к жизни!

– Как вы добры и как я вам благодарна! Подумайте только, мы совсем одни! Неделю тому назад была убита наша мать...

– Бедные дети! – прошептала молодая женщина, глаза которой наполнились слезами.

– Мы ехали вместе с этими эмигрантами в Пешавар, к нашему отцу, офицеру полка Гордона.

Мисс Клавдия глубоко сочувствовала бедным детям, которым пришлось ехать вместе с голодающими.

Мэри продолжала, рыдая:

– Поезд, который шел очень тихо, все-таки как-то сошел с рельсов... Мы почувствовали сильный толчок и бросились друг к другу в объятия, думая, что конец... а потом... я не знаю.

– Ободритесь, дитя мое! – сказал в свою очередь капитан. – Эта катастрофа, в которой, увы! погибло так много жертв, послужит к тому, чтоб страдания, которые вы невинно терпите, скорей окончились.

Факир, оба моряка и вожаки, которые все время старались освободить несчастных из-под обломков и немного удалились от группы, вдруг прибежали назад.

– Скорей, саиб, скорей! – закричал факир.

– Что случилось?

– Сюда идет поезд для спасения погибающих. Там, верно, солдаты, полицейские, судьи...

– В таком случае, – сказал капитан, – надо бежать. Все меня слишком хорошо знают. Но что делать с этими детьми?

– Как вы можете спрашивать, мой друг? – сказала с живостью графиня. – Я собираюсь взять их с нами. Видите, этот бедный мальчик едва открывает глаза!

Веки Патрика слабо приподнимались, и незаметное дыхание уже слетало с его уст.

– Он жив, он жив! – воскликнула Мэри, схватив руку миссис Клавдии и судорожно ее сжимая.

– Скорей, скорей! – повторил факир, бросая на Патрика и Мэри странный взгляд.

Пеннилес, понимая, какой опасности он подверглся, схватил Патрика, поднял его, как перышко, легко взобрался на лестницу, прислоненную к боку Рама, и осторожно положил мальчика в houdah.

– Теперь ваша очередь, дитя мое! – сказал он Мэри. – Можете вы влезть одна?

Энергичная и решительная, как дочь воина, Мэри выпрямилась и, несмотря на усталость, последовала за братом. Миссис Клавдия взобралась туда же. Потом Марий, Джонни, факир, вожаки... Корзинка, к счастью, довольно крепкая, была набита битком. Вожак свистнул, и Рама, как будто чувствуя опасность, во весь дух пустился бежать, не обращая

внимания на раны, из которых лилась кровь.

Читатели, вероятно, помнят великодушную помощь, оказанную Пеннилесом тем индусам, которые с опасностью для жизни старались вытащить из вод Хугли подвергнувшиеся осквернению останки брамина Нариндры. Это был такого рода поступок, который, при соответствующих обстоятельствах, легко мог поставить Пеннилеса в очень невыгодное положение перед английскими властями, к тому же на него был подан донос, как на русского шпиона.

Последствия всего этого известны.

Но, с другой стороны, пундиты с безукоризненной бдительностью и самоотвержением следили за человеком, которому они были так многим обязаны, а фанатики никогда не забывают подобных обязательств. Произошла тайная, быстрая, ужасная, захватывающая борьба, где капитан в конце концов вышел победителем – но какой ценой!

Может быть, один только Биканель предчувствовал истину, то есть то, что Пеннилес, благодаря участию в заговоре помощника тюремного сторожа, проглотил, сам того не подозревая, один из тех ядов, о существовании которых европейцы даже не подозревают и употребление которых так опасно, что на это решаются только в самых отчаянных случаях. Биканель не ошибся. К счастью для беглецов, он слишком поздно стал предвидеть истину. Это случилось только после похорон, на которых он присутствовал, чтобы иметь право сказать Денежному Королю:

– Я видел, как над вашим врагом поставили надгробный камень.

Его сильно заинтересовало, почему вдова и ее слуги не уходят с кладбища, поэтому он решился терпеливо ждать, скрывшись во мраке. Тогда он увидел, как могильщики вырыли тело капитана и унесли его. Он следовал за этой таинственной группой по джунглям, граничащим с Калькуттой, и подошел вместе с ними к таинственному убежищу, где совершилось воскрешение Пеннилеса. Потом он увидел появление двух слонов, переодетого капитана, его жены и моряков, и тогда понял, что был обманут, что полиция, Верховный Суд, правительство, все попались в ту же ловушку и что нужно было все начинать сначала. Он подождал, пока шествие тронулось, и возвратился в город, ворча про себя:

– Хорошо, Берар! Недурно задумано! Но мы скоро посчитаемся с тобой, мой друг, и ты увидишь, что тебе нельзя спорить со мной!

Вместо того чтобы немедленно предупредить обер-полицейстера, он велел отвезти себя на Villa Princess, где Де-нежный Король, видя, что все идет, как по маслу, считал дело уже почти выигранным. Джим Сильвер, рассчитывавший сделаться супругом миссис Клавдии, предавался розовым мечтам. Сухие слова Биканеля заставили его упасть с неба на землю.

Пеннилес жив и свободен; он теперь убегает с женой и двумя матросами!

Денежный Король испустил яростный возглас и заговорил сдавленным голосом:

– Провалитесь в ад! Вы его выпустили!

– Что бы вы сделали на моем месте?

– Застрелил бы его!

– А с меня бы после этого сняли кожу его телохранители, дюжие малые, могу вас уверить!

Денежный Король яростно бегал взад и вперед; лицо его покрылось каплями пота, глаза налились кровью; он хриплым голосом произносил бранные слова и проклятия, и, чтоб лучше успокоить свои нервы, превращал в порошок все, что попадалось ему под руку. Биканель спокойно предоставил этой грубой личности излить весь свой гнев и, когда наступило некоторое затишье, сказал:

– Ничего еще не потеряно, и я нахожу, что так гораздо лучше!

– Нечего сказать, теперь легко поправить дело!

– Я вас поставлю перед вашим врагом, и он будет действительно мертв на этот раз!

– Вы ведь только что сказали, что он убежал. Где его найти? Индусская территория огромна. Это все равно, что искать булавку в стогу сена.

Биканель рассмеялся и прибавил:

– Люди, которые путешествуют караваном, с двумя слонами, не могут потеряться, как булавка. Через несколько ча-

сов мы, конечно, нападём на их след и затем выберем благоприятный момент, чтоб хорошенько с ними разделаться. Вы дадите знать правительству?

– Думаю, что лучше этого не делать, а действовать самим.

Официальные власти всегда тормозят дело...

– Я с вами не согласен. Чтоб поставить на дороге вооружённую силу, чтоб располагать в удобное время властью, мне нужно иметь официальные приказания. Между тем, я могу их получить только в том случае, если скажу правду. Но не бойтесь: это даст мне в руки огромную силу, которой я воспользуюсь для ваших личных интересов.

– Когда начнется охота?

– Через несколько часов.

– Я присоединяюсь.

– Вы, ваша милость?

– Да, я; выслеживать зверя – это моя специальность: я считаюсь выдающимся «cow-boy» на Западе и растреадором в Аргентине. Я – человек дела! Я заработал свой миллиард не тем, что сидел на месте и нанизывал бусы. God-by! Вы скоро увидите меня при деле!

– Ну, так на этом и порешим! Работа, которая происходит на глазах хозяина, от этого только выиграет!

Все произошло точно так, как предвидел Биканель. Он донес правительству только вкратце о самом важном из всех последних событий, а именно о том, что тело Пеннилеса похищено. Ему поручили производить розыски, облекли его

соответствующей властью; он выбрал, кого хотел, себе в помощники и, не теряя ни минуты, принялся за «охоту», как энергично выражался Денежный Король. Выследить беглецов, которые, в уверенности, что никто их не узнает, не особенно и старались прятаться, было не трудно. Биканель, Джим Сильвер и сопровождавшие их всадники погнались за ними по следам и, наконец, опередили их, пока те отдыхали в гостинице. Они тщательно устроили засаду, намереваясь убить слонов и взять беглецов живыми. Как человек, привыкший повелевать, Джим Сильвер решил немедленно нападать, несмотря на возражения Биканеля. Его американская живость плохо уживалась с медлительностью, в которой кроется сила людей восточных. Читатели помнят, чем кончилось это преждевременное нападение и что за ним последовало. Этот первый неуспех, однако, нимало не смутил Денежного Короля. Вынужденный отступить, он подытожил:

– Мы испытали свои силы в маленькой схватке; она окончилась неудачей... Пеннилес хороший игрок... достойный меня соперник... Итак, начнем все сначала!

Глава V

Бегство без оглядки. – Воспоминание о мадемуазель Фрикетте. – Остановка. – Патрик оплакивает свою собаку. – Мэри больна. – Факир. – Степная лихорадка. – Смертельная болезнь. – Лекарство, неизвестное белым. – Ненависть к англичанам. – Отказ. – Берар – душителъ побежден. – Убийца спасает дитя своей жертвы.

Беглецы не имели возможности опомниться. Они все двигались и двигались вперед, как будто несомые бурей, чувствуя себя не в состоянии справиться с этим вихрем событий или хоть направить его в ту или другую сторону. Теперь они летели вперед полным ходом, стеснившись, как только можно, в корзине, которая раскачивалась с боку на бок и подсакивала на спине слона Рамы. Они остерегались свернуть на дорогу. Подзадориваемый вожакон слон скакал по кратчайшему пути, не заботясь о препятствиях. Он бежал теперь крупной рысью, пыхтя, храпя и фыркая, весь покрывшись пеной, приподнимая свои огромные ноги с математической правильностью и делая легко по двадцать пять километров в час.

Местами джунгли прерывались маленьким оазисом, где виднелась дереушка, жалкое собрание соломенных шалашей, между которыми бродило несколько худеньких ребят, окруженных еще более худыми и истощенными домашни-

ми животными. Буйволы шлепали по грязи около хижин и при появлении путников убегали, держа хвост трубой, пытая и грозя слону своими рогами. Добрый Рама не обращал на них никакого внимания; правду сказать, он не обращал внимания и на то, где можно и где нельзя идти. Рама бежал по тощим плантациям, совершенно уничтожая их своими огромными ногами, топтал поля, засеянные хлопчатником, индиго, коноплей, маком или сахарным тростником! Он с удовольствием кидался в тенистые болота, которые особенно удобны для возделывания риса, оставлял возбуждающий горестные чувства след на правильно расположенных возделанных квадратах земли, размежеванных между собою и чередующихся с косогорами. Он без малейшего стыда вырывал пучки рисовых стеблей темно-зеленого цвета и жевал их с видимым удовольствием. Что делать, ведь надо жить! Слон, более счастливый, чем его хозяева, чьи запасы уже истощились, питался за счет того, на кого обыкновенно падает вся тяжесть войн, вторжений или простого грабительства: за счет мужика.

Едущим было трудно разговаривать, так им было тесно, жарко и неудобно. Однако провансальский акцент Мария время от времени раздавался в этой душной атмосфере, внося некоторое оживление в это молчаливое бегство, полное страха и тоски, несмотря на испытанное мужество каждого.

– Ах, капитан, право жаль...

– Ну, говори, Марий! – сказал Пеннилес, которого всегда

забавляли выходки боцмана.

– Я вот что думаю; если бы мадемуазель Фрикетта была с нами!

– Правда, Марий, – вставила миссис Клавдия, – нам действительно без нее очень скучно. Что-то она теперь делает?

– Она наверное теперь в Париже, у своих родителей и ожидает окончания войны за Кубу, чтоб выйти замуж за своего жениха, который приходится ей двоюродным братом, за капитана Робера. Ей будет досадно, что она не поехала с нами вокруг света, когда мы ее приглашали. А ей ведь очень хотелось прокатиться на «Пеннилесе», на котором с нами случилось, при высадке на Кубу, одно памятное событие... когда нас спасал другой «Пеннилес» – воздушный шар, «корабль» в воздухе. Вся беда в том, что она боялась огорчить своих родителей... маменька так ее уговаривала, что дочка, наконец, осталась... А потом, она находила, что путешествие будет «однообразно». Хорошо «однообразно»! Возня с крокодилами, ваш арест... черные платки тугов... убийства... встреча с этими прекрасными детьми... Если я все это расскажу, то все скажут, что я сочиняю, мелю чепуху! Ах, мадемуазель Фрикетта, как бы вам было весело, если б вы были с нами!

Все посмеялись этому потоку слов, который, несмотря на свою фантастическую форму, живо напомнил всем дорогую Фрикетту.

Скачка продолжалась все с той же быстротой, и еду-

щие чувствовали сильное изнеможение. Волей-неволей пришлось остановиться невдалеке от деревни... Наступала ночь, и дальнейшее бегство было невозможно. Кроме того, у беглецов не было никаких жизненных припасов: ни пищи, ни питья. Капитан велел сделать остановку и вылез со своими спутниками, а факир и вожак Шиндиа, оставшийся без дела после смерти животного, отправились на поиски провизии.

К общему удивлению, Патрик и Мэри, несмотря на волнение и истощение, причиненное им крушением поезда, перенесли эту бешеную скачку без малейших жалоб. Бедные дети истощили свои последние силы, последнюю энергию в борьбе с усталостью, и их физические страдания еще усиливались от нравственных огорчений. Мэри, щеки которой сильно горели, имела нездоровый вид. Она едва держалась на ногах и, видимо, была очень слаба. Марий и Джонни развернули камбоджские матрацы, и молодая девушка тяжело упала на один из них, совсем ослабевшая. Миссис Клавдия села рядом с ней, приподняла ее пылавшую голову и тихонько, с нежностью старшей сестры утешала ее. Затем выдавила сок из лимона, держа его над губами девочки, которая прошептала: «благодарю!» и принялась много и быстро говорить, как в лихорадке.

Капитан, с своей стороны, ухаживал за Патриком и старался его ободрить, как только мог. Мальчик, полный благодарности, ласково отвечал ему; но тем не менее, у него по щекам катились слезы.

– Вы, верно, подумаете, что я очень глуп, – сказал он прерывающимся голосом. . . – Я все потерял, что только можно в жизни потерять, и страдал, как только можно страдать, а между тем у меня еще остается довольно слез, чтоб оплакивать мою собачку, моего бедного Боба, нашего последнего верного друга! Он был с нами на поезде и наверно погиб под обломками!

– Мое милое дитя, все это нисколько не глупо и даже не смешно! – ответил капитан, тронутый таким добросердечием. – Я и сам очень люблю животных! – прибавил он.

Марий вмешался в свою очередь.

– Вы любите свою собачку, как настоящий моряк, мой молодой друг. Ну, так я вам скажу: я плакал, как теленок, о смерти Браво, собачки маленького Пабло, сиротки на Кубе!

Патрик, который хорошо говорил по-французски, понял все, несмотря на акцент и на морские выражения, и с этого же момента почувствовал искреннюю привязанность к провансальскому матросу. Его холодная английская сдержанность растаяла при выражении горячих чувств, выраженных по поводу гибели верного друга.

– А потом, кто знает? Ведь он может быть еще найдётся? – продолжал важно рассуждать Марий.

– Ах, да, дай Бог, чтоб он нашёлся! – сказал мальчик, полный надежды.

До сих пор Патрик едва успел рассмотреть своих неизвестных друзей. Хотя они с непринужденностью носили свой

восточный костюм, он очень скоро догадался, что они не были индусами. Однако же их произношение ясно показывало, что они не были подданными ее величества императрицы. Должно быть, это были иностранцы, добрые, смелые, отважные. И его молодое сердечко, жестоко пораженное всеми случившимися с ним несчастиями, столь упорными и частыми, теперь раскрывалось для благодарности и симпатии. Один только факир, которого с первого взгляда легко было признать за чистокровного индуса, внушал ему отвращение, смешанное с ужасом.

Индус был с ним очень вежлив, но холоден. С своей стороны, он старался избегать не только ближайшего соприкосновения с братом и сестрой, но даже взгляда на них. Он заметно стеснялся и нехорошо чувствовал себя в их присутствии, несмотря на то, что помогал их спасти. Между детьми майора и этой таинственной личностью существовала какая-то тайная антипатия, которую они никак не могли побороть. Но это было только внутреннее ощущение, которого не замечали ни капитан, ни его жена, ни матросы.

Патрик, побежденный приятной, полной собственного достоинства внешностью и добротой капитана, чувствуя симпатию и к добродушному Марию, рассказал им в кратких словах про свою жизнь с сестрой, про свои несчастья, нужду и надежды. Он говорил им все без утайки, как старым друзьям.

Тем временем Мэри становилась все разговорчивее, как в

лихорадке, что сильно испугало графиню де Солиньяк.

С ловкостью, достойной матроса и бывшего дровосека, Джонни устроил прелестный домик-игрушечку из бамбуковых стволов, покрыв его огромными банановыми листьями. На это пошло не более часа работы, и домик мог служить убежищем на случай дождя, которого всегда можно было ожидать. Молодая женщина перебралась туда вместе с Мэри, все еще неподвижно лежавшей на своем матрасе.

Сильно встревоженная графиня позвала своего мужа, который прибежал вместе с Патриком и Марием.

– Посмотрите-ка, мой друг... Этот бедный ребенок бредит... его голова горит, пульс стучит с невероятной скоростью!

– Верно, у нее сильная лихорадка?

– А у нас нет никаких лекарств, ни крошки хинина... решительно ничего!

– Надо попробовать... поискать чего-нибудь!

– У белых нет средства против этой болезни... Эта болезнь неизлечима! – сказал суровым голосом факир.

– Что ты говоришь, факир? – воскликнул капитан.

– Правду, саиб! Это лихорадка здешних джунглей... Всякий белый, заболевший этой болезнью, непременно умрет!

Патрик слышал приговор, произнесенный над его сестрой.

– Если белые не знают средства против этой болезни, может быть оно известно индусам?

– Да, саиб, ты говоришь правду: может быть!

– И ты сам так много знаешь...

– О, да, конечно... я хотел сказать – нет!

Когда он произносил это «нет», его голос зазвенел, как медь, и глаза сверкнули на маленькую больную с выражением сильной ненависти.

Капитан предчувствовал тайну и содрогнулся. Он сделал знак своей жене и сказал факиру:

– Следуй за мной!

Факир почтительно поклонился и последовал за ним без малейшего колебания.

Когда они отошли шагов на пятьдесят, капитан остановился за группой лавров, расположением своим напоминавших школу молодых деревьев. Посмотрев индусу прямо в лицо, он сказал без всякого предисловия:

– Ты знаешь средство, которое спасет ребенка?

– Да, саиб!

– Ты приготовишь его и спасешь ее?

– Нет!

Пеннилес побледнел и невольно схватился за курок револьвера, который торчал у него за поясом.

Факир заметил этот жест, наклонил голову и, смягчая свой грубый голос, сказал покорно:

– Саиб, я мог солгать тебе и сказать, что не знаю средства против этой болезни. Но я сказал тебе правду; я никогда не унижусь до того, чтоб говорить ложь. Теперь ты можешь

убить меня; моя жизнь принадлежит тебе... Мои победители отдали меня тебе... я твой раб, твоя вещь...

– Тогда почему же ты отказываешься повиноваться мне, спасая ребенка, который скоро будет в агонии?

– Потому что она принадлежит к проклятой расе, которая нас теснит; потому что мой отец, моя мать, мои братья... все мои родные были избиты англичанами; потому что здесь нет семьи, которая не оплакивала бы своих близких, ставших жертвой англичан... потому что секта, к которой я принадлежу, поклялась: «Смерть англичанам!» Потому что и я сам дал ужасную клятву над внутренностями белого буйвола, что буду стараться уничтожать все, что принадлежит англичанам!

– Однако же, факир, если я стану взывать к твоим добрым чувствам, к твоему великодушию... если я, который никогда никого не просил, стану просить и умолять тебя...

– Ты – мой повелитель, ты имеешь право приказывать мне. Но я не могу тебе повиноваться, и поэтому убей меня!

– Я умоляю тебя, факир! – сказал Пеннилес, еще более побледнев и делая самые ужасные усилия, чтоб сломить эту непокорную волю. Факир отодвинулся на три шага, выпрямил голову с трагическим выражением на лице и скрестил на груди руки, мускулы которых казались кольцами змеи. Он простоял таким образом несколько минут, как будто бы в его огорченной душе происходила ужасная борьба, потом воскликнул сдержанным, прерывающимся голосом:

– Это я задушил судью Нортон черным платком души-
телей! Это я тем же способом умертвил судью Тейлора! Я,
чтоб отомстить за Нариндру, святого, дважды рожденного,
убил герцогиню Ричмондскую... их мать, слышишь ли, их
мать, саиб! Я – начальник тугов, или душителей Бенгалии!
Да, я – Берар!

Выслушав эту странную, таинственную исповедь, Пенни-
лес не моргнул глазом. Он не сказал ни слова в осуждение
и ни одним жестом не выразил отвращения к этой мрачной
личности, которая внезапно выросла перед ним.

Он только ответил спокойным голосом:

– Ну, Берар, если ты убил мать, то спаси дитя!

Факир медленно отнял руки от груди и указал на курок
револьвера своим сухим и жестким, как корень дерева, паль-
цем.

– Я твой раб, моя жизнь принадлежит тебе: убей меня,
саиб!

– Ты отказываешься?

– Я не могу согласиться!

– Хорошо, Берар. Я не буду спорить ни о твоих поступках,
ни об их побудительных причинах. Ты меня спас, я этого ни-
когда не забуду... Но мы должны расстаться!

– Но, саиб, этого нельзя. Я должен отвести тебя в верное
место, под страхом бесчестия, что хуже смерти.

– Довольно, не прерывай меня! Я чужестранец, я фран-

цуз... Я принадлежу к великодушной нации, которая заступается за угнетенных, которая любила твоих братьев индусов, которая проливала свою кровь и тратила свое золото, чтоб отстоять их независимость... и чье имя чтится всеми, кто на этой земле рабства помнит о ней и думает о ней! Итак, факир, во имя моего отечества, которое всегда покровительствует слабым, я объявляю, что моя жизнь, жизнь моей жены и моих служителей сольются в одно с жизнью этих детей. Я их усыновляю, они будут мои. Я буду защищать их от всех врагов до того дня, когда передам их с рук на руки их отцу. А теперь иди и оставь нас одних! Я отказываюсь от твоих услуг и от услуг тех людей, которым ты повинешься. Оставь нас одних среди наших врагов. Я лучше умру, чем сделаю дурное дело. Что же касается Мэри, то я пойду умолять о милосердии жителей этой деревни, которые, может быть, окажутся добрее тебя!

При этих словах, сказанных с несравненным достоинством, факир проявил внезапное и сильное волнение. Его фанатизм смягчился. В глазах, похожих на глаза тигра, блеснуло доброе чувство. Он опустил голову и проговорил едва внятным голосом:

– Смерть поражает клятвопреступников! Так пусть же так будет и со мной! Я нарушу клятву и умру. Ты победил меня, саиб! Я приготовлю напиток, и молодая девушка будет спасена!

Глава VI

Факир сдерживает слово. – Болотная лихорадка. – Злокачественный припадок. – «Скорее, факир, скорее, она умирает!» – Напиток. – Благодарность. – Нарушение кровавой клятвы. – Мнение Мария о факире. – Развалины города. – Пагода. – Крепость. – Спасены!

Борьба между Пеннилесом и факиром велась, как заметили читатели, очень энергично с обеих сторон. Факир, увлеченный злобной ненавистью к англичанам, открыл свою ужасную тайну. Итак, этот факир, этот неизменный, преданный друг и спаситель наших путников, был Берар! Да, Берар, «душитель», начальник тугов, при имени которого дрожала вся провинция Бенгалия! Это был неумолимый исполнитель жестоких приговоров, произнесенных теми таинственными адептами, имя которых никому не было известно! Это был тот неуловимый, невероятно ловкий человек, на чей след никто не мог напасть и чья голова была оценена в пятьдесят тысяч рупий.

Впрочем, капитан, который никогда ничем не смущался, не смутился и от этого открытия. У него была только одна цель: спасти Мэри. Он нашел сведущего в этом деле человека. Его несколько не смущало то обстоятельство, что у этого человека было на совести много убийств, раз они были задуманы и исполнены без всякой корыстной цели, единственно

из фанатизма.

Когда Берар, побежденный красноречием капитана, наконец сдался и обещал свое содействие, успокоенный Пеннилес сказал ему:

– Благодарю тебя, факир, за данное обещание и надеюсь, что тебе не придется пострадать из-за доброго дела. Что же касается твоей тайны, то я ее сохраню и не открою. Никто из близких мне людей не узнает, что ты – Берар. А теперь поспеши остановить течение болезни!

Факир склонился и просто ответил:

– Я пойду искать растения, действие которых спасет молодую англичанку!

Так он и сделал и вернулся через два часа, неся на голове пук растений с листьями, цветами и корнями. Вероятно, он ходил за ними очень далеко, так как по его бронзовой коже градом струился пот и он, обыкновенно такой выносливый, казался совсем измученным. Уходя, он дал некоторые инструкции вожаку, и тот отправился в деревню за посудой, которую можно было бы поставить на огонь, и за ступкой, чтобы растолочь растения. Когда факир пришел, все было готово: перед домиком был разведен яркий огонь, и вожак подкладывал туда топливо.

Состояние Мэри тем временем значительно ухудшилось. По ее сухой, горячей коже, на которой появились белые пятна, по ее черному языку, по ее глазам, по судорожно вздрагивающим рукам было видно ухудшение в ходе болезни, ко-

торая в самом скором времени должна была унести несчастное дитя. Эта болезнь действительно ужасна; она главным образом свирепствует в низких, сырых и болотистых местностях и появляется по причине разложения остатков растений, которые или вовсе незаметно для глаза, или в виде легкого тумана носятся в воздухе; попадая в кровь, они оставляют там смертоносные зародыши болезни, отравляющие весь организм. Яд этот на одних не оказывает никакого действия, зато другим причиняет быструю смерть. В иных случаях он действует слабо, медленно, в других действие его бывает почти внезапно. Если лихорадка оказывается «злокачественной», то больной умирает через несколько часов. Дельта Ганга приобрела печальную известность тем, что представляет плодотворную почву для этой болезни, уносящей столько жертв. Стоит только подумать, что в Бенгалии из ста больных семьдесят пять бывают больны именно этой лихорадкой! Бедная Мэри, оказавшаяся более восприимчивой к этому бичу степей, чем ее спутники, получила злокачественную лихорадку, и притом внезапно, без всяких предвестников.

Сознавая свое бессилие, все стояли молча, затаив дыхание, и каждый думал: «Но ведь она умирает!»

Патрик упал на колени, схватил сестру за руку и шептал, трясясь от рыданий:

– Мэри, Мэри, умоляю тебя... скажи что-нибудь! Посмотри на меня! Отвечай мне!

Несчастное дитя хриплым голосом произносило слова без

смысла и связи, ничего не видело, ничего не слышало.

Пеннилес, весь покрытый холодным потом, стоял около факира, казавшегося ему теперь скорей служителем ада, чем спасителем бедной девочки, и все время твердил ему:

– Скорей, факир, скорей! Смерть приближается!

Факир поспешно растирал, разминал листья, цветы и корни и потом бросал их маленькими порциями в кипяток. Все это продолжалось десять минут... десять минут тягостного ожидания и смертной тоски. После этого факир взял маленькую серебряную чайную чашечку, одну из тех, которые были припасены им для дороги вместе с провизией, и наполнил ее настойкой, не успев даже процедить, ее. Затем он подал чашечку миссис Клавдии и сказал:

– Заставьте девочку выпить все это маленькими глотками!

Молодая женщина повиновалась и с помощью Патрика влила в рот умирающей несколько капель питья. С невообразимым терпением и ловкостью она продолжала это, несмотря на конвульсивные движения Мэри, несмотря на то, что челюсти больной невольно сжимались. Это продолжалось около получаса. Мэри выпила чашку, не пролив ни капли, благодаря ловкости миссис Клавдии. Факир безмолвно стоял и смотрел; ни один мускул не дрогнул на его неподвижном, как маска, бронзовом лице. Наконец, он глубоко вздохнул и сказал своим грубым голосом:

– Она благополучно выпила это питье... Значит, лекарство подействует... Сударыня, продолжайте давать его; те-

перь она покроеется обильным потом, после этого уснет и завтра будет здорова.

– Ах, благодарю, факир! – воскликнул Пеннилес, – благодарю за твой поступок, всю цену которого я глубоко понимаю и чувствую!

Только тут капитан заметил, что факир сильно побледнел, как бледнеют цветные люди: его щеки и губы сделались пепельно-серого цвета. Он отступил на несколько шагов и капитан услышал, как он прошептал:

– Только для вас я решился нарушить свою клятву, саиб! Дитя будет жить... но я погибну, как все те, которые нарушили клятву крови!

Его предсказания стали сбываться. После того, как Мэри выпила четвертую чашку таинственного лекарства, она вдруг покрылась обильным, невероятно обильным потом. Сразу после этого молодая девушка заснула крепким, тяжелым, как свинец, сном. На другое утро она проснулась разбитая, но с ясным сознанием, как и до болезни; страдания ее прекратились, и она улыбалась окружающим, которые почти обезумели от радости, видя ее здоровой. Миссис Клавдия наклонилась над ней, как ангел доброты и утешения.

– О, – сказала Мэри, с живостью сжимая ее руки, – я была очень близка к смерти, и вы спасли меня!

– Нет, дитя мое, я не хочу принимать незаслуженной благодарности... Вот тот, кто спас вас от смерти и чье имя мне даже неизвестно: это наш добрый факир.

Молодая девушка обернулась к факиру, ласково протянула ему руку и, устремив на него свои кроткие большие глаза, сказала:

– Друг, я обязана тебе жизнью: я этого никогда не забуду. Возьми мою руку в знак искренней дружбы и неизменной благодарности.

Но факир, широко раскрыв испуганные глаза, стал пятиться назад, как будто увидел свирепого тигра.

Не будучи в состоянии произнести ни слова, не чувствуя в себе больше прежней жажды мести, в ярости за свою уступку, но в то же время смягченный своим добрым поступком, фанатик убежал к слону Раме, который захватывал своим хоботом, сколько только мог, вкусных злаков, покрывавших землю, и с удовольствием ел их. Только Пеннилес, который читал теперь в этой мрачной душе, как в книге, понимал причины его волнения и бегства. Но Марий воскликнул:

– Он без сомнения хороший человек! Да только его что-то укусило: скорпион, тарантул или просто пара майских жуков!

Теперь опасность была устранена, и все начали нервно смеяться этому замечанию, что часто случается с людьми, только что стоявшими на краю гибели.

Они забыли об ужасных и многочисленных врагах, угрожающих им со всех сторон. Действительно, можно было считать просто чудом, что вчерашние враги не возобновили сво-

ей преступной попытки. Надо было скорей ехать, и факир молча делал все нужные приготовления. Рама, которого отвлекли от его обеда, ласково зарычал, когда Пеннилес погладил его по хоботу; он не отходил от своего друга все время, пока к нему ремнями подвязывали houdah, висевшую до тех пор на ветке дерева.

– Ну, дети мои, – весело воскликнул капитан, – в дорогу! Переход будет долгий и трудный, но он зато последний. Через 12 часов мы будем в безопасности!

Опять к спине добродушного Рама приставили маленькую лесенку – и вскоре беглецы оставили место отдыха, чтобы направиться к убежищу, предложенному благодарными пундитами. Мэри, закутанная и хорошо защищенная от солнца, сидела на лучшем месте, капитан и два моряка приготовили свои магазинные карабины, чтоб в случае надобности отбить нападение. К счастью, эта предосторожность оказалась излишней. Враг, который, очевидно, берег свои силы для более удобного случая, не появлялся. Против всякого ожидания, переход завершился вполне благополучно. Незадолго до захода солнца беглецы увидели возвышающуюся над равниной грандиозную массу зданий, но расстояние не позволило им рассмотреть их. В течение некоторого времени наши путники поднимались на гору, и нужна была вся неутомимая быстрота слона, чтоб выбраться на этот скалистый склон, вершины которого пешеход мог бы достигнуть не раньше, как через день трудной и утомительной ходь-

бы. Скоро путники очутились перед грандиозными развалинами, вид которых производил сильное впечатление. Это не были старые, обветшавшие, рассыпавшиеся развалины, это были прочные постройки, едва тронутые вековым разрушением; остовы дворцов, как будто поваленные титанами, с уцелевшими портиками, столбами колонн, сводами, даже куполами и минаретами, возвышавшимися над массой ярко-красных цветов, финиковых пальм и смоковниц. Это было место вечного упокоения огромного города, одного из тех чудес, которые некогда расцвели на индусской почве под влиянием мусульманской цивилизации и которые были безжалостно уничтожены завоевателями. Даже имя их теперь забыто! Остались одни только следы давнего разгрома, совершенного неизвестно откуда пришедшими людьми, не упоминающимися ни в каких исторических преданиях. Жителей тоже не осталось. Воздух здесь, правда, очень здоровый, но сухость климата и почвы удалила отсюда земледельцев, полям которых нужна влага и которые поэтому охотнее селятся в равнинах.

Из всех развалин уцелело только одно здание, пощажённое завоевателями Индии, непогодами и стихиями. Это огромное здание из розового гранита представляет собой наполовину монастырь, наполовину крепость; оно обнесено стенами, обведено рвом, в нем есть большие и маленькие башни; одним словом, это чудесный образчик средневековой индусской архитектуры.

Это – монастырь, или пагода, принадлежащая обществу браминов; до мятежа 1858 года она процветала, но теперь в ней живет только несколько сторожей. Все осталось в порядке, но как будто вымерло или по крайней мере спит. Это нечто вроде дворца Спящей Красавицы, куда никто не может попасть, кроме пундитов или посвященных, куда они совершают свои паломничества, или факиров, когда они отправляются в дальние страны, чтоб исполнять возложенные на них таинственные поручения. Впрочем, туда и невозможно проникнуть без формального приказания. Во-первых, потому что эта крепость принадлежит духовному обществу, а англичане очень уважают все, что принадлежит духовным обществам, и не касаются ни самих духовных властей, ни их доходов. Во-вторых, потому что единственный вход защищен рядом дверей, опускаемых решеток и подъемных мостов, которые не позволяют вторгнуться сюда насильно.

Как только наши путешественники подъехали к этой пагоде, укрепленной в таком же роде, как французские средневековые монастыри, им пришлось слезть и пойти по крытой аллее, слишком узкой для слона. Через сто шагов они очутились перед дверью, окованной железом, которая, казалось, составляла одно целое с массивной гранитной стеной. Факир сильно ударил камнем в дверь, которая зазвенела. Дверь приоткрылась, и в полумраке можно было разглядеть лицо, на котором, как уголья, горели глаза, подобные глазам хищного животного. Факир произнес несколько слов на тамиль-

ском языке, и тогда дверь бесшумно открылась настежь. За дверью был новый коридор, ведущий к полному воды рву, через который пришлось переходить по подъемному мосту. Факир дал несколько резких свистков, и они вызвали другого сторожа. Он тоже вступил с факиром в переговоры, и скоро мост был спущен с сильным звоном цепей. Беглецы, которых ободряли и интересовали эти многочисленные средства защиты, молча шли за своим провожатым, которому, казалось, были знакомы все закоулки крепости. За подъемным мостом была железная решетка с толстыми прутьями, и она тоже поднялась по слову факира.

Когда они миновали последний коридор, у всех невольно вырвалось восклицание изумления.

Перед ними на бесконечном пространстве раскинулся огромный монастырь, весь состоящий из галерей, проходящих по огромному саду, где росли самые чудесные деревья, цвели самые роскошные цветы. В этих галереях, украшенных нежными, изящными изваяниями, царил приятная прохлада; по низким лестницам с сотнями скульптурных украшений можно было спуститься в сад, куда безбоязненно спускались целые стаи птиц всех возможных пород. Здесь царил такое спокойствие, чувствовалась такая сила защиты, такой мир и безопасность, что восторженная душа могла забыть лихорадку быющей ключом жизни, чтоб вполне насладиться этим восхитительным отдыхом. На бронзовом лице факира появилось что-то вроде улыбки, и в глазах его блес-

нул луч чувства.

– Все это ваше, саиб! – сказал он, указывая жестом на огромное здание. – Вы будете жить здесь в полной безопасности все время, пока вам угодно будет оказывать нам эту честь. Власть самого вице-короля не простирается дальше порога священного дома! Избранные служители, скромные, верные и преданные, будут здесь заботиться о вас. Вы будете получать здесь вкусную пищу и найдете полный комфорт, которым так дорожат европейцы, а также и всевозможные развлечения, которые усладят вам жизнь. Я счастлив и горд, что исполнил возложенное на меня поручение и отвел в неприкосновенное убежище друга пундитов!

– А я, факир, – ответил капитан с несравненным достоинством, – благодарю тебя за твое самоотвержение. Ты честно исполнил свое дело, и я считаю тебя человеком верным, умным и сердечным. Благодарю тебя еще раз! И пусть все те, которым я и мои близкие обязаны своим спасением так же, как и тебе, тоже примут выражение моей благодарности.

Этот странный, фанатичный человек, орудие ужасных преступлений и самоотверженных действий, при этих словах упал на колени, схватил руку капитана, поцеловал ее с уважением и сказал:

– Они позволили мне остаться при тебе все время, пока ты будешь их гостем... Я останусь твоим рабом, саиб... а потому умру спокойно, когда их рука падет на меня за то, что я нарушил клятву крови. Но что мне до того?!

Потом он сделал беззаботный жест и прибавил:

– Позвольте мне теперь отвести вас в назначенные вам комнаты.

Группа последовала за ним по одному из монастырских коридоров, вымощенных мозаикой; потом все вошли в большой, многоэтажный павильон, окна которого выходили в сад, на цветы и деревья. Уже в передней можно было заметить убранство, роскошь которого превосходила всякое описание. Это была чисто восточная роскошь, с ее обивкой, мебелью, статуями, произведениями искусства, позолотой, со всем своим ослепительным великолепием. У каждого оказалась своя собственная комната, с ванной, библиотекой и курительной комнатой. Марий и Джонни, все еще одетые по-восточному, смотрели на себя в зеркала, отражавшие их с ног до головы, и остались очень довольны своей наружностью.

– Ведь это, кажется, монастырь, гм! – сказал провансалец своему товарищу. – В этом монастыре, верно, не скучно! *Tron de l'air de bagasse.* Здесь все прекрасно устроено!

– Well, well! Здесь почти так же хорошо, как в наших двадцатиэтажных домах, с телефоном, электричеством, паром, холодной водой, горячей водой и водой... сельтерской водой во всех этажах! – сказал холодным тоном невозмутимый янки.

– Это крепость, где мы можем защищаться от врагов! – прибавил Пеннилес.

– И где мы будем счастливы, любя друг друга от всей ду-

ши, не правда ли, милые дети? – закончила миссис Клавдия.

– Да, вы сделаете нас счастливыми! – сказала Мэри, обнимая молодую женщину с нежной почтительностью.

Глава VII

Мэри поправляется. – Бессонница, галлюцинации, кошмар. – Искусственный сон. – Внушение. – Послушание. – Физическая нечувствительность. – Выздоровление. – Все успокоилось. – Дети майора пишут своему отцу. – Отъезд вестника. – Ночью слышится какое-то ворчанье. – Собака. – Это Боб! – Умирающий индус.

Жизнь беглецов, теперь нашедших себе убежище, вошла в свою колею. Этот столь быстрый, можно даже сказать, внезапный переход имел для них невыразимую прелесть. Вообще трудно даже поверить, как душа и тело могут наслаждаться воздухом, если их сразу вырвать из пучины самых сильных ощущений.

Пеннилес и его товарищи ели, пили, купались, отдыхали после обеда, курили трубки с душистым табаком, прогуливались в тени высоких деревьев и лечили, как умели, искривление спины у слона, причиненное ему их шальным бегством. Миссис Клавдия занималась Мэри, которая все еще не совсем поправилась, и с бесконечной кротостью и деликатностью старалась успокоить нервное возбуждение, овладевшее ею с того момента, как мать ее погибла под кинжалом фанатика. Теперь, когда все волнения кончились, Мэри страдала во сне от страшных галлюцинаций. Удар был слишком силен и потряс всю нервную систему этого любящего и чув-

ствительного ребенка. Мэри спала вместе с графиней, которая никогда ее не покидала. Первые ночи были ужасны. Как только молодая девушка успевала заснуть, вдруг с ней делались судороги, конвульсии, она начинала говорить без конца, как будто видела перед собой ужасную сцену убийства.

– Мама, берегись! Там человек! Не трогай его! О Боже, ради Бога! Нет, нет, этого не надо! Он замахивается кинжалом! Кровь! Мама, мама! Она больше не слышит. Мама умерла!

Графиня брала ее к себе на руки, говорила с ней своим кротким голосом, старалась успокоить ее, отвлечь от этих ужасных видений. Тогда все мускулы Мэри напрягались и делались твердыми и неподвижными, как железо, потом она вскрикивала и впадала в состояние, похожее на каталепсию, в котором и оставалась в течение долгих часов. Миссис Клавдия, сильно обеспокоенная, не имевшая под рукой самых элементарных средств, не знала, что делать. Она призналась в своем затруднительном положении мужу, которому пришла мысль поговорить обо всем этом с факиром. Индус, которого целыми часами не было видно и который охотно скрывался от глаз людских, быстро появился на зов капитана.

– Друг, – сказал капитан без предисловий, – я верю в твоё знание и твою преданность. Позволь мне обратиться и к тому, и к другому.

– Ты – мой господин, приказывай!

– Дело идет о молодой девушке, которую ты спас по моей

просьбе от лихорадки джунглей. Ее сон смущается ужасными видениями... она страдает... здоровье изменяет ей. Можешь ты ее вылечить?

– Это легко.

– Когда ты можешь это сделать?

– Сейчас, если ты так желаешь.

– Так идем сейчас к ней!

По дороге капитан сообщил факиру более подробные сведения, чтоб он мог прямо приступить к лечению. При его неожиданном появлении Мэри почувствовала что-то вроде страха, даже ужаса, но овладела собой и подавила это ощущение, в котором себя упрекала. Факир почтительно поклонился, не говоря ни слова, и, внезапно встав с места, устремил пристальный взгляд на молодую девушку. Она пыталась опустить глаза, скрыться от этого взгляда, который давил ее, уничтожал, приводил в оцепенение. Это продолжалось не более нескольких секунд, а потом зрачки Мэри стали перебегать с одного предмета на другой, веки стали неподвижными, все ее тело задрожало, затрепетало, ее как будто приковали к месту.

– Вы спите, не правда ли? – сказал ей факир.

– Сплю! – ответила Мэри без колебаний, голосом изменившимся, почти беззвучным, доносящимся как будто изда- лека.

– Если вы спите, будете меня слушаться?

– Да... я буду вас слушаться!

– Хорошо! Приказываю вам заснуть сегодня вечером в девять часов самым спокойным сном. Этот сон будет продолжаться до солнечного восхода. Только тогда вы проснетесь, тихо, спокойно, при звуках приятного пения бульбуля. Я хочу, требую, чтоб сон ваш был спокоен, без видений, без галлюцинаций... Слышите ли, я хочу!

При таком решительном и энергичном выражении непреклонной воли Мэри слегка задрожала. Потом она тихо наклонила голову и ответила странным, выходящим изнутри голосом загипнотизированных:

– Да! Я слушаюсь.

– То же будет продолжаться и завтра... и послезавтра... Всегда!..

– Да, всегда!

– Вы проснетесь сейчас, как только велит вам супруга саиба. Но тогда вы забудете обо всем, о чем мы с вами говорили. Вы не будете помнить даже и того, что я вас усыпил! Я так хочу!

Миссис Клавдия и ее муж смотрели с удивлением, но также и скептически на эту странную сцену.

– Вы думаете, мой добрый факир, – спросила молодая женщина, – что выражение вашей воли, помимо всякого другого средства, исцелит мою маленькую приятельницу?

– Клянусь вам в этом! Вы увидите сегодня вечером, – продолжал факир, – как спокойно она уснет по одному моему приказанию.

– И другого лечения не понадобится?

– Нет!

– Но если впоследствии, когда мы расстанемся с вами, припадки возобновятся?..

– Тогда вам достаточно будет усыпить молодую девушку и приказать ей опять спать спокойно... твердо внушить ей эту мысль... она послушается и вас, как меня.

– Сумею ли я усыпить ее? Я сомневаюсь в этом. Да и спит ли она в самом деле?

Факир улыбнулся и взял длинную крепкую золотую булавку с изумрудной головкой, которою графиня прикалывала свою шляпу к волосам. Прежде чем молодая женщина и ее муж успели сообразить, что именно он собирается делать, он осторожно пронзил руку Мэри этой булавкой, – и девушка не пошевелилась. Повторив укол несколько раз в других местах, факир прибавил:

– Теперь вы верите, что она действительно спит?

– Это удивительно! – воскликнула графиня, видя, что Мэри совершенно нечувствительна к уколу.

– Для нас это самая обыкновенная вещь!

– Только разбудите ее поскорей, прошу вас... Этот странный сон поражает и даже пугает меня.

– Этот сон не только не вреден, но даже очень полезен ей... Что же касается того, когда ее разбудить, то лучше разбудите ее сами, когда я уйду. Не говорите ей ничего, не делайте никакого намека на то, что произошло, и она сама ско-

ро забудет обо всем.

Он собирался было уйти, но потом, вспомнив что-то, сказал Мэри своим повелительным тоном, выражающим вполне непреклонную волю:

– Когда графиня прикажет вам заснуть, вы немедленно заснете... я так хочу! И вы будете слушаться ее, как меня; но только ее одну! Вы должны противиться всякому постороннему внушению. Я так хочу!

– Я повинуюсь! – тихо сказала Мэри.

При этих словах факир скромно удалился, оставив в комнате капитана, графиню и молодую девушку. Оба супруга некоторое время смотрели на нее с нежным любопытством, удивляясь, что она смотрит открытыми глазами, но не видит их. Наконец, графиня прошептала голосом, тихим, как дыхание, едва выговаривая слова:

– Милая Мэри, проснитесь!

Пеннилес скорей угадал это, чем услышал.

Тотчас же веки Мэри задрожали, ее глаза, мутные, без взгляда, оживились, стали выразительными, и молодая девушка как-то вдруг, без всякого перехода, очутилась в прежнем своем бодром состоянии.

Эта перемена была внезапна, как мысль. Как приказал факир, молодая девушка ничего не помнила, не помнила даже того, что она спала. Единственное, что она помнила, так это то, что факир появлялся в комнате, где она находилась вместе с обоими супругами. С ней, конечно, ни о чем не го-

ворили, и день прошел без особенных событий. Можно себе представить, с каким нетерпением миссис Клавдия ожидала исполнения обещаний факира. За несколько минут до девяти часов Мэри обнаружила непреодолимое желание заснуть. Против обыкновения, она не чувствовала смутного ужаса при приближении ночи, обыкновенно вызывавшей в ней столько мрачных видений. Она была спокойна и не обнаруживала никакого волнения, какое прежде бывало у нее перед ночным кошмаром.

Когда пробило девять часов, она уснула сном младенца. Графиня, наблюдавшая за ней, не верила своим глазам. Этот мирный сон не нарушался ни шумом шагов молодой женщины, ходившей взад и вперед по комнате, ни стуком дверей, которые открывались и закрывались. Перед восходом солнца, в те минуты, когда обыкновенно чуть начинает брезжить свет, молодая девушка зашевелилась, как будто начиная просыпаться. Два хохлатых бульбуля, приютившиеся в густой листве одного растения, сыпали свои трели, чудно звучащие в тишине прозрачной, уже розовевшей ночи. Мэри, казалось, полусознательно слушала их сквозь сон и тихо улыбалась. Когда первый солнечный луч начал золотить верхушку возвышающегося над деревьями минарета, молодая девушка вздохнула, открыла глаза и проснулась, сияя радостью. Она увидела миссис Клавдию, которая подошла к постели в ожидании ее пробуждения.

– Ну, Мэри? – спросила она нежно, коснувшись губами

ее лба.

– О, какой чудный сон! Какая прелестная ночь! – ответила Мэри. – Я себя больше не узнаю! Если б всегда так было!

– Да, дитя мое, это всегда так будет, я могу вас в этом уверить. А теперь, если хотите, встаньте и отдохните на свободе или, еще лучше, воспользуйтесь утренними часами, чтоб осуществить наш проект.

Проект заключался в том, что дети должны были написать майору Ленноксу о последних горестных событиях. Детям до сих пор не было никакой возможности написать отцу, который со своим полком стоял на англоафганской границе. С другой стороны, Мэри, страдая нервным возбуждением, усилившимся после лихорадки джунглей, не могла вспомнить об ужасных событиях, не подвергаясь сильному нервному припадку. В этот день ее горе перестало быть таким жгучим, она чувствовала себя гораздо спокойнее и достаточно набралась сил, чтоб вместе с братом приняться за письмо.

Оставшись вдвоем, дети долго изливали свою душу, описали свое бедственное положение, рассказали, что непременно погибли бы, если б граф Солиньяк, его жена и спутники не подали бы им своевременной помощи. Они пролили много слез, описывая эти за душу хватающие подробности. Наконец письмо было окончено, и Патрик, по совету капитана, приписал:

«Мы, конечно, все рассказали графу Солиньяку и сообщили ему о вашем письме, в котором говорилось о

деньгах нашего деда. Мы отлично помним, Мэри и я, что наша милая мама заперла ваше письмо и план в несгораемый ящик в вашей комнате. Эта подробность, как говорит граф Солиньяк, имеет важное значение для будущего, так как нужно надеяться, что эти драгоценные документы и теперь еще лежат в несгораемом ящике и, вероятно, вместе с ним завалены обломками дома. Наш благодетель думает, что нам надо как можно скорее приняться за розыски этого ящика и спрятать в верном месте бумаги, которые нам обеспечивают огромное состояние».

Теперь оставалось найти верного человека, который взялся бы доставить письмо в ближайшую почтовую контору. Факир предложил поручить это вожаку умершего слона Шиндиа. Это был умный, развязный, хитрый бенгалец, обладавший большой физической силой, выносливостью и притом испытанной честности; факир отвечал за него, как за самого себя. Ему поручили письмо, приказав отнести его в Шерготти, местечко, находившееся недалеко от большого города Гайа. В этом случае письмо могло пройти даже без контроля, так как английское правительство разрешало свободную корреспонденцию своим войскам.

Вожак, хорошо вооруженный, тронулся в путь на следующее утро, обещав поторопиться и выполнить поручение. Его отсутствие должно было продолжаться десять дней.

Только после этого бедные дети Патрик и Мэри почувствовали некоторое успокоение при мысли, что их отец ско-

ро получит от них известие. Эта нить, которою они так дорожили и которая связывала их с любимым отцом, наконец, опять завязалась! Теперь им оставалось только выждать благоприятную минуту, чтоб присоединиться к действующему корпусу или, по крайней мере, достигнуть Пешавара, главной квартиры, от которой шотландский полк Гордона, вероятно, был недалеко.

Неделя прошла среди глубокой тишины, которую не смущал никакой шум.

К Мэри вернулся ее спокойный детский сон. Итак, ее выздоровление было полное. Миссис Клавдии, Пеннилесу, Марию и Джонни, привыкшим к большим путешествиям по белу свету, начинало становиться слишком тесно в гостеприимной пагоде, и они смутно вздыхали по новым приключениям. Но факир, все еще боявшийся нападений извне, не мог решиться выпустить их из монастыря. Он выслал на разведку доверенных людей и ждал их возвращения, чтоб прийти к какому-нибудь окончательному решению. Тут-то случилось одно незначительное событие, повлекшее за собой роковые и неожиданные последствия.

Это случилось во время грозы, разбудившей всех обитателей пагоды, кроме одной Мэри, которая все еще находилась под влиянием внушения. Всем чудилось, что они слышали отдаленный лай собаки, несмотря на толстые стены, раскаты грома и порывы ветра. Трудно было ошибиться и смешать его с характерным воем шакала или гиены. Это наверное бы-

ла собака. Патрик даже высказал предположение:

– Я готов думать... что это голос моего бедного Боба, которого я не видел после железнодорожной катастрофы.

Всю ночь мальчика не покидала мысль:

– Это, наверно, Боб!

Он сообщил на заре свои предположения капитану, который тоже слышал лай. Они оба тотчас же отправились на поиски факира, и Пеннилес прибавил:

– Если это в самом деле ваш Боб, мы окажем ему прием, достойный его ума и привязанности.

Они скоро встретили факира и втроем направились к воротам. Сторожа подняли решетку и спустили подъемный мост. Потом все подошли к железной двери, вделанной в гранитную скалу.

Факир все еще с недоверием открыл замок, продетый в железное кольцо, и сказал Патрику:

– Пусть молодой саиб посмотрит сам!

Патрик стал глядеть в отверстие. У него вырвался радостный крик, когда он узнал лежавшую у дверей умиравшую собаку, которая вскочила при звуке голоса индуса. Рядом с собакой лежал на спине человек, туземец, тоже умирающий.

– Боб! – воскликнул Патрик. – Боб! Моя милая собачка... это ты!

При звуке любимого голоса доброе животное встало на задние лапы около двери и залаяло хриплым, разбитым голосом.

За лаем животного послышались стоны лежавшего на земле человека. Это был умирающий индус, один из тех ужасных скелетов, которых Патрик и Мэри видели на Поле Бедствий.

Патрик воскликнул, проникнувшись горестным сожалением:

– Вероятно, это один из тех несчастных, которые ехали с нами и которые спаслись от крушения.

Пока железная дверь медленно, как бы неохотно, отворялась, мальчик произнес:

– Боб отыскал нас по нашим следам, а этот человек пришел за Бобом.

Когда дверь отворилась, собака бросилась к своему хозяину и, собрав последние силы, скакала и ласкалась. Мальчик взял Боба на руки, прижимал его к груди.

Как только собака вбежала в крепость, факир немедленно запер дверь, нимало не беспокоясь о человеке. Тот опять застонал. Факир пожал плечами и заворчал:

– Пагода – не английский госпиталь! Это – священное место, куда нельзя пускать первого встречного...

– Но он умирает! – воскликнул Пеннилес, чья благородная душа возмутилась подобною жестокостью.

– Это его дело!

– Однако, факир, нельзя же оставить несчастного так умирать перед нашими глазами. Надо о нем позаботиться...

– Ты – мой саиб, приказывай... Я – только твой слуга.

– Ну, так я тебе приказываю внести его в пагоду, дать ему есть, перевязать его раны, одним словом, сделать все, что требует его положение и гуманность.

– Хорошо, саиб, я послушаюсь тебя немедленно, но только как бы тебе не раскаяться в твоём добром деле!

Капитан схватил умирающего под мышки, а факир по его приказанию, хотя с видимым отвращением, взял его за ноги. Оба они отнесли его в пагоду, а Патрик, восхищенный, что нашел свою собачку, замыкал шествие.

Глава VIII

Усердный уход. – Возвращение к жизни человека и собаки. – Умиление. – Каким образом был найден след. – Бесконечная благодарность. – Заклинатель птиц. – Ненависть факира. – Бдительность факира, оставшаяся бесполезной. – Первый раз в жизни начальник тугов не попадает в цель. – Бегство ночью по коридорам. – Таинственная комната.

Человек, спасенный нашими друзьями, страдал от голода еще больше, чем собака. Пеннилес, который никогда не видел голодающих в Индии, не мог себе представить, как можно иметь такой истощенный вид и не умереть. Такое физическое истощение казалось ему совершенно несовместимым с жизнью. Он пожелал сам ухаживать за несчастным, назначить ему первые порции, заставить его есть понемногу, маленькими дозами. Индуса перенесли в кухню. Для первого раза там было приготовлено несколько мисок вареного риса. Сперва Пеннилес заставил несчастного проглотить, с небольшими промежутками, несколько ложек рисовой воды. Через час он позволил ему съесть немного рису. Первые ложки провалились будто в бездонную бочку! Однако умирающий начал оживать. Его глаза стали выразительнее. Он останавливал их с выражением бесконечной благодарности на капитане, трудившемся над его оживлением, и шептал

слабым, как дыхание, шепотом:

– Благодарю!.. Саиб!.. Еще!.. Еще!..

Эти мольбы голодного так хватали за душу, что Пеннилес был тронут до глубины души.

Тем временем Патрик занялся своей собакой и преподнес ей порцию вареной баранины, которой хватило бы на трех человек. Боб бросился на нее, и через пять минут все было съедено. Собака, прежде тощая и плоская, как доска, теперь вдруг, на глазах у всех, сделалась круглой, как клубочек. Чинно усевшись, она с удовольствием облизывалась и поглядывала на пустую тарелку.

Патрик остановил ее дальнейшие просьбы словами и ласками.

– Ну, довольно, Боб! Надо пойти к твоей хозяйке Мэри, которая будет рада тебя видеть. Мэри! Слышишь, что я говорю! Мэри!

При имени молодой девушки Боб попробовал подскочить, но тяжело опрокинулся, так как ослабел от голода и отяжелел от неумеренного угощения.

Патрик засмеялся.

– Ну, Боб, мой мальчик, смелее! Идем же, Боб, идем!

Боб залаял, но наконец встал и поплелся за своим хозяином. Но прежде чем выйти из кухни, он приласкался к умирающему индусу.

Несчастный голодный протянул свою худую руку, тихонько погладил своими костлявыми пальцами голову собаки и

прошептал:

– Она нашла... своего хозяина... счастливая, добрая собачка!.. А я не могу... даже... быть чьей-нибудь собакой!

Пеннилес увидел слезы на его глазах и, тронутый этим, сказал ему:

– Не беспокойтесь о будущем. Вас не оставят!

Утомленный этим усилием, индус откинулся на рогожу и впал в какое-то забытье. Капитан велел перенести его в довольно большую и уютно меблированную комнату, предварительно запретив давать ему какую бы то ни было пищу. Он брал исключительно на себя заботу об осторожном кормлении бедного индуса.

На другой день больной чувствовал себя несравненно лучше. Патрик пришел навестить его вместе со своей сестрой и Бобом. При взгляде на прекрасных детей на пергаментном лице, на губах появилась какая-то нежная гримаса, вроде ласковой и приветливой улыбки. Нетвердым голосом он выразил им свое уважение и радость по поводу свидания с ними. Боб подбежал поласкаться к нему. Человек в отрывочных словах рассказал детям, что все остальные его спутники погибли во время железнодорожной катастрофы и что его извлекли из-под обломков люди, подъехавшие на другом поезде спасать погибающих.

– Так значит, – сказал Патрик, – вы один из тех, которые были в саду коттеджа... и которые сели в наш вагон у Поля Бедствия?

– Можете ли вы в этом сомневаться, мой молодой господин?

– Конечно, нет! Но не странно ли, что мы с вами встречаемся в третий раз?

– Но зато как это хорошо! И как для меня неожиданно! Вот как мне удалось... добраться сюда... Ваша собака... умирала под обломками... я дал ей пить... она пошла за мной и искала вас всюду... на месте катастрофы... Она лаяла... бродила туда и сюда... бегала, как сумасшедшая... наконец, мне показалось, что она нашла след... который потом соединился со следами слона... Да, это правда!.. Собака пошла по следам слона, я пошел за ней... не зная, что делать... я спал с ней на земле... ел почки, коренья... больше ничего! Мы пришли сюда без сил... умирая от истощения, от усталости... от голода!

Эта история была весьма правдоподобна, а привязанность Боба к индусу вполне подтверждала ее.

С другой стороны, Патрик и Мэри не могли с достоверностью признать его за своего знакомца по той простой причине, что все эти голодающие, достигшие последней степени истощения, до того похожи друг на друга, что невозможно их различить! Взгляните только на фотографии этих умирающих, изображенных многочисленными группами в английских иллюстрированных журналах. Это живые скелеты, на которых висит черная, жесткая кожа; они до того похожи друг на друга чертами лица и выражением, что можно стран-

ным образом смешивать лица одного пола и возраста.

Как бы там ни было, этот индус знал детей майора, знал их собаку, знал разные подробности, из которых было видно, что он встречался с ними и раньше; кроме того, он был очень несчастен, чем мог лучше всего заслужить расположение этих людей, по природе добрых. Они тем больше к нему привязывались, чем больше оказывали ему благодарностей. Один только факир при каждом удобном случае подчеркивал нерасположение к нему.

По правде сказать, индус не оказался неблагодарным. По мере того, как к нему возвращались силы и здоровье, благодаря изобильной и разнообразной пище, он стал выказывать своим благодетелям истинно трогательную привязанность, столь редкую у восточных людей. Эта благодарность, которая все возрастала, выражалась в разных знаках внимания, обнаруживавших деликатность, которой трудно было ожидать от такого несчастного существа. Теперь он уже весело бродил по пагоде, заглядывая в каждый уголок, интересуясь всем, стараясь быть полезным, выдумывая разные забавы, которые все более и более заставляли окружающих к нему привязываться. Миссис Клавдия и Мэри очень любили цветы. Он угадал это и приносил им каждый день самые роскошные букеты из запущенного, одичавшего сада пагоды. Патрик, со своей стороны, очень любил птиц. Индус, который был отличным закликателем, обладал странной способностью привлекать к себе самых диких из них, даже таких, которые не

выносили человеческого прикосновения. При помощи простого листа с дырочкой, который он подносил к своим губам, он производил странную, действующую на нервы музыку, непреодолимо привлекавшую птиц. Они садились к нему на голову, на плечи, прилетали к Патрику и, наконец, начали садиться на его протянутый палец! Мальчик, дрожа от радости и волнения, мог рассматривать вблизи все эти чудеса природы, этих прелестных созданий с нежными формами, с цветами радуги и драгоценных камней. Патрик и индус сильно подружились и составили вместе с Бобом семью неразлучных друзей.

Одним словом, этот бедняга за каких-нибудь две недели приобрел общую любовь, за исключением одного факира, чье недоверие, как было уже сказано, превратилось в ненависть. Эта чисто инстинктивная ненависть возросла до такой степени, что факир попробовал освободиться от этого хитрого выскочки. Он принялся караулить его со стойкостью и упорством хищного животного, надеясь поймать его на шпионстве или на общении с внешним миром. Напрасные усилия! Этот человек все время оставался усердным, преданным, скромным слугой, которого никак нельзя было уличить в двоедушии. До этого, впрочем, мало было дела фанатику, для которого человеческая жизнь, при известных условиях, считалась за ничто.

Однажды, когда факир застал его бродившим по бесконечным коридорам огромного здания, он почувствовал в се-

бе непреодолимое желание убить его. Тот шел все дальше и дальше по переходам теперь ему знакомого лабиринта. Он оставил за собой комнаты, где жили беглецы, и проходил по той части здания, которая уже много лет стояла совершенно пустою. Факир босиком тихо и беззвучно следовал за ним во мраке, в котором могли различить что-нибудь только его глаза. Он развернул страшный шелковый платок душителей и держал его обеими руками за концы. Прыжком тигра он кинулся на беспечно идущего человека, не чувствовавшего погони. С быстротой мысли он накинул ему на шею тонкую материю и быстро затянул ее. Но вместо короткого, отрывистого хрипения, издаваемого захваченной врасплох жертвой, он услышал во мраке раскаты иронического смеха, который бил его будто ударами бича. В первый раз в жизни начальник бенгальских тугов, ужасный виртуоз своего дела, душитель Берар – промахнулся! Дрожь пробежала по его бронзовой коже, из пор выступил холодный пот. Здесь, вероятно, крылось волшебство, сверхъестественная и сверхнатуральная сила. Однако человек продолжал скользить дальше во мраке. Берар с проклятьями бросился за ним. Оттого ли, что тот был менее ловок, или он поддавался врагу, но Берару удалось его нагнать. Оставалось схватить его и опрокинуть в темноте. Берар заскрежетал зубами и кинулся вперед, думая, что он уже держит врага. Тут бесшумно открылась боковая дверь. Беглец, очертя голову, кинулся в это отверстие. Берар смело последовал за ним, расставив руки, чтоб не дать ему

возможности вернуться назад. Они очутились в большом зале со сводом, слабо освещенном лучами молодого месяца, который смотрел в крестообразное окошко. Здесь не было другого выхода, кроме того, в который они вошли, по крайней мере Берар другого не знал. Беглец плотно прижался к панели из кедрового дерева, как будто отказавшись от дальнейших попыток к бегству. Берар, со скрученным шелковым платком, собирался возобновить свою попытку, но это ему не удалось. Панель, приведенная в движение какими-то невидимыми пружинами, подалась, повернулась и открыла углубление, в котором человек исчез. Панель моментально закрылась и приняла прежний вид перед носом разочарованного Берара, услышавшего еще раз более иронический, более презрительный смех. Охваченный бессильной яростью, начальник тугов кинулся на панель, которая стояла неподвижно, как каменная стена, под его напором и ударами.

Глава IX

Берар побежден. – Подземная темница. – Каменная лестница. – Потайной вход. – Заговорщики овладевают священной пагодой. – Сопротивление оказывается невозможным. – Пленники. – Хитрость, к которой прибегают, чтоб завлечь в ловушку миссис Клавдию. – Ярость Биканеля. – Несколько горьких истин. – Среди развалин. – Собака и слон. – Ужасная угроза.

Прошло несколько минут, и Берар, которым начал овладевать смутный ужас, услышал над своей головой тот же резкий, свирепый, иронический смех, напоминавший отвратительный визг гиены.

Он немного отступил назад и увидел в нескольких метрах от пола на возвышении преследуемого им беглеца. Находясь в этом недоступном убежище, тот мог сколько угодно насмеяться над бессильным факиром. Сладкий, тихий, мягкий голос этого истощенного, умирающего человека теперь загремел, как гром.

– Неправда ли, Берар, – с насмешкой сказал он, – я сыграл с тобой хорошую шутку?

– Откуда ты знаешь мое имя, несчастный? Я сумею заставить тебя замолчать!

– Молчи, глупец, давший обмануть себя, как ребенка, заодно с этими глупыми чужестранцами, которые подобрали

меня, дали приют, накормили и спасли от смерти!

– Я это давно предчувствовал!

– Да, чтоб переступить порог священной пагоды, я принял решение и имел мужество довести себя почти до голодной смерти. Да, у меня хватило энергии на то, чтоб разыграть роль одного из умирающих на Поле Бедствия. Я был на месте железнодорожной катастрофы... я многое узнал от умиравших индусов, спутников детей майора... я без труда приручил собаку Боба, потому что заклинатель птиц и змей сумеет заставить и собаку полюбить себя... Потом я притащился сюда в агонии, в неузнаваемом виде, и опустился, как мешок, у дверей пагоды, которую я знаю лучше, чем ты.

– Кто же ты такой? – пробормотал потрясенный Берар.

– Я согласен ответить тебе на это, ничтожный раб пундитов... слепой исполнитель приказаний, внушенных ненавистью браминов... дважды рожденных... дважды презренных и проклятых...

– Берегись! Ты поносишь святых!..

– Злые, жестокие, горделивые безумцы, о которых я забочусь не больше, чем о трупе свиньи! Лицемеры и интриганы, чьи тайны и убежища мне давно хорошо известны, и которых я буду постоянно преследовать!

– Спрашиваю тебя еще раз, кто ты?

– Я – тот, кто посоветовал англичанам осквернить тело Нариндры... Я – брамин, лишенный своего сана... я – индус, отрекшийся от своей веры... я – живое воплощение ненави-

сти к кастам... и заклятый враг тех, кому ты служишь. Я – Биканель!

При этих ужасных словах злодея, который в дерзкой речи разоблачил свое инкогнито, Берар моментально овладел собой. Он подумал, что присутствие Биканеля в пагоде представляло для беглецов ужасную опасность. Он хотел бежать, чтоб предупредить капитана и его слуг, направился к двери и закричал от ярости, увидев, что она заперта. Биканель крикнул ему в прежнем отвратительном насмешливом тоне:

– Ну, мой бедный Берар, ты совсем дурак. Как, неужели ты незнаком с тайнами этого старого здания? Ну, так я сообщу тебе, что эта дверь находится в полной зависимости от потайного входа, в который я только что забрался. Эта дверь может открыться только тогда, когда я захочу... а так как я не хочу ее открывать, то ты умрешь здесь от голода и жажды! До свидания, Берар, или, лучше сказать, прощай!

При этих словах злодей спустился по маленькой потайной лестнице, проделанной в стене.

Трудно представить себе, сколько в этих старых пагодах, устроенных вроде средневековых крепостей, всяких ходов, переходов, лестниц, подземных темниц, двойных дверей, потайных ходов! Так как темнота была полная, то Биканель зажег маленькую лампочку, которую он оставил там заблаговременно, предвидя последующие события. Потом он продолжал медленно и осторожно спускаться по этой лестнице, по сторонам которой зияли отверстия, темные, как концы

водосточных труб. Таким образом он спустился до фундамента пагоды, сложенного из гранитных плит, скрепленных железными прутьями, спаянными свинцом. Все вместе представляло собой такую плотную массу, которую даже пушка не могла бы разбить. Он очутился в подземной комнатке, вероятно, тюремном помещении, без другого видимого выхода, кроме маленькой каменной лестницы.

Здесь экс-брамин огляделся, отсчитал восемь шагов, повернул направо, отсчитал три шага и остановился, ощупывая своей босой ногой слой мелкого песка, покрывшего пол. Нога его наткнулась на какой-то полукруглый предмет. Он нагнулся, осветил этот предмет лампой и увидел крепкое железное кольцо.

– Это я и искал, – сказал он, – память мне не изменила. Однако прошло десять лет с тех пор, как я, в качестве брамина, гостил некоторое время в святой пагоде!

Он поставил лампу на пол, схватил железное кольцо обеими руками и стал дергать его изо всех сил, упираясь ногами. Послышалось глухое и медленное рокотанье, будто гранит падал на гранит, потом, странное дело, одна часть тяжелого пола опустилась, а другая приподнялась, став вдоль внутренней стены. Вероятно, это был очень искусно устроенный рычаг, если относительно малое усилие могло привести в движение несколько каменных плит. Опустившаяся плита открыла сводообразное отверстие, сделанное в самом фундаменте; оно было так хорошо скрыто, что глаз никак не

мог различить его. Агент тайной полиции быстро бросился туда и, сделав несколько шагов, очутился между огромными камнями, за которые цеплялись корнями крошечные, но густые и колючие кустики.

Над его головой блестели звезды; молодой месяц исчез за огромными смоковницами, окружавшими крепость. Итак, он был теперь на свежем воздухе. Он издал свист, напоминающий свист змеи, потом сел на камень и ждал. Через несколько минут под деревьями раздался такой же свист, потом послышался шорох веток и листьев. Он ответил резким хрипением, которым выражает свой гнев найя (паја), ужасная змея, укус которой причиняет смерть. Тотчас же появилось десятка два человек, которые вынырнули из чащи в разных местах и окружили его.

– Все готово? – спросил какой-то гигант, одетый по-индусски, с лицом, скрытым под черной маской.

– Да, милорд, все готово! Вам остается только идти за мною в пагоду, потайной вход перед вами открыт!

– Well! Я к вашим услугам!

– Так следуйте за мной!

– God-by! Вы не особенно торопились! Я жду вас вот уже сколько времени! Не примите только это за упрек!

– Терпение – это восточная добродетель, неизвестная западным людям, но составляющая нашу главную силу!

При этих словах агент английской полиции двинулся вперед по таинственной дороге, по которой он только что шел.

Все остальные гуськом последовали за ним; они вместе вошли в подземное помещение и стали подниматься по лестнице; тут закрылся потайной вход. Биканель шел впереди, высоко держа зажженную лампу, чтоб освещать путь и уберечь всех от неосторожного шага. Все шли босиком, не производя ни малейшего шума, с кинжалами в правой руке. Агент углубился в один из боковых коридоров, выходящих на лестницу, чтоб миновать комнату, в которой был заключен, вероятно, до самой смерти, бедный факир. Скоро они дошли до отдаленного павильона, где находились комнаты беглецов. Те спокойно спали, чувствуя себя в полной безопасности. Агент поставил у выходов часовых, отдав им приказание немедленно убивать всякого, кто попытается спастись бегством, кроме женщин. Отдав это жестокое приказание, он вошел в комнату, где на кровати с пологом спал капитан Пеннилес. Быстрые шаги ночного посетителя разбудили его. Он увидел при свете ночника его неясный силуэт и спросил:

– Это ты, факир? Что случилось?

Ничего не отвечая, злодей схватил набитую перьями подушку, бросился, как тигр, на капитана и закрыл ему рот, так что тот не мог произнести ни звука. Затем полдюжины нахолов кинулись на Пеннилеса, который, задыхаясь, не мог защищаться. Его связали, лишив малейшей возможности пошевеливаться. Это ужасное насилие совершилось без малейшего шума, так тихо, что миссис Клавдия, которая спала в соседней комнате вместе с Мэри, не проснулась. Теперь

оставалось связать Джонни и Мария, которые спали в том же флигеле. Несмотря на огромную силу этих двух молодцов, борьба продолжалась недолго. Схваченные во время сна, полузадушенные, они были вынуждены покориться, так же как и их командир.

Теперь оставалось захватить миссис Клавдию и Мэри, которые все еще спали, а также Патрика, спавшего в комнате, смежной с этими двумя помещениями. Они начали с последнего. Боб, невольный заговорщик, вместо того чтоб забить тревогу, стал вилять хвостом, когда его друг индус появился в комнате. Патрик, полупроснувшись, улыбнулся и спросил вошедшего, что ему нужно.

Тот подошел, также улыбаясь, и вдруг схватил его за горло и связал в одну минуту. Что же касается миссис Клавдии, то Денежный Король формально запретил над ней какое бы то ни было насилие. Итак, приходилось действовать хитростью. Презренный английский агент смело постучал в дверь, повторив это несколько раз. На вопросы кто там и что нужно он ответил, чрезвычайно хорошо подражая голосу факира:

– Саиб просит графиню одеться и прийти встретить его на большом северном дворе!

– Не знаете ли, зачем это? – спросила заинтригованная молодая женщина.

– Чтоб устроить большую рыбную ловлю в пруду при свете факелов. Для этого делаются особенные приготовления, и саиб просит графиню поспешить...

Ничего не подозревая, молодая женщина поспешно оделась, разбудила Мэри, объявила ей, что они собираются на природу, и даже помогла ей одеться, чтоб не было задержки. Счастливые при мысли о предстоявшем им неожиданном удовольствии, о прогулке в чудные свежие часы ночи, они быстро вышли, ожидая встретить факира, который должен был проводить их до пруда, но очутились в коридоре лицом к лицу с тем индусом, который их заботами был спасен от смерти и чей необычный вид внушил им смутный страх.

Сзади него стояли с факелами десятка два незнакомых им людей, хорошо вооруженных и с мрачным видом.

Графиня Солиньяк, предчувствуя ловушку, громко воскликнула:

– Джордж, мой друг! Скорей... скорей... здесь измена!

Миссис Клавдия хотела сейчас же броситься в свою комнату, чтоб взять оружие. Но Биканель предупредил ее, быстро заслонив дверь, и сказал высокомерным тоном:

– Сударыня, звать на помощь бесполезно! Капитан Пеннилес, арестованный моими людьми, не может вам отвечать. Надо повиноваться добровольно, иначе мне придется прибегнуть к силе!

– Повиноваться туземцу, индусу!.. Никогда!

Биканель побледнел.

– Я начальник туземной полиции!

– Шпион! Смотритель каторжников!

– Сударыня!

– И это тот, которого мы подобрали на улице умирающим! Тот, которого мы спасли! Приходится сознаться, что есть добрые дела, которые марают того, кто их сделал!..

Не помня себя от ярости после этих слов, которые хлестали его будто плеткой, индус с силой схватил несчастную женщину за руки и закричал:

– Я арестую вас именем Ее Величества Королевы!

– Несчастный раб! Ты посмел меня тронуть! – воскликнула гордая американка.

Она без труда освободилась от него, и ее нежная рука с изящными пальчиками со всей силы хлопнула Биканеля по лицу. Получив пощечину, полицейский потерял всякое самообладание и закричал, обезумев от ярости и стыда:

– Я арестовал вас именем королевы... теперь арестую вас от своего имени... вы будете моей, исключительно моей пленницей! Английские судьи могли бы оказать вам снисхождение, но я буду неумолим... Вы и все ваши отныне будете в моем полном распоряжении... вы заплатите кровавыми слезами за это оскорбление!

Смелая до самозабвения, графиня Солиньяк ответила ему резким, нервным смехом, может быть еще более презрительным и ироническим, чем самая пощечина.

– Ну, оставьте угрозы! – сказала она с гордым достоинством. – Знайте, что ничто на свете не могло и не может меня испугать. А вы, мой любезный, не больше как воробьиное пугало. Вы можете бить нас, но вы никогда не одолеете и не

можете испугать нас. Это все не более как слова, способные испугать разве только кого-нибудь из рабов, населяющих эту отверженную страну.

Индуc взял в руки длинный шелковый шарф, образчик легкой и изящной ткани, которой гордятся неподражаемые бенгальские работники. Он медленно колебал его, как делают фокусники, и заставлял извиваться на манер змеи. Шарф, точно живой, шевелился все быстрее и быстрее. Вдруг ловким, свойственным искусным фокусникам движением индуc прикрутил шарфом руки миссис Клавдии, привязал их плотно к ее туловищу и последним концом обвязал ей ноги: казалось, ее со всех сторон обвила черная змея. Молодая женщина теперь не могла сделать ни малейшего движения, чтобы не упасть. Но и теперь она не хотела признать себя побежденной и прибавила с насмешкой:

– Одна балерина в моем отечестве, Лои-Фюллер, танцует с шарфом, но обращается с ним гораздо лучше, чем вы. Вам не мешало бы взять у нее несколько уроков.

При этом новом сарказме, обнаружившем с ее стороны полное, ничем не нарушимое душевное спокойствие, Биканель заскрежетал зубами и грубо дернул за шарф. Миссис Клавдия зашаталась и чуть не упала. Но Мэри, которая до сих пор была немой и негодующей свидетельницей этой сцены, поддержала свою подругу и бросила полицейскому в лицо: «Подлец!»

Отчаявшись поколебать эти железные натуры, Биканель

сделал быстрый знак своим сообщникам. По его знаку от группы отделились четыре человека, затушили свои факелы о каменные плиты и бросились на миссис Клавдию и Мэри. Они грубо схватили, подняли их и понесли, следуя за Биканелем, который открывал шествие. По свойственной восточным людям утонченной жестокости он хотел на минуту поставить непоколебимую молодую женщину лицом к лицу с ее связанным мужем. Увидев мужа, Патрика и преданных им слуг связанными, она вся задрожала от гнева, но вместо того, чтобы жаловаться, продолжала в насмешливом тоне:

– Джордж, мой друг, – сказала она развязно, – если вы согласны, то велите, когда освободимся, дать пятьдесят розг этому негодяю, который не чувствует даже животной благодарности. Не правда ли, Мэри?

– Правда, правда, по двадцать пять за каждую из нас... но надо будет бить покрепче! А ты, мой милый Патрик, я даже не хочу ободрять тебя... это все несерьезно...

– Bravo, Мэри! – вставила графиня. – Это в самом деле несерьезно, они просто играют комедию. А вы, Джордж, мой милый друг, будьте уверены во мне, как я уверена в вас. Я останусь вашей верной подругой в жизни и в смерти.

Капитан Пеннилес, лежавший на спине, лишенный возможности пошевеливаться, смотрел на жену взглядом, полным любви.

Он глухо застонал, жилы на его лице налились, потом вдруг к нему вернулось спокойствие, и его взгляд, полный

презрения, перенесся на Биканеля, который отвечал молодой женщине:

– Ваша жизнь не долго продлится. Впрочем, этого времени будет достаточно, чтоб сломить вашу дерзость. Теперь возьмите их и унесите. Довольно говорить, надо действовать!

Сообщники бандита взяли капитана, обоих моряков, миссис Клавдию, Патрика, Мэри и направились к главному выходу, не заботясь о сторожах, которые были слишком малочисленны, чтобы сопротивляться такому сильному и организованному отряду. К тому же факира, их начальника, здесь больше не было, некому было приказывать. Биканель, который некогда жил в пагоде в качестве брамина, знал все ее тайны. Он велел поднять железную решетку, подъемный мост, открыть железную дверь, – и мрачный кортеж вышел на крытую дорогу и очутился между развалинами. Вдруг во мраке раздалось зловещее рычанье. Биканель узнал голос Боба и заворчал:

– Противное животное! Следовало бы его убить или бросить в ров с камнем на шее. Впрочем, он не может нам ничего сделать.

Через несколько минут на насыпи раздались тяжелые шаги и послышалось дыхание, громкое, как пыхтенье меха в кузнице, затем сильный, знакомый звук: «Уинк!» Слон Рама, который долго оставался без дела и теперь совсем уже выздоровел, услышал шум, убежал из конюшни и настиг путников.

Вообще он имел обыкновение каждый день получать из рук своего друга, капитана, какое-нибудь лакомство и сохранил к нему живую привязанность. Он поднял над группой свой хобот и обнюхивал всех находящихся здесь людей. Умное животное догадалось, что здесь присутствует человек, спасший ему жизнь: Рама тихонько зарычал от удовольствия. Но Биканель приказал прогнать его камнями, и он, пыхтя, убежал, испытывая полное неудовольствие. Недалеко от пагоды стояли ожидавшие бандитов люди и лошади. В темноте раздался насмешливый голос Биканеля:

– Капитан Пеннилес не знает, что такое Башня Молчания? Ну, так я сообщаю ему, что он и его спутники проведут там остаток своей жизни!

Глава X

Огнепоклонники. – Высшая раса. – Башня Молчания. – Священные обряды. – Странные похороны. – Коршуны. – Старая кирпичная Дакма. – Пленников оставляют там. – Голодные коршуны. – Месть Биканеля. – Ужасная жестокость. – Бедная женщина.

Гебры или парсы – это религиозная секта, которая имеет в английской Индии очень много последователей.

Они поклоняются огню, и их учение ведет свое начало от Зороастра, то есть существовало уже за три тысячи лет до христианской эры. У них есть некоторые странные, по крайней мере с нашей точки зрения, обычаи, и они очень держатся за них, несмотря на довольно высокое умственное развитие. Парсы стоят в Индии во главе крупного цивилизованного движения. Они отличаются миролюбием, умеренностью, очень способны и прилежны в работе. Они охотно изучают европейские науки и искусства и занимают в них не последнее место.

Исходя из убеждения, что стихии – символы божества, они говорят, что Вода, Земля и Огонь никогда не должны быть осквернены прикосновением разлагающегося тела. Один из их странных обычаев заключается в том, что они оставляют своих мертвецов разлагаться на свежем воздухе. Чтобы оправдать этот обычай, они говорят: «Мы должны по-

кинуть мир в том виде, в каком впервые появились в нем, обнаженными». И прибавляют: «Надо, чтобы частицы нашего тела уничтожились как можно скорее, чтобы Земля, наша мать, и живущие на ней существа никоим образом не были осквернены».

Чтобы разложение трупов происходило в стороне от жилых мест, не подвергая опасности общее здоровье, гебры выстроили так называемые Башни Молчания, или Дакмы, где и происходит это последнее перерождение материи.

Одним словом, Башни Молчания представляют собой не что иное, как кладбища гебров. Они встречаются в Индии везде, где есть гебры; кроме того, такие же башни строят для преступников. Около одного Бомбея их целых семь; они построены на вершине Малабарского холма в поэтическом месте, полном цветов и зелени, в которой тонут прелестные коттеджи. Это мрачное соседство нисколько не пугает любителей дачной жизни. Впрочем, Дакмы бывают окружены великолепными садами, которыми путешественники могут свободно любоваться с высоких террас sagri – одной из трех часовен, где постоянно поддерживается священный огонь. Что касается башен, это – огромные круглые каменные громады; иные из них сделаны из гранита, другие – из булыжника, третьи – из кирпичей; они строятся как можно прочнее, чтоб выдерживать борьбу с непогодами и стоять столетиями. Все они одинаково покрыты слоем белой извести, который время от времени обновляют. Высота этих зданий, кото-

рые европейцы называют башнями, совсем не соответствует их диаметру. Возьмем одну из бомбейских башен. Она имеет тридцать метров в диаметре и двенадцать – в высоту. В центре находится колодец, имеющий 5 метров глубины и 15 ширины; этот колодец окружает круглая, слегка покатая площадка, на которую кладут тела. Площадка делится на 72 отделения, расположенные на трех концентрических рядах и образующие как бы спицы гигантского колеса. Каждое из этих отделений, глубиной едва в двадцать сантиметров, предназначено для трупа, который лежит там, пока не истлеет и не сделается скелетом. Этот процесс продолжался бы очень долго, если бы легионы коршунов не исполняли в несколько часов эту необходимую для оздоровления местности работу. Заметим, между прочим, что числа 3 и 72 считаются священными; первое из них изображает три правила Зороастра, второе есть число глав Ясны одной из частей Зенд-Авесты. Чтоб закончить это описание, необходимое для понимания рассказа, прибавим, что площадка окружена частой решеткой в пять метров вышины, скрывающей от глаз ужасное зрелище.

Эта решетка представляет собой место, где постоянно сидят бесчисленные коршуны, ожидая появления похоронной процессии.

Тело, обернутое в белый саван, несут на железных носилках. Носильщики все в белом во главе шествия, потом родители и друзья, тоже одетые в белое, связанные по двое белы-

ми платками. Процессия, которую птицы замечают уже издали, медленно приближается. Тогда коршуны начинают бить крыльями, вытягивают шеи, царапают решетку своими крепкими, как сталь, когтями. Носильщики открывают широкие железные дверцы, ведущие на платформу, выполняют некоторые обряды, произносят несколько священных изречений, кладут совершенно нагое тело в одно из отделений и возвращаются назад с саваном и носилками. Как только дверь закрывается, коршуны бросаются на труп. С ненасытной жадностью они разрывают его когтями и клювом, толпятся, толкаются, образуя живой рой, который то слетается, то разлетается, бьет крыльями, кидается с жадностью и с яростью на добычу. В относительно короткое время все исчезает – кожа, мускулы и внутренности! Остается только скелет, связанный жилами, – вот все, что уцелело после пирушки.

Недели через две те же носильщики возвращаются к башне и, вооружившись железными щипцами, берут скелет, произносят несколько священных формул и бросают его в центральный колодец, где он и остается навеки. Там-то из поколения в поколение накапливаются смертные останки парсов; там-то они, наконец, мало-помалу истлевают под долгим влиянием атмосферных перемен.

В пяти или шести милях от священной пагоды находилась маленькая парсийская колония, заселенная земледельцами и скромными торговцами. Они жили там с незапамятных времен и превратили свою деревню в настоящий рай земной. Их

могущественные друзья, брамины, много помогли им в этом, несмотря на различие вероисповеданий. Но в этой стране религиозные верования – браминизм, буддизм, парсизм – так терпимы друг к другу, что вместо взаимного преследования или зависти оказывают друг другу всевозможную помощь. Пока общество браминов занимало священную пагоду, благоденствовали, благодаря их соседству, и парсы. Когда пундиты рассеялись, и гебры мало-помалу уменьшились в числе. Но они тем более привязались к своей родной земле; поблизости находилась Башня Молчания, или Дакма.

Факт существования такой большой башни должен был, несомненно, указывать на то, что здесь некогда обитало многочисленное население. Теперь к ней только изредка приближалась похоронная процессия. Это бывала весьма редкая пожива для коршунов. Эти несчастные голодные птицы всюду искали себе скудной добычи, трупа какого-нибудь буйвола, издохшего на рисовом поле, или чего-нибудь похуже, что успело уцелеть и не досталось голодающим людям. Эти хищники тоже терпели мучения от голода на этой Дакме, которая была их Полем Бедствия. Стоит только подумать, что иной раз проходил целый месяц, и ни одного покойника!

В это утро коршуны проявили живейшее волнение при виде многочисленного кортежа, приближающегося к одинокой башне. Они сильно хлопали крыльями, вертели шеей и несколько раз стаяй поднимались над мрачным убежищем смерти. Между тем кортеж быстро приближался.

Это сильно обрадовало коршунов, обычная жадность которых еще больше возросла от долгого, почти постоянного воздержания.

Раздался сухой, насмешливый, оскорбительный голос бывшего брамина.

– Капитан Пеннилес! Слышите, что я говорю? Не правда ли, вы слышите? Так вот, это Башня Молчания... место погребения парсов; она будет могилой также вам и вашим спутникам!

Таково было ужасное мучение, на которое разбойник обрек своих жертв: он хотел отдать их живых на съедение коршунам Дакмы, и те оставили бы только безымянные скелеты от этих добрых, храбрых, одаренных нежным сердцем существ. Надо быть восточным человеком, чтоб изобрести и осуществить такое ужасное, возмутительное злодеяние!

Никто из сопровождавших Биканеля не выразил протеста. Никто, даже человек белой расы, это чудовище, которого до сих пор трудно было оценить по достоинству, этот Дежневый Король, месть которого выражалась таким ужасным образом! Теперь казалось вполне очевидным, что ничто не может спасти Пеннилеса, Мария, Джонни и маленького Патрика.

Двери Башни Молчания открылись, зловеще скрипя на заржавленных петлях. Четверо несчастных как сквозь сон увидели ужасную обстановку... Палачи быстро потащили их наверх и уложили в углубление, где на обветрившихся

кирпичах лежало уже много поколений парсов. Когда они уже лежали там неподвижные, как мертвецы, подстерегаемые стаей коршунов, готовых на них кинуться, Биканель подал знак своим спутникам.

Миссис Клавдию и Мэри подвели к железным, настежь открытым воротам. Молодая женщина, которая думала, что она уже все видела, все перестрадала и все преодолела, остановилась на месте, как окаменелая... не имея больше сил, потому что она больше не имела надежды, чувствуя, что рассудок покидает ее при виде этих ужасов, этого хаоса людей, животных, вещей, всего!

Не поняв этой неподвижности, которую он принял за новый вызов, Биканель воскликнул, подчеркивая свои слова с злой иронией:

– Нариндра, настоящий брамин, заколол европейку, нанесшую ему удар. Я, Биканель, отверженный брамин, мщу за себя способом более жестоким и более утонченным. Неправда ли, сударыня, я изобрел вещь, которой мог бы гордиться любой палач по профессии? Ну, господа коршуны, хорошего аппетита!

Но несчастная больше ничего не слышала. Она была все-таки женщина. Бледная, как смерть, она слабо вскрикнула и тихо опустилась на землю, как будто в ней вдруг порвались все жизненные нити. Испуганная Мэри не имела сил ее поддержать; впрочем, она была ребенок. Она бросилась на тело миссис Клавдии, которую считала умершей, и закричала,

показывая бандиту кулак:

– О, за нас отомстят!

Но тот расхохотался и отдал быстрое приказание на индусском языке. Тотчас же железные двери башни с грохотом закрылись. Одновременно с этим два человека схватили миссис Клавдию, находившуюся в бессознательном состоянии, также и Мэри и положили их к себе на седла.

Все сели на лошадей и удалились быстрым галопом, оставив несчастных в добычу коршунам.

Часть 3

Сокровище

Глава I

На границе. – Шотландский полк Гордона. – Ясновидение. – Ужасная галлюцинация. – Майор и поручик. – Курьер. – Наступление. – Подтверждение ясновидения. – Борьба. – Плен.

Перед большой палаткой, около которой храпели две великолепные лошади, с трудом сдерживаемые конюхами-туземцами, сидели и разговаривали два офицера.

Один из них, майор, носил на погонах сюртука корону; другой имел только звездочку, знак лейтенантского чина. Оба они были высокого роста, сильные, крепкого сложения и могли считаться лучшими представителями отличного английского офицерства, закалившего себя во всякого рода спорте и способного выносить всевозможные невзгоды.

Первый, которому на вид можно было дать лет сорок, был майор Леннокс, герцог Ричмондский; второй, на вид года двадцать два – лейтенант Ричард Тейлор, сын главного председателя Калькуттского суда.

– Так как же, мой милый Тейлор, – сказал герцог Рич-

мондский своему молодому собеседнику, – вы верите в ясновидение или нет?

– Нет, милорд, никоим образом не верю, если уж вы делаете мне честь настаивать на том, чтобы я высказал вам свое мнение, – почтительно ответил молодой человек.

– Это оттого, что вы не шотландец! Мы, шотландские горцы, твердо верим в то, что человек в бодром состоянии может вполне ясно и притом в надлежащее время видеть многие важные для него действительные происшествия.

Видя, что майор говорит серьезно и печально, молодой человек ответил:

– Во всяком случае нужно уважать это убеждение, которого держатся многие весьма почтенные люди...

– Ах, Тейлор, это печальная привилегия, поверьте мне! – сказал майор, который вдруг сильно побледнел и стал общительнее обыкновенного.

– Три недели тому назад я совершенно ясно увидел, как моя жена упала, получив удар кинжалом. Я слышал ее предсмертный крик... я видел, как она закрыла глаза... как грудь ее обливалась кровью. С тех пор я не получал никаких известий ни от нее, ни от детей... ни слова, ни строчки...

– Но, милорд, вспомните, что мы стеснены неприятелем, что курьеры не попадают к нам и что мы лишены всяких других средств общения, кроме оптического телеграфа.

– Да, я знаю все это, поэтому еще сомневаюсь. Но это еще не все. Представьте себе, что сегодня ночью у меня была не

менее тяжелая, не менее ужасная галлюцинация. Мои дети, мой маленький Патрик, моя милая Мэри, звали меня раздирающими голосами, и их крики выражали такое отчаяние, что меня сразу бросило в пот. Мэри отбивалась от каких-то неизвестных грубиянов, а Патрик лежал неподвижно рядом с ужасными костями. Скажите, мой друг, разве это не ужасно?

– Да, милорд, это ужасно, тем более, что это ясновидение при отсутствии всяких сведений создает для любящих сердец целый мир страданий, которые все более и более обостряются. Я надеюсь, что нам удастся прорваться сквозь окружающие нас войска, и тогда мы получим новости от давно уже прибывших курьеров... Смею надеяться, милорд, что ваши галлюцинации рассеются под впечатлением добрых, нежных писем...

– Благодарю вас за ваши добрые пожелания, мой милый лейтенант.

Увидев своего трубача, который, с развязностью доброго старого служителя, подходил пожелать своему начальнику доброго утра, майор прибавил:

– Может быть и ты, Кильдар, видел сегодня что-нибудь? Близость сражения волнует и возбуждает умы; в это время некоторые люди получают способность видеть то, чего другие не могут даже предчувствовать.

– О милорд, то, что я видел, не стоит внимания.

– Что же такое?

– Что я был ранен в начале сражения. Но это решительно ничего не значит; мой инструмент уцелел, и я мог на нем играть.

– Слышите, Тейлор, слышите? Кильдар тоже имел видение! Будьте уверены, что это исполнится! – воскликнул майор с живостью, по которой можно было судить, какое глубокое значение он придавал своей странной, суеверной фантазии.

Молодой человек, не зная, какой аргумент противопоставить этой слепой вере, весело воскликнул:

– Ну, так и я могу сказать, что видел что-то или, лучше сказать, кого-то. Я видел, что мой добрейший отец, который так любит хорошо покушать, – вы ведь знаете его, майор, – председательствовал за роскошным завтраком с той же важностью, с которой он председательствует в Главном Суде, и говорил: надо бы послать этот отличный пирог вместе с ящиком старого вина нашему милому лейтенанту, который находится на войне, в стране афридиев. Так вот теперь буду ожидать пирога и бутылок, и рассчитываю устроить пир после сражения. Приглашаю и вас, мой милый Кильдар!

В это время со всех сторон раздались трубные звуки и все бросились к своим постам. Главнокомандующий сел тем временем на лошадь и вместе со штабом и свитой направился к возвышению, откуда мог следить за сражением.

Вдруг вся эта масса людей зашумела, и раздалось громкое «ура». Одному курьеру удалось прорваться сквозь неприятеля.

тельские линии. Он принес генералу самые важные документы и некоторым наиболее счастливым столь нетерпеливо ожидаемые известия. Мешки с депешами прибыли на двух артиллерийских повозках, запряженных каждая шестеркой лошадей, со взводом улан по бокам. По случаю столь важного события главнокомандующий приостановил атаку как раз на столько времени, какое было нужно на поспешную раздачу писем. Вахмистры, по трубному призыву, бросились к главной квартире, где получили письма, заранее распределенные по батальонам. В одну минуту они очутились на месте и для сокращения времени отдали все пакеты командирам войсковых единиц. Все это произошло так быстро, что едва ли можно было заметить остановку движущихся колонн.

Майор Леннокс, вложив саблю в ножны и бросив повод на шею лошади, чтобы иметь свободные руки, нервно теребил письмо, с трудом распечатав его. Он узнал почерк Мэри, но как он изменился, как стал неровен!

Лейтенант Тейлор тоже получил письмо. Подпись принадлежала его матери, но конверт имел черный ободок. Солдаты его роты увидели, как он вдруг зашатался на седле и побледнел, как смерть. В тот же момент и майор глухо вскрикнул и схватился за сердце. Лейтенант, с широко раскрытыми от ужаса глазами, читал ужасные слова, которые прыгали перед его глазами и казались огненными.

«Отец убит начальником тугов... задушен ночью».

Майор затуманенными глазами читал горестные строки, написанные его дочерью Мэри и орошенные ее слезами.

«Наша обожаемая мать была заколота фанатиком... начала уже поправляться... но задушена ночью начальником тугов»...

Лейтенант временно командовал первой ротой батальона, находившегося под начальством Леннокса; поэтому он ехал непосредственно за ним. Майор обернулся, и оба были так бледны, что каждый сразу догадался о постигшем другого несчастье.

– Ах, Тейлор, вот ясновидение! – пробормотал майор. – Какое ужасное несчастье! Бывают дни, когда сильно желаешь быть убитым!

Опять вдалеке зазвучали трубы, призывая к атаке, и им отвечали звуки волынки в Гордоновом полку, выводя мотив марша горцев.

Forward, forward!

Темп ускорялся. Хотя расстояние было еще вне досягаемости оружия, но неприятель начал стрелять. Атакующие колонны получили приказание не отвечать на этот огонь. Мало-помалу дистанция все уменьшалась. Раздалась короткая команда, и за ней последовала сильная канонада.

На минуту произошло смятение, которым шотландцы воспользовались, чтобы приблизиться к неприятелю. Когда

полковник увидел, что его полк подошел достаточно близко, он приказал дать один за другим три страшных залпа. Пули посыпались, как свинцовый дождь, уложили целый ряд туземцев. Послышались новые отдаленные призывы к атаке. У шотландцев атаку играют на мотив старых народных песен. Кильдар, выступавший во главе 1-й роты, играл на своем инструменте, представлявшем собой нечто вроде волынки, мотив старого шотландского марша. Мотив этот был тотчас же подхвачен музыкантами других полков. Когда раздались первые звуки этого весьма примитивного инструмента, всеми рядами овладело лихорадочное возбуждение. Какая-то дрожь потрясла этих сильных горцев и неудержимо толкала их вперед, заставляя взбираться на скалы, лезть на траншеи, где копошились и кричали афридии. Храбрые горцы были встречены жестоким огнем, от которого их первые ряды сильно поредели. Первый же залп свалил Кильдара, как он это предчувствовал и предсказывал. Он тяжело упал, как подкошенный, с раздробленными ногами, но даже не вскрикнул.

Он хладнокровно пощупал свой инструмент и, убедившись, что он не попорчен, воскликнул:

– Волынка действует!.. Вперед, товарищи! Да здравствует старая Шотландия!

С этими словами он потащился вперед на руках и коленях, не обращая внимания на свои ноги, которые висели, как лохмотья; наконец, ему удалось усесться на скале. Он взял

свой инструмент и начал изо всей силы играть шотландский марш. Горцы Гордона бросились вперед, как безумные, выражая свое одобрение мужественному музыканту.

Майор и его лейтенант ехали коротким галопом впереди своих солдат, а те следовали за ними бегом. Майор имел печально пассивный вид и все еще судорожно мял в руках роковое письмо. Неожиданный прыжок лошади привел его в себя. Он увидел себя в двадцати шагах от первой траншеи, откуда вырывались языки пламени, окутанные белыми парами. Он слегка пришпорил лошадь и крикнул громовым голосом:

– Вперед!

Не обращая внимания на мятежников, которые продолжали стрелять, но каким-то чудом не попадали в него, майор пришпорил лошадь и заставил ее с размаха перескочить траншею. Лейтенант бесстрашно последовал за ним, и оба офицера пустились по направлению ко второй траншее раньше, чем их солдаты успели достигнуть первой. Сзади них завязалась быстрая и горячая рукопашная борьба. Все это было делом одной минуты. В скором времени афридии, разбитые, рассеянные, пригвожденные к месту, начали отступать с яростными криками и кинулись на вторую траншею, к которой теперь приближались оба шотландские офицеры. Услышав раздававшиеся за собой яростные крики, они заметили свою неосторожность и убедились в том, что окружены со всех сторон. В одну секунду они поняли свое поло-

жение. Вернуться назад, прорвать окружающую толпу было совершенно невозможно. Их возвращение могло быть принято за бегство и повлияло бы деморализующе на их шотландцев, которые так храбро кинулись в атаку. Они выбрали единственно возможный в этом случае исход и смело кинулись галопом на траншею. Перескочить эту траншею было опаснее и труднее, чем первую. Крутой склон был весь усеян обломками скал, кое-где попадались расщелины, из-за чего эта траншея была почти недоступна для конницы. Чтобы осуществить такой смелый замысел, нужны были английские лошади и их несравненные седоки. Относясь с высокомерным презрением к врагам и их пальбе, они помчались к огромной расщелине, откуда раздавались крики фанатиков. Они собирались броситься в среду этих пехотинцев, смять их, что легко могло случиться благодаря тому моральному действию, которое производит кавалерия, будто с неба сваливающаяся на пехоту. К несчастью, пуля, попавшая прямо в грудь лошади майора, положила конец ее бешеной скачке. Майор быстро соскочил на землю, держа в руке револьвер. Он очутился перед группой людей, готовых его схватить. В это самое время лейтенант, видя своего начальника пешим и не желая его покидать, остановил свою лошадь и закричал:

– Милорд! Садитесь на круп моей лошади и будем продолжать атаку!

Он вынул ногу из левого стремени и подвинулся вперед, чтобы дать майору возможность сесть на лошадь. В эту ми-

нуту раздался сухой звук, и лошадь упала, пораженная пулей в лоб. Ловким гимнастическим движением молодой человек высвободился, легко спрыгнул на землю и гордо встал около своего начальника, лицом к лицу с неприятелем. Вся эта маленькая драма продолжалась не более полминуты. Револьвер майора был уже разряжен. Тейлор с тем же хладнокровием дал шесть выстрелов из своего револьвера, а когда все патроны вышли, вытащил саблю. Эти два всадника, которые только что прискакали во весь опор и в глазах защитников траншеи казались сверхъестественными существами, стали теперь весьма обыкновенными людьми, очень хорошо и ловко владеющими саблями, но не более. Лошади были убиты, револьверы пусты, оставалось только холодное оружие, правда, страшное, но мусульмане скоро к нему привыкли. Люди, засевшие в первой траншее, успели оправиться и отражали шотландцев, нападавших на них со штыками. Офицеры, отличавшиеся атлетическим сложением, отлично умевшие владеть саблями, рубили направо и налево, нанося ужасные удары. Враги, видимо, старались взять их живыми, иначе они давно были бы изрублены в куски.

Майор первый был вынужден уступить. Лезвие его сабли, наткнувшись на ружье, сломалось. Бросив на землю ни к чему не годный обломок, он скрестил руки на груди и стал пристально смотреть на неприятелей, смущенных его гордой осанкой. В то же самое время лейтенант, схваченный сзади за руки и за ноги, упал на колени. . . Все было кончено! Храб-

рые офицеры шотландского полка Гордона попали в плен к афридиям.

Глава II

На Башне Молчания. – Ужасное положение. – Находчивость Джонни. – Освобождены, но не спасены. – Среди костей. – Фосфорический свет. – Земляные работы. – Патрик в опасности. – Обвал. – Выхода нет. – Ящик. – Имя и герб семейства герцога Ричмондского.

Биканель и его сообщники, бросив наших беглецов на платформе Башни Молчания в добычу коршунам, быстро исчезли.

Начальник туземной полиции ни за что не хотел, чтоб его подозревали в похищении и убийстве человека, вина которого должна была разбираться английскими судебными властями.

Англичане, как крайние формалисты, не позволяют никому как бы то ни было обходить закон, и должностное лицо, навлекшее на себя подобные подозрения, рискует быть посланным в каторгу.

Не менее неприятно было бы и то, если б до сведения парсов дошло, что посторонние люди проникли на место погребения их умерших.

Преданные своей вере, верные своим традициям, они жестоко отплатили бы виновным за совершенное ими оскорбление святыни. Чтоб избежать этой двойной опасности, бандиты бросились в бегство без оглядки, зная, что ничто уже

не может спасти несчастных, обреченных на верную смерть.

Эти последние, действительно, могли считать себя погибшими.

Они лежали на солнце, связанные, спутанные, с заткнутыми ртами, не имея возможности говорить, измученные страхом мучительной смерти. На них начала спускаться отвратительная стая коршунов. Патрик закрыл глаза и лишился чувств. Связанные мужчины глухо застонали, когда когти хищных птиц вцепились в их одежды. Марий и Пеннилес, лежавшие в каменных углублениях, не могли даже пошевелиться. Но рулевой Джонни начал биться на месте, как бесноватый, катался, извивался и немного напугал коршунов, не привыкших видеть таких подвижных мертвецов. После нескольких таких движений веревки свалились с него, как по мановению волшебного жезла. Все это казалось какой-то странной фантасмагорией. Когда его руки оказались свободными, он сделал веселый прыжок, чтобы выразить свое торжество. Один коршун, более смелый или более голодный, чем другие, снова кинулся на Патрика. Во мгновение ока рулевой схватил отвратительную птицу за бесперую шею и, не обращая внимания на ее крик и хлопанье ее крыльев, стал махать ею, как пращой, приговаривая:

– Прочь отсюда, скверная собака! Падаль! Нечего сказать, дадим мы тебе наше тело на растерзание! Подожди-ка!

Известно, что коршун, брошенный на землю, не может сразу полететь, так как он должен сперва разбежаться. Джон-

ни, на которого его связанные товарищи смотрели с радостью и надеждой, продолжал размахивать своей добычей и сбил одного за другим еще несколько коршунов. Остальные птицы, испуганные, с удивлением наблюдали за всеми этими непонятными событиями. Тогда Джонни бросился к капитану. Он вытащил из кармана ножик, не замеченный бандитами, и быстро разрезал веревки, лишавшие Пеннилеса возможности двигаться.

– Я в восторге, капитан, что мог оказать вам эту небольшую услугу! – сказал он.

– А я, мой милый Джонни, не менее рад принять ее от тебя! – воскликнул капитан, который совсем уже не мог рассчитывать на освобождение.

Джонни с той же важностью развязал Мария, прибавив:

– Э, товарищ, ты, верно, не прочь свободно вздохнуть...

– Я бы также не прочь выпить ведро воды... – воскликнул провансалец, когда его освободили. – Мое горло теперь похоже на бездонную пропасть. От всего сердца благодарю тебя, матрос! Ты знаешь... я не окажусь неблагодарным!

Джонни даже не слышал ничего. С помощью Пеннилеса он развязывал мальчика, который понемногу приходил в себя и жалобно просил пить. Надо было объяснить ему, что теперь это невозможно сделать, но что его просьбу постараются исполнить как можно скорее. Однако несмотря на естественное желание поскорей выйти из этого мрачного места, Пеннилес и Марий захотели узнать, какому чуду они обязаны

тем, что остались в живых.

– Между нами будь сказано, это какая-то фантазмагория, – воскликнул изумленный Марий. – Они навязали там таких узлов, которые привели бы в отчаяние марсового на бугшприте!

– Yes! Phantasmagoria, – сказал невозмутимо хладнокровный янки. – Я был когда-то клоуном в цирке и этим зарабатывал свой хлеб. Это все происходило раньше, чем я сделался матросом... Вы знаете, капитан, у нас можно заниматься каким угодно ремеслом, и никто на это косо не смотрит.

– Я не совсем понимаю, – сказал Пеннилес.

– Так вот, когда меня хорошо вымуштровали, мне показали фокусы индийского сундука. Вы его, вероятно, видали. Человек, связанный по рукам и ногам самой сложной системой узлов, запирается в сундук. Через некоторое время, довольно короткое, чтоб фокус показался еще удивительнее, сундук, оставшийся на сцене, открывают. Там никого нет. Клоун появляется через минуту, держа веревки в руках и торжественно потрясая ими. Этот интересный фокус можно сделать только после усиленной работы, бесконечных и часто безуспешных опытов. Я умел его делать очень ловко и б минуту освобождался от самых запутанных узлов. Теперь я вспомнил этот фокус, и он, как вы видите, сослужил мне службу.

Марий смотрел на товарища, раскрыв от удивления рот и в первый раз не нашелся, что сказать, несмотря на свое

южнофранцузское многословие.

– Э!.. Мой милый! Это самая чудесная вещь, которую мне до сих пор удавалось видеть, если не считать моего воскресения из мертвых в Гаваннском госпитале, где я лежал в желтой лихорадке. Мадемуазель Фрикетта возвратила меня к жизни, сделав мне операцию!

Несмотря на свое трагическое положение, голод и жажду, Пеннилес, Джонни и Патрик не могли удержаться от смеха при этой выходке добродушного моряка. Он продолжал, счастливый, что ему на минуту удалось рассеять общее тягостное настроение духа:

– Это все отлично, что ты нас распутал; но отчего же ты раньше не применил свои знания?

Джонни пожал плечами и плюнул по своей привычке, которую он приобрел благодаря постоянному жеванию табака.

– Марий, мой друг, ты, кажется, позабыл, в какой стороне бывает север! Да ведь если б я только попробовал, меня бы сейчас прикончили.

Марий понял, что сказал несообразность, опустил голову и сказал:

– Ты прав, ты прав, Джонни, а я старый дурак. Но довольно говорить, будем работать!

– Да, – подтвердил Пеннилес, – будем работать, нам предстоит трудное дело!

Солнце начинало уже склоняться к горизонту, и маленькое место около загородки оставалось в тени. Капитан уса-

дил туда Патрика и сказал ему:

– Оставайся здесь, мое дитя, не шевелись, не выходи на солнце.

Мальчик безмолвно прижался в уголке, поглядывая на коршунов, которые временами поднимались с загородки, кружились в воздухе и быстро и дерзко пролетали над самой площадкой.

Эти птицы, коварство которых вошло в поговорку, сперва испугались и на время бросили свою добычу, но потом мало-помалу стали смелее.

Капитан обошел кругом эту страшную площадку и не нашел в загородке ни малейшей трещинки, в которую могла бы проскользнуть хоть крыса. Ни отверстия, ни щели, которую можно было бы расширить ценой каких бы то ни было усилий. Увы! Старое здание победоносно выдерживало борьбу со временем. Дверь была так прочно устроена, как любая крепостная дверь. Все трое, устав ходить взад и вперед между этими ужасными костями и на солнечном припеке, скоро убедились в полной невозможности сделать что-нибудь с дверью или со стенами.

Убедившись в том, что с этой стороны спастись нельзя, капитан стал внимательно рассматривать четыре решетки, находившиеся внизу и окружавшие среднюю, круглую часть платформы; там лежали накопившиеся в течение столетий кости парсов.

Как сказано выше, при описании Башни Молчания, эти

решетки замыкают собой отверстия, ведущие к подземным коридорам, а эти последние в свою очередь выходят в четыре симметрично расположенные колодца. Эти колодцы имеют не более двух метров глубины, но зато они очень широкие. Они служат для стока дождевой воды.

– Если б мы попробовали выйти с этой стороны!.. – сказал Пеннилес.

– Попробуем! – ответили, как эхо, оба моряка.

Но как попасть на эту кучу костей, до половины наполнявших углубление под платформой? Высота была более пяти метров. Пеннилес заметил это.

– Остается только прыгать, – сказал Джонни, как будто это была самая простая вещь.

– Ты очень добр! – воскликнул Марий. – А если мы при прыжке что-нибудь вывихнем, сломаем одну или обе ноги, это поможет нам поскорее убежать отсюда?

– Нашел! – возразил Джонни. И как человек, который мало говорит и много делает, он принялся собирать только что разрезанные им и разбросанные по платформе веревки. В очень короткое время он сложил их, как мог, связал, и получилась толстая веревка длиной метра в четыре. Он взял конец ее в руки, пристроился на краю платформы и сказал Марию:

– Слезай по ней!

– А если ты выпустишь конец?

– Я не выпущу.

Не говоря больше ни слова, Марий схватился за веревку и спустился по ней до конца. Тут он мог уже без опасения выпустить ее и соскочить в груды костей. Несмотря на свое испытанное мужество, он не мог не содрогнуться, ощутив под ногами человеческие останки, которые сухо захрустели и рассыпались. Джонни выдержал испытание.

– Ваша очередь, капитан, хотя я не смею приказывать! – почтительно сказал Джонни своему начальнику. Пеннилес последовал примеру Мария и в минуту очутился около него.

– Ну, мой любезный, что же дальше! Тебе будет нелегко слезать и одновременно держать веревку!

– А я вот что сделаю! – ответил Джонни.

Не дожидаясь дальше, он спрыгнул вниз по всем правилам, с необычайной легкостью, на кончиках пальцев. Патрик, оставшись один на платформе, смотрел на них и терпеливо, без жалоб, переносил ужасные муки жажды. Они направились к одной из решеток, спотыкаясь о кости, вид которых и хрустенье причиняли им тяжелые ощущения. Решетка, к счастью, едва держалась. Сильные руки Мария выдернули ее из кирпичных углублений, куда она была ввинчена. Открылось черное отверстие. Два моряка заспорили о том, кому первому пройти.

– Я пройду! – сказал Пеннилес, разрешая их спор.

– Но, капитан...

– При атаке начальник идет первым, при отступлении – он последний. Здесь мое место, друзья... Пропустите же меня.

Он смело углубился в коридор, откуда доносился неприятный запах гнили, смешанный с сильным запахом фосфора. Этот коридор, шириной в метр, очень круто спускался вниз, и Пеннилес быстро соскользнул по нему. Он почти тотчас же коснулся дна, которое, как ему казалось, было усыпано рыхлым песком. Следовало ожидать, что здесь будет совсем тесно, но, странная вещь, этот колодец был полон необыкновенного, мерцающего света; он в виде беловатых струек поднимался с места, где после внезапного прыжка Пеннилеса был разрыт песок. Было почти так же светло, как днем. Поразмыслив минуту, Пеннилес догадался о причине этого явления. Это был фосфорический свет, испускаемый остатками костей, снесенных сюда дождем. Этот бассейн мог иметь около трех метров в диаметре, и его вид навел Пеннилеса на мысль, что, благодаря свойствам песчаного грунта, им будет нетрудно прорыть ход под самым основанием башни. Он позвал Мария и Джонни, вкратце растолковал им свой проект, и те тотчас же принялись за дело. Не имея под рукой никакого подходящего орудия, они рыли этот мягкий и рыхлый песок руками. Пеннилес рассчитывал, что придется прокопать по большей мере около пяти метров, соблюдая известный наклон, тогда они выйдут наружу. Принимая во внимание свойства почвы, можно было надеяться кончить работу через пять часов. В колодце была невыносимая жара; Пеннилес и его товарищи испытывали сильные мучения от голода и особенно от жажды. Они трудились изо всех сил, не жалуясь,

не ослабевая, поддерживаемые своей железной энергией, и иногда даже обменивались шуткой. К Марию возвратилась его провансальская развязность, и время от времени, скобля песок, он прибегал к своим привычным выходкам.

– А мы ведь хорошие кролики, правда, капитан? А ведь недурная вещь фрикассе из кроликов? Я бы этого охотно поел... и запил бы бутылкой вина из наших южных виноградников... Как все это теперь далеко, Боже мой!..

Они продолжали рыть, как вдруг наверху раздались ужасные крики.

– Что там? – воскликнул Марий.

– Мне кажется, Патрик зовет на помощь! – сказал капитан.

– Я иду! – кратко прибавил Джонни и с обычной ловкостью клоуна полез в узкий проход. Он очутился опять между костями и содрогнулся при виде истинно ужасного зрелища. Коршуны, видя, что ребенок остался один, и сделавшись еще смелее при виде его неподвижности, кинулись на него всей массой. Они летали за ним с диким визгом, а несчастный испуганный мальчик бегал кругом по платформе, крича от ужаса. Отвратительные птицы готовы были уже впиться ему в глаза и лицо, если б не подоспела помощь. Но как помочь бедному ребенку, когда влезть к нему было невозможно и когда он сам не мог сойти с площадки, по которой он только беспомощно бегал взад и вперед? Джонни начал кричать изо всех сил, чтобы спугнуть стаю; когда это не подействова-

ло, он бросил в нее кость. На минуту коршунов встревожило появление этого странного орудия, которое прилетело, крутясь, как австралийский бумеранг. К несчастью, это подействовало не надолго, и чудовища снова кинулись на добычу. Джонни опять начал кричать и бросать кости, которые, правду сказать, не пролетали мимо цели. Одна берцовая кость, поразив коршуна, упала на платформу. Патрик схватил это зловещее орудие и в свою очередь стал бить направо и налево. Но свежая добыча, все более возбуждавшая жадность коршунов, совсем опьянила их. Чувствуя за собой перевес, они опять бросились на ребенка. Он погиб бы, но крики его и Джонни вызвали из их убежища Мария и Пеннилеса.

– Э! Прыгай вниз, мой голубчик, прыгай вниз!.. – закричал ему Марий.

– Но он разобьется! – возразил в отчаянии капитан.

Провансалец нагнул туловище немного назад, протянул руки и закричал опять:

– Не бойся, прыгай ко мне на руки; они у меня крепкие, как кожа у негра!.. Раз, два!

Ребенок в ужасе закрыл глаза и кинулся в пространство. Марий подхватил его на лету своими сильными руками. Потом он сказал добрым голосом:

– Эти ужасные, противные птицы ничего тебе не сделали, дорогой мальчик? Мое сердце сжималось, когда я видел тебя там...

Ребенок сразу почувствовал, сколько нежности и предан-

ности было в беспокойстве Мария, в его неожиданном обращении к нему на «ты», что так не соответствовало английским понятиям. Он обхватил провансальца обеими руками за шею.

– Нет, мой милый Марий, – сказал он, – я чувствую себя вполне хорошо, вы подоспели в самое время, не правда ли? О, как я благодарен вам и всем другим!

– Бедное дитя! Вам, верно, очень хочется пить, и вы очень от этого страдаете? – спросил с участием капитан.

– О, да! Но ведь и вы все тоже страдаете...

Коршуны кружились теперь над углублением, где лежали кости; они испускали пронзительные крики и даже задевали крыльями трех мужчин и мальчика.

– Идемте с нами, мой друг, – продолжал Пеннилес, – там по крайней мере вас не тронут эти ужасные птицы.

– И я помогу вам работать, сколько могу! – прибавил Патрик с забавным достоинством.

Все четверо спустились в подземный коридор и, запыхавшись от быстрого движения, задыхаясь от жары, окровавленными пальцами начали скрести песок.

– Какие мы дураки! – внезапно воскликнул Марий. – Извините, капитан, это к вам не относится: я говорю про Джонни и про себя.

– Благодарю! – сказал янки. – Отчего же мы дураки, скажи пожалуйста?

– Потому что нам следовало бы взять наверху у покойни-

ков несколько штук костей. Им бы это было решительно все равно, а нам крепкая, длинная, широкая кость оказалась бы хорошей услугой в качестве заступа.

– Хорошая мысль! – заметил Джонни со своей обычной краткостью. – Я иду наверх за заступами.

Он собирался броситься по коридору вверх, как вдруг слышался глухой шум.

– Э! Все громы небесные! – заворчал Марий. – Вот и еще что-то!

От боковой части сточной трубы отделился камень и, скатившись, закупорил трехметровое отверстие, которое они с усилием раскапывали уже целых два часа. Приходилось начинать снова эту утомительную работу. Но это было еще не все! За камнем посыпались еще обломки и загромоздили ведущий наверх коридор. Наши беглецы не могли теперь двинуться ни назад, ни вперед. Если им не удастся удалить хоть одну преграду, скоро станет нечем дышать, притом толщина этой преграды была им совершенно неизвестна.

Осыпь песка, обнажив новый слой почвы, вызвала новый обильный фосфорический свет. Они могли видеть друг друга, как днем. Хотя положение казалось более отчаянным, чем когда-либо, эти люди с железной волей не потеряли мужества. Но им долго не пришлось погружать свои усталые и окровавленные пальцы в насыщенный фосфором песок. При первой же попытке произошла еще маленькая осыпь, и они увидели огромный ящик, до тех пор закрытый песком. Этот

ящик был сделан из очень толстого дерева, так как при ударе не издавал пустого звука; он закрывал собою отверстие, через которое можно было бы выйти наружу, в равнину. Капитан, сильно удивленный, осмотрел его со всех сторон и не мог удержаться от восклицания. На металлической, сильно потемневшей дощечке, должно быть, из серебра, были начертаны буквы, которые при фосфорическом свете было не трудно прочесть.

– Смотрите, Патрик, – воскликнул он, – это ваше имя: Леннокс, герцог Ричмондский, и над ним герб.

– Это герб нашего семейства! – сказал Патрик, осмотрев дощечку.

Глава III

Берар в темнице. – В ожидании смерти. – Пундит Кришна. – Господин и слуга. – Комната Совета. – Пундиты. – Семь великих начальников. – Что такое адепты первой степени. – Власть без границ. – Берар осужден на смерть: он должен сам себе отрезать голову. – Фальшивая тревога. – Осуждение Биканеля.

Когда Берар был заперт Биканелем в таинственной, неизвестной ему комнате, он предался бессильной ярости.

Во-первых, его силой заставили покориться, что бывает вообще унизительно и обидно особенно для таких людей, как Берар, который был всем известным факиром, страшным начальником жестоких поклонников Кали, богини смерти, наконец, одним из первых в числе таинственных личностей Индии.

Во-вторых, запертый, пойманный в ловушку, осужденный на голодную смерть, он навсегда лишился возможности выполнить поручение, возложенное на него браминами. Наконец, он и сам всей душой желал освободить капитана Пеннилеса и его приближенных, защитить их от оскорблений, устранить опасности, грозившие им со стороны английского правительства, одним словом, спасти их. Невозможность осуществить это огорчала его несравненно больше, чем оскорбление, нанесенное его самолюбию.

Этот мрачный человек, в котором было столько противоположных свойств, злой и в то же время добрый, воплощавший в себе гения зла и гения преданности, считавший за ничто чужую жизнь, но всегда готовый отдать и свою собственную, этот Берар был по-своему человек долга.

Лишенный свободной воли, добровольно подчинившийся адептам первой степени, этим пундитами, которые составляют умственную аристократию Индии, он был их исполнительным орудием, но орудием сознательным, умным, одаренным инициативой и притом имевшим в распоряжении ужасные средства, данные ему этими гениальными мыслителями. Его, как и других факиров, его братьев, научили тайнам оживлять и умерщвлять, научили его быть нечувствительным к усталости, физическим и моральным невзгодам, всевозможным мучениям; его посвятили в науку под названием магнетизм, которая усыпляет человеческую волю, укрощает тигров, очаровывает змей и простирается даже на вещи материальные... И таким образом он сделался рукой этих действительно высших существ. Адепты мыслят, факиры действуют, всегда слепо и иногда ужасно.

От них прежде всего требуется отречение от своей личности. Потом им приказывают шпионить за известной личностью или служить ей с безграничной преданностью; быть солдатом индусской армии или сражаться в рядах мятежников; быть рабом или раджей; им велят также исцелять или наводить болезни, любить или ненавидеть, спасти кого-ни-

будь или убить... Они повинуются без единого слова, без жеста, без колебания, и ничто не может их остановить.

Таков был и Берар, который с ужасной точностью исполнял самые противоречивые приказания, отданные этими таинственными пундитами, которых никогда не было видно, но бесконечная власть которых чувствовалась на каждом шагу.

Видя, что ему не остается никакого исхода, Берар скоро успокоился, и успокоение это было вызвано сознанием исполненного долга. В сущности, он сделал все, что мог. Теперь ему оставалось только умереть. И мысль о смерти, к которой пундиты все время готовят своих служителей, овладела всем его существом, успокаивая и радуя его.

Он сел на пол, пробормотал несколько заклинаний, отгонявших злых духов и привлекающих добрых. Затем он углубился в самого себя, перебрал в памяти выдающиеся факты своей долгой и трудной жизни и, наконец, остался неподвижным, будто погрузившись в созерцание.

Благодаря состоянию гипноза, в которое факиры могут погружаться очень быстро и очень сильно, они засыпают и делаются нечувствительными к окружающему.

Сев на пол, Берар перестал шевелиться, как мертвец, и, правду сказать, окружающая его таинственная обстановка сильно напоминала могилу. Прошли долгие часы, но начальник тугов все оставался в том же положении. Он как будто застыл, и жизнь его выражалась только слабыми дыхатель-

ными движениями. Этот сон должен был быть для него предвестником смерти. Но как ни был глубок этот сон, Берар тем не менее был чувствителен к некоторым внешним явлениям. Так, например, он вздрогнул, когда послышался легкий шум.

Шорох приближался: это были звуки шагов по граниту. Потом невидимая рука подняла опущенную Биканелем дверь. На маленькой лестнице появилась голова, потом туловище на двух длинных, худых ногах. Небольшая голова с правильными, почти нежными чертами, была обрамлена седой, разделенной надвое, бородой, а широкий выпуклый лоб исчезал под правильно расположенными складками огромного индусского тюрбана. На нем был кафтан из белой шерсти, очень легкий и ослепительной чистоты. Маленький кинжал с рукояткой, богато убранный камнями, выглядывал из-за тонкого белого шелкового пояса. Спустившись на пол комнаты, он слегка отряхнул пыль со своих сандалий, и его живой и кроткий взор обратился на неподвижного факира. Потом он тихо и отчетливо произнес:

– Проснись, Берар!

Факир вдруг открыл глаза, зашевелился, и его черты потеряли свою неподвижность. Он встал, узнал вновь прибывшего и воскликнул:

– Мой учитель!.. Пундит Кришна!.. Мир тебе, саиб!

– И тебе мир, Берар!

Факир продолжал почтительным тоном, оставаясь в преклоненном положении, выражавшем смирение:

- Учитель, я потерпел неудачу, конечно, по своей собственной вине... нашелся человек сильнее и хитрее меня...
- Я знаю, Берар, я все знаю...
- Я заслужил наказание и готов понести его...
- Следуй за мной в комнату Совета! – ответил пундит загадочным тоном.

Когда открылся потайной ход в комнату, то открылась и дверь, приводившаяся в движение тем же механизмом. Они через коридор вошли в огромный зал со сводообразным потолком, богато убранный коврами; у стен его стояли огромные книжные шкафы с десятками тысяч томов.

В глубине зала возвышался балдахин с голубой и белой драпировкой; под ним стояли шесть стульев, расположенных следующим образом: три справа, три слева, а посередине один, самый высокий. Шесть первых были из черного дерева чудной резьбы, седьмой – из слоновой кости с изображениями индусских божеств, выточенных с терпением и законченностью, которые характеризуют восточных художников. Пундит важно сел на стул из слоновой кости и стал ждать. Берар смиренно остановился у двери, но его учитель сказал ему тихим голосом, действующим в сто раз сильнее, чем раскаты грома:

– Подойди, Берар, и садись!

Факир почтительно склонился и сел на очень низкую скамейку, которая, вместе с двенадцатью другими такими же скамейками, находилась в нескольких шагах от ряда стульев.

Дверь тихонько отворилась, и вошел человек. Вновь появившийся был на вид очень стар, но не дряхл; он был одет в подобный описанному кафтан, такой же тюрбан и опирался на палку. Он был высокого роста, худой, с белой бородой и волосами; сморщенная, словно обожженная кожа ложилась ровными морщинами, придававшими его лицу скорее мягкое, чем суровое выражение. Этот старец, почти слепой, носил на своем большом, сухом как кость носу блестящие очки. За ним следовали два человека, одетые только в лангути и с обнаженными головами. Вероятно, это были факиры.

– Мир тебе, Рам-Тар! – сказал в виде приветствия пундит Кришна.

– И тебе мир, Кришна, – ответил старец, садясь на стул черного дерева, между тем как факиры пошли и сели около Берара.

Один за другим пришли и остальные пундиты, каждый в сопровождении одного или двух факиров. Все они были более или менее стары, одеты очень просто, видимо, презирали роскошь; и у всех на правом плече была «красная нить» – тоненький шелковый шнурок, знак браминской касты. Они уселись на черных стульях и образовали довольно величественную группу под председательством учителя Берара, пундита Кришны.

В этой группе, простота которой имела что-то царственно-внушительное, сразу бросалась в глаза одна особенность. Все эти люди имели между собой удивительное сходство,

сходство, какое существует между членами одного семейства, и которое еще усиливалось при виде одинаковых манер, одних и тех же жестов, которые никогда не встречаются у других людей. Однако в самой их внешности не было ничего бросающегося в глаза. Напротив, казалось, что они все приняли какой-то сероватый оттенок пыли или паутины, ступшевавший контуры и придававший этим старцам вид добровольно потускневших теней. Наружность не имеет никакого значения для этих людей, знаменитых по рождению и еще более знаменитых по своей учености, людей, которые могли бы, если б хотели, пользоваться какими угодно почестями, богатством и всякими удовольствиями.

Кто они? Откуда они являются? Как они живут? Имена их едва известны самому небольшому числу лиц. Каждый из них есть Саньяси (отказавшийся от всего), Яти (победивший себя), Паривраджака (ведущий блуждающую жизнь). Народ питает к ним самое глубокое уважение, смешанное со смутным и таинственным ужасом. Правительство их не признает, но боится и ненавидит. Победители всегда питали инстинктивную ненависть к мыслителям. Впрочем, эти ученые мужи, враги шума и роскоши, отличающиеся строгими нравами и широкой терпимостью, отделены целой пропастью от грубых, эгоистичных, пресыщенных и часто невежественных англичан. Тем не менее, правительство королевы не старается их уничтожить и строго следит за тем, чтоб их не оскорбляли. Оно инстинктивно чувствует, что они представ-

ляют собой силу, тем более ужасную, что она неопределенна и никому не известна, но что ее проявления могут быть при случае очень страшны.

Когда затрагивают верования пундитов, покушаются отнять их привилегии, когда в их лице нарушают человеческую свободу, тогда месть их не знает пределов. Они тогда отпускают своих факиров в самые центры цивилизации и заставляют их совершать самые ужасные преступления.

Так они отомстили за смерть своего брата Нариндры и за оскорбления, бессмысленно нанесенные его останкам.

Сидя на своих низких скамейках, неподвижные, сосредоточенные, всецело поглощенные уважением к своим учителям, факиры слушали, не понимая впрочем ни слова, разговор, который пундиты вели на священном языке. Те говорили долго, и их серьезные голоса передавали друг другу мотивы собрания, на которое они были созваны из самых отдаленных концов Индии. Речь их струилась, как ручеек, и на этих суровых масках нельзя было увидеть ни следа удивления или волнения. Это были действительно необыкновенные люди, победившие все страсти и сложившие их к ногам одной: жажды расширять свои знания.

После долгих совещаний Кришна повернулся к группе факиров и сказал:

– Берар, подойди сюда!

Начальник тугов без страха, но и без хвастливого, напускного презрения ко всему приблизился к этим старцам, кото-

рые из ученых вдруг превратились в судей.

Кришна начал своим медленным и серьезным голосом:

– Берар, мы поручили тебе отомстить за смерть Нариндры и за поругание над его останками. Как честный и верный слуга, ты исполнил это поручение с большой ловкостью, мужеством и искусством. Мы обязали тебя также выразить великодушному европейцу нашу благодарность за оказанную нам огромную услугу; то, что ты сделал в этом отношении, было достойно его и достойно нас. Все это было хорошо, Берар.

Факир почтительно поклонился, сто раз вознагражденный за свое усердие и жертвы этими немногими словами, на которые пундиты очень скупы. После довольно долгой паузы пундит продолжал:

– Но, исполняя наши приказания, ты не был слепым орудием мести или благодарности. Ты действовал помимо нас и, может быть, сам не сознавая этого, действовал даже против нас! Правда ли это, Берар?

– Правда, сайб...

– Спасая детей герцогини Ричмондской, хотя бы даже по просьбе нашего друга, капитана Пеннилеса, ты, может быть, разрушил план, задуманный нами, твоими господами, и этим доставил торжество нашему общему врагу, презренному англичанину. Ты нарушил клятву и умрешь!

– Я готов, сайб, – ответил факир просто и решительно.

– Принимая во внимание твоё усердие, твоё самоотвержение, многочисленные услуги, оказанные тобою твоим гос-

подам, ты умрешь самой благородной смертью, какой только может пожелать верующий. Это будет священное обезглавление.

– Благодарю, о лучший и самый уважаемый из властителей! – воскликнул факир, падая на колени.

– Пусть принесут кариват! – сказал холодно пундит.

Два факира тотчас же встали и вышли, чтоб поскорей исполнить приказание.

В числе странных и ужасных пыток, выдуманных индусами, существует добровольное обезглавление, совершаемое самим осужденным. Быть своим собственным палачом, отрубить себе голову решительно, одним ударом – это вещь довольно трудная. Надо непременно одним ударом, потому что в этом случае добровольный мученик считается святым; если же это ему не удастся, он считается оскорбителем святыни, и душа его должна переселиться в тело нечистого животного. Орудие этого убийства есть *karivat*. Это металлическое полулуние, по которому скользит очень тонкое стальное лезвие, приводимое в движение следующим образом: оконечности этого лезвия снабжены двумя цепями со стремянами на концах. Осужденный садится или ложится, надевает на шею полулуние и кладет ноги в стремяна. Потом он дает обеими ногами сильный толчок, достаточный для того, чтоб отделить голову от туловища. Такого рода самоубийство распространено у тех, кому надоела жизнь; они приводят его в исполнение с большой торжественностью, со всевозможны-

ми священными обрядами. Что же касается обреченных на него факиров, они исполняют его тем охотнее, что оно считается благородным искуплением. Таким образом, в глазах Кришны и других адептов Берар, лишая себя жизни, был одновременно и наказан, и вознагражден.

Оба факира вернулись, неся, как святыню, на широком белом полотнище роковое орудие казни. Они разложили покрывало на земле, и Берар стал на середину его, ловко расположив различные части karivat'a, которые загремели и зазвенели. Он надел полулуние себе на шею, вддел ноги в стремяна и сел, сильно согнув их, чтоб употребить в решительную минуту возможно большее усилие и отрезать себе голову одним ударом. Как человек, знакомый с неизменными обрядами этих трагических церемоний, Берар, приготовившись к действию, стал ожидать обрядовых слов, которые должен был произнести распорядитель обряда, а также знака, который тот должен был ему подать. Эти слова – священные изречения, читаемые пундитами; знак – это движение руки от сердца до уст...

Кришна начал читать длинную и монотонную псалмодию, продолжавшуюся несколько минут. Потом он остановился и посмотрел на Берара. Тот напряженно ожидал знака.

Но Кришна не сделал знака, за которым должна была последовать смерть факира. Обратившись к Берару, утомленному ожиданием, он сказал серьезно:

– Правила божественного Ману учат нас человечности:

они приказывают помогать слабым и не запрещают прощать... Ты проявил человечность... ты спас, несмотря на их происхождение, двоих детей, находившихся в опасности... и поэтому ты не исполнил в точности моих приказаний... В свою очередь, и я прощаю тебя и приказываю тебе жить!

– Хорошо, господин, я буду жить! – ответил Берар, принимая приказание жить с тем же хладнокровием, с каким он принял приказание умереть.

– Это подобие смерти будет твоим единственным наказанием. А теперь, сын мой, к делу! Некогда мы изгнали из нашей среды злодея, нечистого, сына свиньи... Биканеля! Мы оставили его в живых, так как закон настоятельно требует, чтоб никто не убивал брамина, даже недостойного. Однако сегодня мы осудили на смерть Биканеля. Мы узнали, что он надругался над священными останками нашего брата Нариндры, и поэтому он более не находится под защитой писания. Иди, Берар, иди!.. Отомсти за нас и освободи землю от этого чудовища!

Потом, обратясь к другим факирам, пораженным неожиданностью этой сцены, он прибавил:

– А вы, дети, готовьтесь отправиться в страну афридиев. Люди, ведущие священную войну, нуждаются в вашей помощи.

Глава IV

Безвыходное положение. – Минута отчаяния. – Раздирающий душу крик. – Звуки тромбона. – Тот, кого не ждали. – Разговор между человеком и слоном. – Примитивный телефон. – Бомбардировка и саперные работы. – Перед кирпичной стеной. – Ум слона. – Переговоры. – Воздух! – Берар, Боб и Рама.

Находка ящика с именем и гербом герцогов Ричмондских под основанием Башни Молчания была, конечно, событием весьма неожиданным. Пеннилес и Патрик одновременно вспомнили о богатстве того предка, который был убит в Канпуре и который доверил свои деньги гебрскому купцу, на честность и верность которого он полагался. Но благодаря каким таинственным обстоятельствам этот ящик, заключающий в себе огромное богатство, мог очутиться в этом мрачном месте, в которое никто не мог проникнуть, не будучи обвиненным в святотатстве? Впрочем, им некогда было долго рассуждать. Они уже начинали чувствовать недостаток воздуха. Надо было как можно скорее освободить выход назад, чтобы не задохнуться; за это дело и принялись все трое с помощью ребенка. Более чем когда бы то ни было измученные голодом и жаждой, слабо освещенные фосфорным блеском, придававшим им вид привидений, стесненные в узкой яме, где они едва могли шевелиться, они испытывали ужас-

ное чувство медленного удушения. Это была поистине ужасная борьба со смертью, которая и в простом, и в переносном смысле слова окружала их со всех сторон; но их непреодолимая энергия все-таки восторжествовала. Рука Пеннилеса, пальцы и ногти которого были покрыты кровью, разрыла последнюю кучу песка. Он вскрикнул, прильнув ртом к отверстию, вдохнул в себя воздух и немного пришел в себя, затем начал нервно выбиваться ногами, руками и машинально полез по наклонному коридору.

Он вылез на кучу костей, совсем раскаленных от солнца, которое сильно жгло. Высоко-высоко, теряясь в небе, которое было утомительно однообразного серо-голубого цвета, неподвижно парили несколько больших рыжих коршунов, между тем как остальные были погружены в тяжелую дремоту. В этой мертвой обстановке, в этой Башне Молчания, вполне заслуживавшей свое название, чувствовалось гнетущее одиночество. Он прошептал разбитым голосом:

– О Клавдия, Клавдия, увижу ли я тебя когда-нибудь?

И из его губ, растрескавшихся от ужасного жара, вырвался крик ярости, страдания, отчаяния, крик измученного животного. Против всякой возможности, как бывает иногда в мучительных кошмарах, извне раздался ответный крик, крик дикий, дрожащий; коршуны, слышав его, вытянули головы. Пеннилес, внезапно опомнившись, узнал этот звук, напоминавший звук медного инструмента, кимвала, тромбона:

– Уинк!..

– Рама! Это Рама! – сказал он, недоумевая, не веря своим ушам. Он закричал опять, как можно громче: – Рама, Рама, на помощь, на помощь!

– Уинк, Уинк!.. – раздался опять голос умного животного, которое в то же время принялось сильно пыхтеть.

– Рама, доброе животное, на помощь!

Услышав дрожащий и раздражающий звук голоса, обыкновенно столь ласкового и кроткого, слон понял, что его друг находится в большой опасности. Но так как он не умел выражать свою мысль различными способами, то он опять ответил:

– Уинк! Уинк! Уинк!

Как будто бы он хотел сказать:

– Я понял! Подожди немного!

Через несколько секунд раздался неслыханно сильный удар по железной двери. Большие рыжие коршуны, выведенные из оцепенения, развернули свои огромные крылья и начали летать с пронзительным визгом. Увы! Окованная железом дверь даже не дрогнула. Вероятно, слон поднял хоботом камень потяжелее, чем первый, так как Пеннилес слышал, как он пыхтел и визжал.

– Бум!

Раздался второй толчок, и камень, разбившийся от ужасного удара, разлетелся на тысячу кусков.

– Тут нужна была бы пушка! – пробормотал Пеннилес, разочарованный. Слон, со своей стороны, видя, что успеха

нет, оставил свои попытки. Он зарычал от гнева, и Пеннилес услышал, как он поскакал, будто цирковая лошадь, вокруг этой башни, в которой старался открыть менее защищенные места. В эту минуту послышался глухой шум в подземном коридоре. Товарищи капитана, беспокоясь, что он не возвращается, начали звать его и стучать ногами в ящик; звуки эти громко отдавались в сухом дереве. Слон тоже услышал подземный шум, остановился и стал пыхтеть. Пеннилес вернулся к товарищам, которые все еще продолжали стучать, и сообщил добрую новость. Теперь в глубине колодца можно было дышать и можно было бы даже чувствовать себя не очень скверно, если б не голод и жажда.

– Ах, капитан, – воскликнул Марий, – мы уж было потерялись совсем! Правда, Джонни?

– Yes! Очень было жутко!

– О, да, – прибавил Патрик, – мы боялись, что с вами что-нибудь случилось!

– Ну, да, случилось: прибежал слон и больше ничего. Этот добрый Рама один натворил весь слышанный вами невероятный шум и, конечно, спасет нас, не сомневайтесь в этом.

– Э! Если б мы могли ему помочь!

– Лучшее, что мы можем сделать, это сидеть смирно. За неимением жизненных припасов, воспользуемся здесь хотя бы прохладой: наверху солнце так жарит, что от такой температуры могли бы растрескаться скалы...

Действительно, это было самое разумное решение, и все

четверо сели и стали ждать событий. Они хранили теперь молчание и могли расслышать глухой шум над своими головами. Слышалась тяжелая походка, неожиданные удары, какое-то царапанье, будто скреблись мыши; все это доходило до них сквозь песок со странной отчетливостью. Время от времени Пеннилес с грохотом ударял ногой по ящику.

– Смею ли я вас спросить, капитан, зачем вы стучите по ящику? – спросил, наконец, Марий.

– Это род телефонного сообщения между мной и Рамой. Он там работает, добрый зверь, и я прошу его поторопиться.

Марий взглядывал тогда украдкой на своего начальника, лицо которого, при фосфорическом свете, казалось ему совсем необыкновенным. Он думал про себя, находя все это в высшей степени странным: «Пожалуй, у капитана-то мозг не в порядке... Он сильно взволнован и рассказывает вещи, которые меня что-то вовсе не утешают».

Однако наверху работа двигалась, благодаря ловкости, силе и уму чудесного помощника, который появился так кстати. Как его появление ни было удивительно, однако же дело произошло очень просто. Рама, который по ночам бродил всегда на свободе и любил свежесть, купанье в два часа ночи, прогулки по росе, никогда не бывал привязан или заперт. Он, впрочем, никогда далеко не уходил и его вожак всегда мог подзвать его к себе свистком. Когда беглецы были захвачены врасплох и уведены, он следовал за ними и убедился, что его друг Пеннилес находится в их числе. Злодеи ото-

гнали его камнями, заметив, что он подходит слишком близко. Он убежал, недоумевая, отчего с ним так худо обращаются. Он убежал, не возвращаясь в конюшню, не повидав своего жоака, избегая встречи с каждым, кто мог бы его остановить и принудить вернуться. Опустив хобот, обнюхивая след, он медленно подвигался, и его чуткое обоняние привело его к самой Башне Молчания. Но тут появилось большое затруднение. Люди, между которыми находился капитан, остановившись на некоторое время около башни, двинулись дальше. Был ли капитан с ними или нет? Слон побежал по следу, ворочая хоботом во все стороны, надеясь уловить знакомый запах. Он ничего не уловил и вернулся к башне.

Рама долго бегал вокруг мрачного убежища смерти и, не чувствуя ничего, кроме запаха хищных птиц, ничего не находил. Утомившись, он собирался уже уйти, когда раздался крик отчаявшегося Пеннилеса.

Рама тотчас же узнал голос своего друга капитана Пеннилеса и радостно ответил ему громогласным трубным звуком. Тогда между ними установился странный способ общения: слон прекрасно понял подаваемые ему сигналы и немедленно предпринял поистине удивительную работу.

Сперва умное животное еще раз попыталось поколебать дверь, бросая в нее камни, но видя, что его усилия бесплодны, прибегло к другому средству.

Слон ясно слышал, как капитан стучал каблуком по сундуку. Он подошел к месту, откуда слышался шум, внима-

тельно прислушался, приподнимая свои огромные уши, наклонил голову набок, как будто для того, чтоб сосредоточить все эти звуки в своей слуховой трубе и чтоб определить их направление. Сделав это и удостоверившись, что не ошибся, он немедленно приступил к работе. Сперва он осмотрел кирпичную ограду, ощупал ее хоботом и убедился в том, что она цела со всех сторон. Это, впрочем, не смутило его, но навело на удачную и любопытную мысль. Он поднял средней величины камень, обхватил его концом хобота и начал с силой водить им по кирпичу. Кирпич, менее твердый, чем кремень, быстро уступил продолжительному и сильному трению. Через десять минут от него отвалился кусок. Рама не желал ничего лучшего.

Он бросил кремень и тихонько ощупал обломки щупальцем своего хобота, потом вытащил их один за другим и убедился, что здесь образовалось маленькое отверстие. С неслыханной ловкостью и терпением Рама продолжал понемногу расшатывать уже наполовину рассыпавшийся кирпич. Это ему удалось без особого труда, и в знак удовольствия он издал опять оглушительный трубный звук. Когда первый кирпич вывалился, остальное дело уже не представляло особых затруднений. Парсы, строившие Башню Молчания, не имели в виду выстроить тюрьму, но единственно желали создать прочную могилу, хорошо выдерживающую борьбу с непогодой. Кирпичи были соединены только цементом, Рама вытащил второй кирпич, лежавший рядом с первым, потом

третий. Счастливый своим успехом, слон тихонько зарывал от удовольствия. А так как внизу все еще раздавались глухие звуки, то он принялся топтаться на месте, вилять хвостом, одним словом, всеми способами выражать свое желание поторопиться, которое он вполне доказывал и на деле.

Он теперь уже просто схватывал кирпичи хоботом, быстро вырывал их и отбрасывал шагов на десять, делая это все скорее и скорее. Отверстие заметно расширилось, удары раздавались все сильнее и непрерывнее. Между тем четверо заключенных начали заметно ослабевать. Они ведь целые сутки ничего не ели и не пили, у них во рту не было ни горсточки рису, ни капли воды. Патрик первый потерял сознание от истощения и главным образом от недостатка воздуха.

Он слабо вскрикнул и прошептал:

– Я задыхаюсь, я умираю! – потом пошатнулся, упал на сундук и лежал там без движения. Капитан хотел попытаться растереть его, чтобы усилить кровообращение, хотел вдуть немного воздуха в его рот, открыть сжавшиеся челюсти, но и сам начал чувствовать себя плохо. В ушах звенело; его глазам, при фосфорическом свете, являлись тяжелые, страшные видения; временами ему казалось, что его сердце перестает биться и что вся Башня Молчания начинает давить своей тяжестью на его грудь. Глухой шум, хриплое дыхание заставили его обернуться. Марий, который тоже начал задыхаться, повалился на песок.

– Э! God by! – воскликнул Джонни. – Что это такое?.. Это

ты, старая акула!..

Но он напрасно старался помочь умирающему товарищу. У него самого внезапно захватило дыхание, и он еле успел пробормотать:

– Капитан... я боюсь... что Рама опоздает...

Но нет! В ту минуту, когда рулевой без чувств повалился на тело боцмана, обвалилась огромная часть стены, и в колодец ворвались целые волны света и воздуха. В отверстие проскользнул подвижный хобот слона, и послышалось шумное дыхание, как будто свист кузнечного меха. Потом раздался знакомый трубный звук:

– Уинк!

Это был добрый Рама, который, разбив несколько кубических метров кирпичной стены, просунул свой хобот в открывшийся коридор и выражал свою радость самыми пронзительными звуками. В то же самое время наверху раздался лай собаки, и человеческий голос закричал в отверстие:

– Господин! Вы спасены! Это я, Берар! Освобожденный пундитом Кришной, я взял Боба, чтоб он нашел ваш след... Боб побежал за Рамой, и вот мы явились!

Глава V

В стране афридиев. – Пули дум-дум. – Ужасное действие. – Побеждены. – Мулла Фу. – Критическое положение пленных. – Кулачный удар дум-дум. – Излияния. – Караван в Каибрском ущелье. – Бандиты. – Атака. – Спасение. – Неизвестный друг. – Парс-негоциант и имущество герцогов Ричмондских. – Пленники осуждены на голодную смерть.

Афридии и их союзники с большим терпением сосредоточивали в Шакдарском лагере все средства для атаки и особенно для защиты. Они надеялись завлечь и удержать здесь английские войска, которым трудно было бы долго сопротивляться по причине голода и жажды. Мятежникам было тем легче отбить всякое нападение, что они представляли собой обороняющуюся сторону, что двойная линия их войск была защищена сильными естественными препятствиями и что, наконец, их армия была вдесятеро больше английской. Однако, несмотря на чудеса храбрости, горцы, эти опытные бойцы, снабженные современным оружием, были разбиты. В первую минуту они ничем не могли объяснить этого поражения, которое, в сущности, хотя и нанесло сильный удар их самолюбию, но не могло иметь окончательного влияния на ход войны. Им пришлось только отступить на несколько миль дальше в горы и там опять готовиться к отпору.

Однако же один факт отнял у них некоторую долю са-

моуверенности и заставил их действовать осторожнее, чем они действовали в последнее время. Вот какой это был факт. Атака со штыками, исполненная шотландским полком, оказалась непреодолимой. Ее, однако, не удалось бы довести до конца, если б огонь не оказался вдесятеро губительнее обыкновенного. Залпы произвели самое разрушительное действие и уложили на смерть целый ряд сражавшихся. Каждый человек, пораженный пулей, должен был считаться неминуемо погибшим или, по крайней мере, неспособным к дальнейшей борьбе, потому что легких ран, позволяющих солдатам продолжать борьбу, вовсе не существовало. Это происходило оттого, что в первый раз была пущена в ход новая пуля, обладающая просто удивительными свойствами. Прежде английские солдаты стреляли обыкновенными патронами с пулями, обложенными никелем. Эта пуля, очень маленького калибра, когда не попадала в кость, пробивала в теле только маленькое отверстие, не препятствуя раненым участвовать в бою, и фанатики-мусульмане обыкновенно продолжали сражаться с удвоенной храбростью. Уже итальянцы в Абиссинии убедились в бессилии малокалиберных пуль, которые, пробивая очень глубокие раны, тем не менее не укладывали на месте решительного и храброго врага. Как люди практические, англичане сумели найти патрон нового образца, который сразу прославился под названием пули дум-дум.

Дум-Дум – это маленький город, расположенный в шести

километрах от Калькутты, недалеко от Поля Бедствия; там-то и приготавливаются названные патроны. Это настоящее чудо искусства и жестокости в деле человекоубийства. В пуле прежнего образца никелевая оболочка мешала свинцу проникнуть в рану. «Средство», найденное англичанами, заключалось в том, что никелевая оболочка на концах пули была уничтожена и оставалась только на боках. Таким образом свинец, по английскому выражению, оставался открытым «на носу» снаряда. Отсюда происходит название пуль «мягконосовыми» (soft nozed), которое дано им филантропами, живущими по ту сторону Ла-Манша.

Soft nozed, или дум-дум – это поистине ужасная вещь. Пуля проникает в тело, где и застревает ее верхняя круглая оболочка, между тем как свинец продолжает свой путь, благодаря своей тяжести. Свинец, выходя из никелевой оболочки, располагается в виде гриба с расщепленными краями. Ткани размочаливаются, артерии, вены и нервы разрываются, кости обращаются в порошок. Одним словом, органические повреждения бывают таковы, что если отверстие, пробитое пулей при входе, имеет диаметр не более диаметра карандаша, то отверстие при выходе имеет часто более десяти сантиметров! При этих условиях зашивание ран, соединение сосудов, сама перевязка, все становится невозможным. Таким образом, в большей части случаев всякий, в кого попала эта пуля, погибал безвозвратно. Чтоб освободить Шакдарский лагерь, запруженный целой армией мусульман,

генерал главнокомандующий решился снабдить свои войска этими ужасными пулями. Это возбудило в туземцах дикую ярость. Эти воинственные нации, обладающие закоренелой страстью к битвам, привыкли к пулям с никелевой оболочкой, которые вели себя честным образом, едва задевали правых и заставляли их увериться в своей неуязвимости. И вдруг, без всякого перехода, без всякого приготовления, они увидели изуродованных раненых, одним словом, настоящую человеческую бойню. Началась паника, овладевшая самыми решительными, самыми смелыми людьми. Мулла Фу, старый Мокрани, чьи предсказания волновали и воодушевляли всех этих сектантов, пришел в неопишную ярость. Он обещал победу, полную победу, уничтожение всей английской армии! Престиж старого фанатика должен был сильно пошатнуться, если только что-нибудь могло поколебать престиж пророка. Он, однако, нашелся и сумел перетолковать священные изречения в таком смысле, что будто бы вина за поражение афридиев должна была быть приписана двум пленным офицерам. Обратив майора и лейтенанта в козлов отпущения было азбучным делом для муллы. Он имел тем больший успех, что побежденный всегда рад приписать свою неудачу посторонней причине. Опасность, которой подвергались оба офицера, была тем серьезнее, что они были совсем одни и окружены фанатиками, не останавливающимися ни перед какой пыткой.

Для них должны были выдумать одну из удивительных

и диких пыток, которые прельщают воображение азиатов, столь изобретательных в этом отношении. Они знали, что ничто не могло их спасти, и готовились ко всему, как люди, сознательно относящиеся к опасностям войны. Но у них было, по крайней мере, утешение, что окружавшее лагерь железное кольцо было сломлено. Не беспокоясь более об участи своих товарищей по оружию, они могли на свободе размышлять о своих собственных несчастьях. Пленники сохраняли бодрый и ясный вид перед оскорблявшими их фанатиками, и их гордая сдержанность пока еще внушала уважение необузданной толпе. Однако они чувствовали сильное стремление к уединению; им хотелось бы скрыться от всех устремленных на них глаз, даже, пожалуй, очутиться в тюрьме, чтобы там на свободе оплакивать дорогих умерших.

Мулла Фу особенно отличался по отношению к ним своей необузданностью и говорливостью. Покрытый скудными лохмотьями, с обнаженными руками и ногами, исхудалым лицом, блестящими глазами, взъерошенной бородой, он показывал им кулаки, осыпал их бранными словами или просто вцеплялся в них своими черными, кривыми ногтями, похожими на когти хищной птицы. И среди дождя непонятных пленникам слов они все чаще и чаще слышали слово дум-дум, произносимое с зловещими, бездумными восклицаниями.

Несмотря на свое спокойствие, удивительное для такого молодого человека, лейтенант Тейлор почувствовал, что

им овладевает сильный гнев. Майор увидел, что он вдруг скрестил руки на груди. Тотчас одна из них вытянулась, как стальная рессора, и с глухим шумом ударила крикуна. В то же время послышался треск костей, и старик тяжело упал с разбитой нижней челюстью.

– А этот кулачный удар, это тоже дум-дум? – холодно спросил лейтенант. Фанатик слабо шевелился и стонал; изо рта его бежала кровавая пена.

– Bravo, Тейлор! – сказал майор с печальной улыбкой. – Надеюсь, этот несчастный не будет больше призывать наших врагов к священной войне.

Оба офицера ожидали верной смерти после такого жестокого оскорбления уважаемого всеми человека. Однако ничего такого не случилось. Оттого ли, что престиж муллы сильно пошатнулся, оттого ли, что им готовили другого рода мучения, но оба офицера были заперты в каком-то домишке, выстроенном из сухого камня, перед которым постоянно стоял отряд бандитов, вооруженных с ног до головы. Только тогда им удалось обменяться несколькими словами, излить друг другу свою душу и поразмыслить об ужасных известиях, полученных в момент начала сражения. Майор первый прервал молчание, царившее в течение нескольких минут в мрачной темнице, куда их заключили.

– Ah, Тейлор, – прошептал он разбитым голосом, – я очень несчастлив. Моя жена, обожаемая подруга моей жиз-

ни, умерла... убита... Ясновидение меня не обмануло. Мои бедные дети останутся теперь одинокими, беспомощными, так как меня нельзя больше считать их опорой!..

– А я разве менее несчастлив, милорд? Я потерял отца, и он тоже убит! Отец убит, мой первый, мой единственный друг! Ах, милорд, я хотел бы плакать, как замученное дитя! Я не могу выразить ужасного чувства, которое я испытываю при мысли, что никогда его больше не увижу, никогда не услышу: «Мой маленький Эдуард»... потому что для него я все еще был маленьким... Ах, мой отец, мой отец!

В течение нескольких минут эти два мужественные воина, видевшие смерть лицом к лицу на поле битвы, дали свободно излиться удручающему их горю. Из глаз их текли обильные слезы.

– Подумайте только, Тейлор, – сказал майор, стараясь придать твердость своему голосу. – Мэри только пятнадцать лет, а Патрику еще нет и четырнадцати. Их мать умерла, их гнездышко расхищено. Что с ними теперь будет? Они остались без средств! Слышите вы, без средств, и притом гордые, как шотландцы! Потому что, должен признаться вам, милорд, я беден, как младший член семьи.

– Что в богатстве, милорд! Вы благородны, как Стюарты, и мужественны, как все эти храбрецы, сражающиеся в рядах Гордонова полка.

– А как мы были счастливы! Счастье наше было настолько полно, что можно было бояться за его продолжительность...

В тюрьме было несколько каменных скамеек и несколько соломенных рогож. Майор опустился на одно из этих сидений, и лейтенант сел около него, забывая о своем собственном несчастье. Повинуясь непреодолимому желанию открыть свою душу, майор прибавил:

– Наша семья, когда-то очень богатая, совершенно разорилась после Каунпурской резни, которая облекла в траур наше милое отечество.

– Да, – прервал лейтенант, – нет семьи во всем Соединенном Королевстве, которой не пришлось бы оплакивать потерю.

Майор рассказал, как его отец доверил все свое богатство гебрскому негоцианту и как он был убит вследствие ужасной измены, наложившей неизгладимое пятно на память Нена-Саиба. Он рассказал еще, как он сам, спасенный из колыбели, оставшийся без опоры, был воспитан за счет государства, вместе с детьми других жертв, испытал все невзгоды сиротской жизни, военного воспитания в Индии, бедственного офицерского существования. Он рассказал про свою женитьбу, про свое счастье, надежды, увеличение семейства и про свое полное неведение того, куда попало сокровище, вверенное его отцом гебрскому негоцианту. Потом он продолжал:

– Я подошел теперь к самому романтическому моменту моей жизни. Это случилось за несколько дней до начала военных действий, месяца три тому назад. Губернатор Пеша-

вара, предвидя восстание, поручил мне произвести быструю рекогносцировку расположенных на границе постов и дал мне с этой целью пол-эскадрона красных улан.

Я двинулся вперед и увидел вдалеке приближающийся к нам караван тяжело нагруженных верблюдов; он причудливо извивался по склону горы и направлялся в нашу сторону. Тогда все было еще мирно; этот караван, везший товаров на целые миллионы, шел без охраны, и верблюдоожатые почти не были вооружены. Мне вдруг пришло в голову, что такая ценная добыча может возбудить жадность разбойников. Я и не думал, что мысль так скоро осуществится. За Али-Маджидским ущельем прятались четыреста человек бандитов, которых я увидел в бинокль совершенно ясно. Едва только караван углубился в ущелье, как раздалась бешеная стрельба. Бесконечная линия тотчас пришла в беспорядок, заколебалась, порвалась, растерянные вожак разбежались или бросились на колени, умоляя нападавших о пощаде. Разбойники бросились на легкую добычу, развязали вьюки и без жалости задушили тех, кто просил пощады.

Нас было шестьдесят человек, скрывшихся за выступом скалы. Я выступил вперед, приказал вынуть штыки и заряжать ружья. Трудно поверить, но мы понеслись, как смерч, по руслу потока, заваленному обломками. Я увидел восьмидесятилетнего старца, которого бандиты сняли с верблюда и собирались убить. Один из них держал его за длинную белую бороду, другой поднял палаш.

Ответным ударом я выбил саблю из рук разбойника и пронзил горло тому, который держал старика за бороду. В то же время мои уланы кололи штыками на все стороны. Спустя короткое время на земле уже лежали двести бандитов, пронзенных смертельными ранами. Остальные, думая, что за нами появится целый полк, разбежались куда могли. Караван, стоивший несколько миллионов, был спасен. Он весь принадлежал старику, которого я спас от смерти. Он с чувством выразил мне свою благодарность, спросил мое имя и, услышав его, был сильно поражен.

– Герцог Ричмондский, – сказал он своим старческим голосом, дрожа и запинаясь. – Сын полковника, убитого при Каунпуре! Ах, милорд, я долго искал вас, чтоб передать вам имущество, доверенное мне вашим отцом.

– Какое имущество, что вы хотите этим сказать? – спросил я с изумлением.

– Богатство герцогов Ричмондских, более миллиона фунтов! Но вы исчезли во время смятения, и я никак не мог вас найти. Потом меня постигло несчастье. Я потерял свое богатство, и, пытаясь вернуть его, был взят в плен и продан в рабство кабульскому эмиру. После долгих лет, проведенных в плену, мне удалось бежать и достигнуть русских владений. Меня поймали, опять продали, и я долго оставался на службе у бухарского хана. Наконец, мне удалось начать торговлю для себя. Разбогатев, я возвращаюсь в свою страну и везу с собою такое огромное богатство, которому мог бы по-

завидовать даже раджа; тут-то вы спасли меня, милорд, вы, сын человека, почтившего меня своей дружбой!

Майор на минуту остановился, оставив лейтенанта в полном изумлении от всего слышанного, потом продолжал своим печальным голосом:

– Не правда ли, Тейлор, эти события моей жизни сильно напоминают роман?.. Что ж я могу еще прибавить? Я вернулся в Пешавар и проводил туда старого негодяя, так тесно связанного с историей моего семейства. Одаренный чудесной памятью, он в полной подробности помнил все, что касалось Каунпурской драмы. Он не забыл места, где он скрыл сокровища моего отца, на память сделал мне подробный план этого места, присоединил к нему подробные объяснения и отдал мне драгоценные документы, умоляя спрятать их в верном месте. Кроме того, он обещал мне, окончив свои собственные дела, превратить драгоценности в деньги и положить их на мое имя в одно из финансовых учреждений империи. Он заклинал меня поторопиться, говоря, что он очень стар и ему осталось недолго жить. Я переслал документы жене, объяснив ей, какое значение они имеют для нас и для наших детей. С тех пор я больше не получал известий от старого парса-негодяя. Моя несчастная жена была убита через несколько часов после получения моего письма... наш дом разграблен и сожжен... мои бедные дети пишут мне, что все погибло. Они сами, не имея никаких средств, ехали с бедными эмигрантами Поля Бедствия, пострадали от же-

лезнодорожной катастрофы и были спасены только заботами великодушного чужестранца, капитана Пеннилеса... Но они беглецы... они находятся под гнетом таинственной и страшной опасности!.. Они принуждены скрываться и находились в момент, когда Мэри писала это письмо, в неизвестной пагоде, имени которой они не знают.

– Однако, милорд, надо надеяться, что они будут вам возвращены, – сказал лейтенант. – Несчастье не может все время обрушиваться на одних и тех же лиц.

– Разве мы сами не служим доказательством обратного, если подумать о постигающих нас в последнее время катастрофах!

– Я не верю, что нам долго придется оставаться в плену; напротив, у меня есть предчувствие, что нас скоро освободят: случится что-нибудь неожиданное, но непреодолимое.

– Вы молоды, мой друг, а молодость легко поддается безумной надежде. Что до меня, я сделаю все на свете, чтобы увидеть моих бедных малюток; но я не имею на это никакой надежды. Что бы там ни было, поклянитесь мне, если вас отпустят на свободу, отыскать их, любить и позаботиться о них, как старший брат. Я прошу вас об этом, как самого храброго, самого дорогого товарища по оружию...

На энергичном лице молодого человека отразилось живое волнение при этих торжественных словах. Потом он тихо покачал головой, говоря:

– Милорд, не забудьте, что моя судьба тесно связана с ва-

шей... я не могу жить, если вы погибнете... я не могу остаться на свободе, если вы в плену.

– Но если б вы освободились... если б мы оба убежали, и я был убит... обещайте, Тейлор...

– Я клянусь, милорд, что сделаю все, о чем вы меня просите. Я клянусь вам уважаемой памятью моего отца.

Внезапное появление отряда афридиев, под предводительством человека мрачного вида, прервало этот разговор. Человек посмотрел на обоих англичан с невыразимой ненавистью и сказал им:

– Суд, который рассматривал ваше дело, приговорил вас к смерти. Вы умрете от голода и жажды. Ваши трупы, разрезанные и посоленные, будут посланы главнокомандующему английской армии. Так будет со всеми пленниками, пока останутся в употреблении пули дум-дум!

Глава VI

Подвиги слона. – Похищение ящিকা. – Воды! – Бегство. – Охота Боба. – Жаркое из навлинов. – Как Берар проводит ночь. – Таинственные сигналы. – У тугов. – Поклонники Ка-ли. – Подчиненные Берара. – Под защитой бенгальских ду-шителей.

Увидев, что хобот Рама проник в отверстие, пробитое под Башней Молчания, и узнав голос Берара, капитан закричал: – Берар, мой дорогой друг, это ты! Ах, ты пришел как раз вовремя... Скорей! Воды, воздуха, мы умираем!

Берар сказал несколько слов слону, который вытащил свой хобот и ускакал. Через несколько минут он вернулся, опять просунул хобот в отверстие и начал тихонько дуть. Послышалось громкое журчание, и целый водяной смерч упал на группу. Задыхавшиеся попали под настоящий ливень, но ливень благодетельный: он оживил несчастных, находившихся, в буквальном смысле слова, в агонии. Марий, приняв душ, пришел в себя, отряхнулся и воскликнул:

– Ах, Боже мой! Ведь, кажется, идет дождь! Джонни, милый мой, надейся и смотри...

– Нет, я лучше буду пить! – ответил янки, вдруг оживившийся под действием этого ливня.

– Да это Рама! – воскликнул удивленный провансалец, разглядывая в отверстие черный профиль слона, обрисовы-

вавшийся на светлой полоске неба. – Вот что, можно сказать, называется чутьем!

Патрик тоже открыл глаза и не мог опомниться от удивления, почти от страха, при виде этой сцены.

– Не бойся, дитя мое, – сказал ему Пеннилес. – Это наше спасение...

А так как хобот Рама не доставал до группы, Пеннилес крепко схватил мальчика за бедра, приподнял его на руках и закричал:

– Держи крепче, Рама!

Слон схватил Патрика, осторожно вытащил его из углубления и поставил на землю. Это было сделано так нежно и осторожно, что Патрик был глубоко тронут: он обнял обеими руками подвижной хобот и поцеловал его. Рама, очень чувствительный к этой ласке, затрубил как можно нежнее и снова начал ощупывать внутренность колодца. Он вытащил Мария и Джонни и изъяслял некоторое нетерпение по поводу того, что не может вытащить своего друга из этой ямы, где он должен чувствовать себя так худо. Но у Пеннилеса было нечто другое на уме.

Прежде чем вылезть, он хотел вытащить и ящик, который здесь уже не был в безопасности. Для этого нужны были крепкие веревки. Он закричал в отверстие:

– Марий, Джонни, Берар! Мне во что бы то ни стало нужен канат или что-нибудь очень крепкое! Ищите все трое! Найдите мне то, что мне нужно!

– Э, капитан, я нашел, что вам нужно, – ответил Марий. – Вот там растет тростник: он послужит нам отличным канатом.

Спустя короткое время полудикий индус и оба моряка, по профессии своей привыкшие всюду находить выход, набрали несколько стеблей тростника, прочных, крепких, как сталь; разорвать их было совершенно невозможно. Неутомимый Пеннилес обвязал ими сундук, потом стал карабкаться вверх; Рама подхватил его и поднял хоботом. Счастливым, что добрался до своего благодетеля, слон осторожно положил его на землю и, буквально обезумев от радости, принялся скакать, производя оглушительные звуки. Боб тоже скакал, прыгал, запыхавшись, перебегал от одного к другому и трогательно выражал радость преданного животного. Осталось только вытащить сундук. Пеннилес завязал ушком концы тростника, продетые в ручки сундука, и подал эти петли слону. При этом он тихонько поласкал животное, которое усиленно обнюхивало петлю и ощупывало этот канат хоботом, как будто желая узнать его размеры и убедиться, что ничто не может его поранить. Потом Пеннилес закричал:

– Тащи его, тащи, мой милый Рама!

Слон захватил канат хоботом, потом начал тянуть его медленно, постепенно. Сундук стал подниматься, задевая за песчаные стенки и заставляя их осыпаться. Наконец, он появился наверху, массивный, тяжелый, прочный, окованный железом, с гвоздями и винтами, толстыми бортами и доской из

серебра, на которой ясно можно было видеть имя и герб герцогов Ричмондских.

Когда трое мужчин и ребенок начали дышать свежим воздухом, когда они освободились из своей отвратительной тюрьмы, то почувствовали новый припадок слабости. Они изнемогали от голода и особенно от жажды.

– Воды, воды! – кричали они. К счастью, помочь им было не трудно. Берар отвел их или, лучше сказать, притащил к колодцу, служившему для очистительных церемоний, совершавшихся парсами во время погребения. Вода была теплая, невкусная, сомнительной чистоты. Они бросились на нее с опьянением и стали пить с жадностью, которая ясно говорила, сколько они выстрадали. Факир был вынужден запретить им это, напомнить им, что здесь было не безопасно... надо было бежать...

Бежать!.. Это правда... Биканель и его люди могли вернуться. Это было даже весьма вероятно, потому что полицейский агент, вероятно, захотел бы убедиться в том, что рыжие коршуны, сидевшие на решетке, исполнили свое обычное отвратительное дело. Благодаря уму и удивительной ловкости Рамы, который позволял делать с собой, что угодно, сундук удалось взвалить на его толстую спину.

– А теперь, – сказал Берар, – едем! Бежим, как можно скорее и как можно дальше!

Патрик был решительно не в силах ступить ни одного шага. Марий собрал последние силы, взял Патрика к себе на

спину, держа его за руки, и сказал ему:

– Ободришь, мой голубчик: мой старый скелет еще сослужит нам службу.

Берар встал во главе кортежа и, углубившись в густой тростник, позвал Раму. Слон послушно последовал за ним, раздвигая своим туловищем стебли невысокого, но крепкого тростника. Все пошли по следам толстокожего животного и шли таким образом около часа. Поросли кончались, и начинались джунгли, более доступные, но еще более опасные.

Ночь наступала, и несчастным беглецам невозможно было идти дальше. Голод и усталость мучили их. За недостатком более вкусной и более существенной пищи, Берар достал им несколько диких манго, несколько едких и жестких ягод зонтичной пальмы, которые немножко утолили или, лучше сказать, обманули этот голод. Они шли вслед за добрым Рамой, который по крайней мере имел возможность там и сям по пути подкрепиться пучком душистой травы, сочными древесными почками, нежными стеблями или дикими плодами, которые он на ходу вырывал хоботом и ел с полным удовольствием. Наконец, они остановились в прогалине. Собака только что скрылась в засеянном хлебом поле, в поисках добычи. Вдруг послышался крик птицы и судорожное хлопанье крыльев. Все инстинктивно бросились в ту сторону, и Патрик первый застал свою собаку за ощипыванием великолепного, задушенного им павлина. Марий вскрикнул от удивления и удовольствия.

– Чудесное угощение, приятное для глаз и для желудка! Это как будто молодая цесарка! Капитан! Я приготовлю вам отличное жаркое, на славу!

Пока он ощипывал великолепные перья птицы, Боб поймал еще добычу. Он схватил самку на гнезде и тоже задушил ее. Патрик взял ее от него, обещая ему хорошую долю, когда кушанье будет готово. Скоро заблестело яркое пламя от костра, разведенного Бераром; ощипанные павлины начали поджариваться на устроенном Марием вертеле. Беглецы немного оживились и, как люди, закаленные в путешествиях, почувствовали бы себя вполне хорошо, если б не мысли о миссис Клавдии и Мэри. Эта мысль, как легко себе представить, удручала капитана, заставляла его страдать и сильно огорчала его преданных и верных товарищей. Напрасно он старался убедить себя в том, что его жена не подвергалась никакой опасности, что это дерзкое похищение не будет иметь других последствий, кроме требования большого выкупа, что это шантаж, от которого пострадает разве только казна богатого Керосинового Короля. Напрасно он старался вызвать в своей памяти воспоминание о мужестве и выносливости жены, о ее находчивости, решительности и обо всех подобных ее качествах, которым могли бы позавидовать многие мужчины.

Он чувствовал в сердце острую боль, которая давила его до того, что он готов был кричать. Берар сорвал большую ветку с листьями и бил ею по траве, чтоб отогнать пресмы-

кающихся и вредных насекомых. Патрик, подкрепившись куском жареного павлина, заснул рядом с Бобом. Марий и Джонни последовали примеру Патрика, между тем как капитан не мог заснуть и сидел около огня, отблески которого ложились на слона. Берар тоже не спал и усердно работал. Он нарезал большое количество тонкого и гибкого тростника и с невероятной быстротой сплел из них очень легкую, но прочную корзинку. Потом он свил из того же тростника лестницу, не менее гибкую, чем веревочная; Рама спал, прислонившись к дереву; у него на спине все еще находился ящик, найденный в Башне Молчания. Берар подошел к доброму животному, которое стояло неподвижно, и бросил вверх лестницу; она зацепилась за один из углов ящика. Берар влез по лестнице наверх и сказал капитану, который, как ему было известно, не спал:

– Не захочет ли саиб почтить своего слугу, оказав ему помощь?

– Да, Берар, что надо делать?

– Пусть саиб подаст мне эту тростниковую корзину.

Капитан подал ему этот предмет, напомилавший клетку, и Берар, поблагодарив его, усердно занялся прилаживанием ее к ящику. Пеннилес подавал ему веревки по мере того, как работа подвигалась, и факир привязывал их с удивительной быстротой. Через полчаса легкое здание была прочно утверждено на спине слона, который дремал с полузакрытыми глазами, уши настороже, как бдительный часовой, от которо-

го не укроется малейший шум. Капитан при свете костра с удивлением следил за этой странной работой.

– Да ведь ты устроил нам houdah! – сказал он наконец.

– Да, господин, это houdah, в который вы все поместитесь.

– А ты?

– А я сяду вместо вожака на шею у моего друга Рамы. А теперь, саиб, если вы захотите выслушать меня, я дам вам совет: ложитесь и отдохните немного, днем предстоит нам тяжелый труд.

– Но я не могу спать. Нет, это невозможно!

– Не можете? Засните, сейчас, саиб, засните, потому что вы должны непременно отдохнуть. Засните тут, около Рамы.

Удивительное дело! Капитан тихонько опустил на землю, его веки замигали, потом он растянулся на траве и уснул сном ребенка.

На заре факир разбудил его. Он кончил свою работу с первыми лучами солнца: срезав несколько прекрасных листьев зонтичной пальмы, привязал их к тростниковой клетке, сделав из них крышу и, с удовольствием и гордостью выслушав похвалы, которые беглецы расточали ему, сказал:

– Я сделал, что мог; теперь едем!

Все без труда взобрались по лестнице на спину Рамы, в том числе и Боб, которого посадили на руках, и устроились в корзине, только, к сожалению, натошак. Рама пустился в путь, взяв направление, указанное ему Бераром. Он шел около шести часов, не останавливаясь ни на минуту. Беглецы

уже опять стали мучиться от голода и жажды, когда Берар, увидя несколько соломенных шалашей, живо слез на землю. Он осмотрел первую из этих хижин и увидел, что на левом углу двери был начерчен черный треугольник с черным кругом посередине. Все это было очень трудно разглядеть, и непривычный человек не обратил бы на это внимания. Но Берар радостно воскликнул:

– Пусть сайбы сойдут! Мы здесь в безопасности.

Он приложил лезвие своего ножа к губам и издал резкий, странно переливавшийся свист. Через несколько минут выбежали два человека, обменялись с Бераром какими то таинственными знаками и упали перед ним на колени. Это вызвало у Мария смешное замечание:

– Кажется, друг наш Берар здесь считается важной птицей!

Берар с достоинством велел им встать, потом долго говорил им на индусском языке, и они внимательно его слушали. Потом они закричали, и в ответ на их крик появились их жены и ребяташки, спрятавшиеся за кусты при появлении каравана. С поспешностью и как будто с некоторым страхом они принесли в посудинах свежей воды, рисовой водки, пшеничные лепешки, фрукты, мед и для слона связки маисовых колосьев. Бедные истощенные путники едва верили своим глазам. Пока они делали честь этим простым кушаньям, находя их великолепными, оба незнакомца взяли по палке, небольшое количество провизии и приготавились уходить.

Они поклонились Берару до земли, потом стали на колени и растянулись перед ним с благоговением, доходившим до идолопоклонства. Факир сделал им знак своими сухими и жилистыми пальцами, они бросились в джунгли и исчезли, как тени.

– А теперь, – прибавил Берар, – эти дома принадлежат нам. Все, что в них есть, – наше; сами их хозяева наши верные рабы до смерти. Пейте, ешьте, спите, живите спокойно, без малейших забот! Вы здесь можете чувствовать себя спокойнее, чем под охраной целого полка солдат.

Джонни, Марий и Патрик слушали с удивлением и восхищением. Но Пеннилес серьезно покачал головой и спросил:

– Можешь ли ты мне сказать, Берар, кто эти люди?

– Саиб наверное догадывается. Пусть он отойдет со мной в сторону, и я все ему скажу.

Они отошли на несколько сот шагов и подошли к величественным руинам, скрытым под гигантскими деревьями.

– Вот, – прибавил просто Берар, – один из храмов богини Кали, жрецом которой я состою. Эти люди – хранители этих развалин, туги-душители, мои верные, неподкупные слуги, исполнители моей воли. В Бенгалии их имеется под моим начальством более десяти тысяч.

Несмотря на свое мужество, капитан почувствовал легкую дрожь, выслушивая признание Берара.

– Куда они пошли? – спросил Пеннилес.

– Они ушли, получив формальное приказание завербо-

вать человек десять помощников и потом отыскать и спасти супругу саиба и молодую англичанку. Саиб нигде не найдет более искусных ищеек и более верных сторожей.

«Я нахожусь под защитой бенгальских тугов, – это вещь не совсем обыкновенная, – подумал капитан, – и моя милая Клавдия будет очень удивлена, когда узнает, что принимала услуги этих страшных сектантов».

– Как только они найдут след, – продолжал Берар, – они вернутся сюда известить вас, между тем как другие будут продолжать преследование.

– Благодарю, Берар! Твоих благодеяний и услуг по отношению ко мне и не перечесть, и я, право, не знаю, как выразить тебе мою благодарность.

– Господин, вы не обязаны мне ничем! Я считаюсь тут Царем Мрака, и мне повинуются целая армия фанатиков... Но надо мной стоят просвещенные, Цари Света, которым я повинуюсь в свою очередь и которые покровительствуют вам... Они приказывают, я слушаюсь их!

– Так значит, – сказал капитан, – из твоих слов выходит, что обожатели свирепой Кали повинуются браминам...

– Им здесь повинуются все, господин...

– Объясни точнее, друг факир...

– Господин, я должен хранить эту тайну, но вы не англичанин, и я отвечу вам. Во-первых, знайте, что место, где мы обитаем, внушает всем такой ужас, что никто, даже белый, не осмелится к нему подойти. Здесь земля пропитана челове-

ческой кровью. Здесь были убиты тысячи и миллиарды людей, начиная с того момента, когда этот, теперь разрушенный, храм воздвигся в честь Дурги, супруги Шивы, которую мы зовем Кали.

– Но в таком случае, это страшное общество душителей ничто иное, как религиозная секта?

– Да, господин, это религиозная секта.

– Но я думал, что туги убивают или из мести, или ради грабежа.

Факир слегка улыбнулся и прибавил:

– Каков бы ни был мотив, побуждающий туга убивать, убитый тем не менее приносится в жертву богине смерти Кали. Посвященные третьей степени, просвещенные пундиты, указывают на жертву посвященным второй степени, которые, как я, повелевают душителями. А эти последние действуют по нашим приказаниям! Случается иногда, что исполнитель завладевает имуществом жертвы! Что ж вы хотите? Человек несовершенен. Но большая часть, поверьте мне, действует из чисто религиозного принципа.

– Это странно!

– Да, странно, в то же время и естественно. Во вселенной, как это видно везде и всюду, принцип разрушения противопоставляется принципу созидания. Если б не было смерти, то на земле был бы избыток жизни, несовместимый с равновесием природы. Кали наша воплощает принцип, уравнивающий избыток жизни... Она приказывает, чтоб избы-

ток был уничтожен. Вот отчего секта тугов, со своими таинствами, жрецами и обрядами, имеет божественное происхождение.

– Как будто еще недостаточно болезней, несчастных случаев и в конце концов старости! – прервал Пеннилес.

Факир возразил сухо, со складкой на лбу и блестящими глазами, как истый фанатик.

– Так учат и так хотят брамины, властители нашей жизни, нашей мысли, нашего ума! Итак, посвященные выполняют священную обязанность! И нет посвященного, который мог бы хотеть чего-нибудь! Они выдерживают долгое и трудное испытание... надо быть здоровым и телом, и духом, обладать физической ловкостью, выносливостью, и отказаться от всего, – прежде чем позволено произнести клятву у ног богини.

– Клятву крови! Ты уже второй раз упоминаешь о ней... Как путешественник, который хочет видеть и учиться, я хотел бы, чтоб ты сказал мне ее формулу.

При этой просьбе факир содрогнулся и как бы онемел.

– Моя жизнь принадлежит вам, саиб, – ответил он сдавленным голосом, – я готов пролить за вас свою кровь... Но не пытайтесь узнать ужасную клятву, которую мы не смеем повторять сами себе после того, как произнесли ее перед алтарем богини.

– Я не настаиваю, – сказал Пеннилес. – Но по крайней мере объясни мне, как английское правительство терпит вас

и оставляет вас жить?

– Потому что ему не остается ничего другого. Оно часто пыталось нас уничтожить. Но, как всегда бывает в подобных случаях, преследования, мучения и смерть только придали нашей секте новую силу. После этого мы ужасным образом отомстили некоторым членам правительства, и оно, наконец, поняло, что лучше разрешить нам уничтожить ежегодно несколько тысяч «туземцев», чем подвергать серьезной опасности жизнь хотя бы нескольких белых, потому что мы никогда не трогаем белых, если они сами на нас не нападают. Что я скажу вам еще, господин? Забота, которую мы проявляем при выборе учеников, образование, которое мы им даем, и вообще наша организация делают нас неуязвимыми. Все это доведено у душителей до высшей степени совершенства. Они будут подстерегать свою жертву целые дни, недели, месяцы, но в конце концов все-таки найдут средство окрутить ей вокруг шеи роковой черный шелковый платок, который служит нам единственным орудием, потому что нам запрещено проливать кровь. И, наконец, знайте, что у нас есть сообщники везде. Понимаете: везде! В армии, в администрации, в населенных городах, в джунглях... Одним словом, могущество наших властителей безгранично! Впрочем, вы скоро сами убедитесь в этом, потому что, будь я не я, если ваша благородная супруга и молодая англичанка не будут свободны в самом скором времени!

– Я надеюсь, как и ты, факир, и потому примиряюсь с по-

ложением, которое невыносимо, – с ожиданием.

Но Берар, дикая предусмотрительность которого не забывала ничего, забыл, однако же, что Биканель – посвященный третьей степени, просвещенный, обладал тайнами тугов и был способен на страшную месть.

Глава VII

Проект Денежного Короля. – Ярость Биканеля. – Конечно! – Что случилось с людьми, бежавшими из Башни Молчания. – Еще магнетический сон. – Биканель узнает о существовании сокровища. – Преследование. – В храме Кали. – Укротитель тигров.

Миссис Клавдия, мужественная супруга капитана Пеннилеса, и ее молодая подруга Мэри после своего похищения ни разу не подвергались особенно серьезной опасности. Между капитаном Пеннилесом, Керосиновым Королем, и Джимом Сильвером, богатым американским миллионером, давно уже существовало соперничество. Оба они желали получить руку миссис Клавдии, которая, как и следовало ожидать, предпочла умного и сердечного человека, притом прекрасного, как полубог, грубому янки, чье единственное достоинство заключалось в деньгах. Богач почувствовал жестокую ненависть к супругу молодой женщины и никогда не мог простить ему его счастья. Кроме того, он все еще страстно любил миссис Клавдию и, несмотря на отсутствие всяких шансов, поклялся, что рано или поздно женится на ней. Для этого он должен был лишить жизни Пеннилеса, с виду устранить себя от участия в этом деле и, выбрав удобный момент, явиться к молодой вдове и предложить ей в виде утешения свою руку и деньги. Впрочем, это последнее рассуждение должно было

само собой рассыпаться. Если даже допустить, что Пенни-леса удастся уничтожить, то из этого еще не следовало, что миссис Клавдия не останется ему верной и что она захочет утешиться. Но грубый янки, так как ему все удавалось купить за деньги, не сомневался и в этом.

Читатели помнят, с какой хитростью и в то же время с каким полным отсутствием нравственного чувства он сумел устроить свои дела и как ему чуть не удалось уничтожить своего соперника. Теперь он был уверен, что Пеннилес растерзан рыжими коршунами на Башне Молчания.

Он стал искать подходящего предлога, чтобы сблизиться с молодой женщиной, и сговорился с Биканелем, что будет играть роль освободителя. В назначенную минуту он внезапно явится с набранными по дороге людьми якобы освободить обеих пленниц. Это имело даже несколько романтический характер, что прельщало этого травленого волка-финансиста. Но странный случай разрушил этот проект. Жестокий и хитрый Биканель захотел убедиться, что мщение его осуществилось.

Устроив своих пленниц в надежном месте, где они строго охранялись его сообщниками, он вернулся на другой день утром к Башне Молчания. При виде бреши в стене брамин изменился в лице. Он спустился в углубление, проник во внутренность колодца, не нашел никаких окровавленных останков.

Везде были огромные следы слона, следы собаки и босых

ног факира. Тогда он понял все, понял, что он обманут. Он пришел в ярость, ломая себе голову, как догнать пленников. Потом вдруг странная мысль возникла в его мозгу. Гипнотизм! Магнетический сон! Ясновидение!..

Всем известно, что брамины и даже простые факиры в течение целых столетий уже знакомы с поистине удивительными явлениями, которые наши ученые не знают или которыми они пренебрегают. Столетняя практика позволяет им добиться от этих явлений самых удивительных результатов, и европеец должен считать себя очень счастливым, если они соглашаются приподнять перед ним краешек завесы, которую упорно держат опущенной. Вся эта таинственная наука была знакома Биканелю. Ему пришло в голову, что Мэри могла бы быть в данном случае медиумом¹⁴ и, не откладывая, он велел ей уснуть.

Читатели помнят, что Мэри была один раз усыплена факиром и что он запретил ей засыпать по чьему бы то ни было приказанию, кроме миссис Клавдии. Помимо сознания молодой девушки, это формальное приказание действовало еще и теперь и заставляло ее отражать всякое постороннее внушение. Видя это необъяснимое сопротивление, брамин испустил дикий, сдавленный крик, похожий на рычание тигра. Его глаза засверкали, рот искривился, обнажив белые, острые зубы хищного животного. Испуганная Мэри попятилась и жалобно вскрикнула. Этот взгляд жег ее мозг и при-

---

¹⁴ Медиум (лат.) – посредник между духами и людьми.

чинял ей невыносимое страдание.

Графиня де Солиньяк подошла и сказала возмущенно:

– Не мучьте этого ребенка!

Он закричал ей грубым голосом:

– Молчи, женщина!

В то же время он бросил на нее пристальный взгляд, сделал направленный на нее жест, описывающий в воздухе круг, и издал резкий свист. Молодая женщина тихо застонала, попятилась и скорей упала, чем села, на траву. Не будучи в силах говорить, двигаться, тем не менее она все видела и слышала, как в кошмаре. Биканель подошел к Мэри и закричал ужасным голосом:

– Спите! Я так хочу!

Мэри начала биться, схваченная сильнейшей судорогой, и пробормотала:

– Я не могу!.. Не могу!..

– Спите, я вам говорю, спите! Это необходимо!

Она прохрипела умирающим голосом:

– Вы меня убиваете! Сжальтесь! Пощадите!

– Спите!

– Пощадите! Я умираю...

На ее губах заклубилась розовая пена, глаза, расширившиеся от страха, неподвижно уставились в одну точку, по ее лицу, бледному, как воск, струился пот. Без сострадания к этим мучениям, к этой агонии, злодей быстро сделал разрывающий жест перед самыми глазами Мэри и издал тот же

резкий свист, которым он ошеломил миссис Клавдию, затем произнес в последний раз с выражением неотразимого поведения:

– Спите! Или я вас убью!

Веки Мэри заморгали, она тяжело вздохнула и упала, как пораженная громом.

– Надо только захотеть! – сказал злодей в сторону с сардоническим смехом, потом прибавил:

– Отчего вы не засыпали?

– Он мне запретил, – ответила беззвучным, еле внятным голосом Мэри.

– Кто?

– Факир... который усыпил меня... в пагоде...

– Хорошо! Теперь вы должны видеть и отвечать мне. Где капитан Пеннилес, ваш брат Патрик и два матроса?

Молодая девушка колебалась с минуту, потом воскликнула в страхе:

– Они в развалинах... у ужасных людей...

– Кто эти люди?

– Их зовут тугами-душителями... Там, под землей, скелеты... везде... в окрестностях развалин... там ходят тигры, ища добычи... эти тигры едят людей.

– Хорошо, это все хорошо. Кто их спас? Кто их вывел из Башни Молчания?

– Подождите, дайте мне увидеть...

– Хорошо! Только торопитесь!

– Джонни их освободил от веревок! О, добрый Джонни! Они еще окружены костями; ястребы хотят их растерзать... Но они защищаются... они роют яму... под этой ужасной башней... они находят ящик.

– Какой ящик? – спросил заинтересованный Биканель.

– Тот, который под башней, в котором скрыто богатство нашей семьи, – ответила Мэри своим беззвучным голосом и без малейшего волнения.

– Почему вы знаете, что там есть сокровище и что оно вам принадлежит? – спросил полицейский, все более удивляясь.

– Потому что на ящике герб и имя герцогов Ричмондских... и потому что я вижу, что в нем...

– Можете вы мне определить ценность этого сокровища?

– Да, может быть, если вы мне поможете...

– Ну, хорошо, смотрите, считайте, старайтесь хорошенько понять...

– Да, я могу... подождите немного...

– Что вы видите?

– Камни, ослепительные драгоценности... их огромное количество... оно записано на пергаментном листке, подписанном моим дедом... их больше, чем на миллион фунтов... не считая золота в монетах...

– Миллион фунтов! – воскликнул Биканель. Потом он сказал себе:

– Надо, чтобы это сокровище мне принадлежало. Тогда конец рабству... свободная жизнь и пышность раджи! Все

эти люди исчезнут, – и я останусь единственным владельцем этого богатства.

Он продолжал громко, обращаясь к Мэри:

– Объясните мне точнее приметы места, где находятся теперь эти люди. Нет ли там развалин, огромной, странной и отвратительной статуи?

– Мне кажется, что я во мраке вижу каменное чудовище... Это черная женщина, у которой четыре руки. Она держит в одной руке саблю, другой держит голову за волосы... я не могу разглядеть других... ее серьги – мертвецы; ее ожерелье – мертвые головы... О, это ужасно!

– Хорошо! Это храм Кали. Берар полагал, что он в полной безопасности, если спрячет их в месте, которого все боятся. Он не мог ничего лучшего придумать, как выдать их мне теперь все равно что связанными... Это будет мне отличным вознаграждением!

Желая получить от Мэри еще сведения, он спросил у нее:

– Что делает капитан?

– Он спит! – сказала она слабо, едва дыша.

– А матросы?

– Тоже спят.

– А Берар?

– Я не знаю, я плохо вижу, я не могу... О! Как я страдаю!

Сжальтесь!

– Еще два слова, и я вас разбужу. Что делает Берар? Смотрите! Я хочу, чтобы вы это видели!

Она застонала и пробормотала разбитым голосом:

– Он ждет возвращения... людей...

– Каких людей?

– Я не знаю, я не могу...

– Вы должны видеть еще!

– О, я страдаю, я умру, – сказала она, задыхаясь.

– Смотрите! Я вам приказываю, я так хочу!

– Людей, которые ушли искать помощи... тугов, душителей...

– Где они?

Она страшно закричала и, казалось, отбивалась от ужасного видения; потом показала судорожно сжатой рукой на окрестные джунгли и прохрипела глухим голосом:

– Там, они там, душители! Там, я вам говорю!

Биканель одним прыжком бросился в кусты с револьвером в руке. Он только увидел движение листьев и две легкие фигуры, исчезнувшие, как тени. Он вернулся, ворча:

– Берар не спит! Он посылает ко мне шпионов! Но мы их знаем, и их хитрости нам не страшны!

Вспомнив, наконец, о Мэри, которую все еще трясли судороги, он сказал ей грубо:

– Забудьте все, что произошло, и не помните ничего, даже в том случае, если вас усыпит кто-нибудь другой.

Потом он тихонько провел рукой ей по вискам, подул ей на глаза и прибавил:

– Проснитесь!

Веки Мэри заморгали, ее неподвижный взгляд опять стал выразительным и молодая девушка очутилась около миссис Клавдии, которая тоже, казалось, приходила понемногу в себя.

Денежный Король все еще держался в стороне, проклиная события, которые мешали ему сыграть комедию освобождения. С ним была половина людей, составлявших войско Биканеля, настоящая шайка разбойников.

Оставив обеих пленниц под охраной своих людей, Биканель пошел известить его в нескольких словах о всем происшедшем, пропустив все то, что касалось сокровища герцогов Ричмондских. Янки холодно выслушал и прибавил:

– Я слышу, что мой враг жив и здоров.

– Но не надолго.

– Да будет так!

– Я беру на себя сделать вдовой прелестную графиню де Солиньяк. Мы уедем, вы должны следовать за нами на некотором расстоянии и ни за что не покидать поста, который я вам укажу.

– Well! Но действуйте скорее, я нахожу, что время тянется ужасно долго.

Биканель вернулся к своей группе, заставил миссис Клавдию и Мэри сесть на лошадей, поручил их людям, на которых он вполне мог положиться, и подал сигнал к выезду.

Другая группа последовала за ним, и они тронулись по направлению к храму Кали. Путешествие было долгое и тя-

желое, несмотря на быстроту животных и выносливость людей. Наступала ночь, когда они оказались приблизительно в одной миле¹⁵ от храма ужасной богини. Обе группы остановились в джунглях недалеко одна от другой. Когда мрак стусился над этой страшной местностью, Биканель ушел один. Он снял все одежды, натерся таинственными веществами, распространяющими кругом запах, свойственный диким зверям, и молча начал пробираться между всеми этими растениями, которые не кололи его и не причиняли боли его бронзовой коже. Он шел и шел, заставлял разбегаться шакалов, хотя не имел с собой никакого оружия, и направлялся, руководимый слухом или чутьем, к тем местам, откуда слышалось рычанье тигра. Известно, что эти страшные хищники избрали местом своего жительства ту часть джунглей, которые окружали развалины.

Попробовав раз человеческого мяса, тигры стали есть людей. Это случилось не потому, что они, как некоторые думают, состарившись, потеряв силу и ловкость, стали нападать на человека как на самую легкую добычу; они ели людей потому, что человеческое мясо им более нравилось, и они с особенной жадностью кидались на эту пищу, которую туги-душителю охотно им и предоставляли. Эта близость тигров была тем приятнее мрачным обитателям здешних мест, что она усиливала ужас, внушаемый всем их страшным жилищем, и удаляла от него непосвященных.

---

¹⁵ Милля (англ.) – единица длины, равна 1852 м.

Время от времени Биканель останавливался, складывал руки воронкой около рта и подражал рычанию тигра. Тигры, скрытые в лесу или подкрадывавшиеся к источникам, слышали этот крик и громко отвечали на него. Биканель шел все вперед и рычал, возбуждаясь своим собственным голосом, и круг тигров около него все суживался. Кто не слышал рассказов о колдунах, которых народное суеверие называло «вожатыми волков»!

Они имели, как доказано, странную способность приручать волков, сзывать их ночью, подражая их вою, заставлять их покорно идти за собой. В Индии, где все так странно, брамин, «посвященный» и «просвещенный», был заклинателем тигров.

Ужасные хищники, прибежавшие на его голос из джунглей, остановились в недоумении при виде человека. Потом они начали подходить, медленно, лукаво; их непреодолимо тянули те жесты, которые он делал и которые теперь были хорошо видны им, плохо видящим днем; их также привлекали испарения веществ, которыми была намазана его кожа.

Они подходили с мурлыканьем огромной кошки и с любовью терлись около привлекавшего их человека. Теперь он вел их целыми дюжинами на приступ храма. И действительно, нужно было чудо, чтобы спасти капитана, Патрика, Марию, Джонни и Берара, которые никогда еще не подвергались такой опасности.

Глава VIII

Первые новости. – Адская музыка. – Заклинатель против заклинателя. – Змеи против тигров. – Найя, или очковая змея. – Ужас!.. – Песенка на флейте. – Отступление тигров. – Биканель в ужасе. – Наконец, пленники свободны и находятся вместе. – Обряды, совершаемые душителями. – Жертвоприношение Кали.

Беглецы находились в ожидании, скрытые в убежище, которое до сих пор никому не было доступно, – на развалинах храма Кали. Полные доверия к ловкости, храбрости и находчивости тугов, посланных Бераром на розыски тех, кто похитил графиню, они надеялись на скорый и счастливый конец. Вдруг один из тугов неслышно подошел к группе и сказал Берару:

– Вот и я!

Это тихое появление было так странно и неожиданно, что капитан вскрикнул от удивления:

– Как? Уже?

– Что ты видел? – спросил холодно Берар.

– Двух белых с теми, кто их сторожит.

– А твой товарищ?

– Ушел позвать братьев.

– Хорошо! Видел вас кто-нибудь?

– Да, я думаю, потому что молодая белая, усыпленная на-

чальником индусов, обнаружила наше присутствие.

– Что они делают?

– Они следуют за мной верхом, галопом... две группы.

– Много их?

– Да! Каждая группа состоит из пятнадцати хорошо вооруженных людей. Они расположились в одной миле отсюда.

– Странно! – пробормотал Берар. – Они должны были бы бежать, скрываться, а они располагаются здесь, как будто мы уже в их власти.

Факир тотчас же передал Пеннилесу все факты, рассказанные тугом. Узнав, что его жена здесь, Пеннилес вскочил и хотел тотчас же напасть на них с двумя моряками. Берару было очень трудно убедить его в том, что этот поступок безумен, что он испортит окончательный результат и приведет их всех к неминуемой и беспощадной смерти. Потом он сказал:

– Подождите до завтра, и эти люди будут окружены, сами того не подозревая, целой толпой тугов, которые ни одного из них не выпустят.

Понимая разумность этого довода и не будучи в состоянии сделать ничего лучшего, капитан, сжав кулаки, примирился с этим ожиданием.

Однако, несмотря на полученные новости, Берар беспокоился. Он не мог понять, почему его враги подошли так близко к храму Кали. Он не думал, что они решатся взять его штурмом. Индус никогда не согласился бы оскорбить это

ужасное святилище, внушавшее всем такой страх и до сих пор всегда остававшееся местом неприкосновенным. Тогда отчего же они здесь?

Когда мрак сгустился, слон, пасшийся на свободе, прибежал в беспокойстве, с поднятым хоботом и сильно пыхтя. Боб наморщил лоб, опустил хвост, шерсть встала у него дыбом, и он в ужасе прижался к ногам своего молодого хозяина. Скоро раздалась ужасная симфония, вызванная Биканелем. Европейцы слушали удивленно, не понимая, что это значит, и им становилось жутко, несмотря на их испытанное мужество.

– Гадкая музыка! – пробормотал Джонни со своей обычной краткостью.

– Да, – подтвердил Марий, – это точно товарный поезд, который идет по виадуку¹⁶ Бандоль в моем отечестве, а вы слушаете внизу, под сводом.

– Это рычащие обезьяны? – спросил Джонни, все более озадаченный.

– Вероятно, – ответил провансалец. – Я слышал таких зверей в Гвиане.

– Это тигры, не правда ли? – сказал в свою очередь капитан.

– Тигры! Да, саиб! – ответил факир, как бы соображая что-то. – И я не знаю, что могло так взволновать этих ужасных животных.

---

¹⁶ Виадук (франц.) – мост на высоких опорах.

Слон Рама пыхтел все больше и больше, подходил к людям и выражал страх и гнев. Что касается Боба, то он совсем с ума сошел от страха.

Марий продолжал:

– Музыка-то приближается! Что ты думаешь, Джонни?

– Ву God! Ничего хорошего.

Рычанья раздавались все громче.

Мальчик и четверо мужчин подумали, что они окружены адской стаей под предводительством самого дьявола. Прислушавшись внимательно, Берар начал различать среди этого шума какой-то голос.

– Да ведь это человеческий голос! – воскликнул он.

– Не может быть! – быстро прервал его Пеннилес. – Нет ни одного человека на свете, который мог бы безнаказанно находиться среди этих животных: они, наверное, разорвали бы его.

– За исключением нескольких пундитов, посвященных первой степени, – возразил Берар. – Они могут заставить повиноваться себе царей наших лесов.

– Так по-твоему, факир, эту стаю тигров ведут на нас?

– Могу вас в этом уверить, саиб! И негодяй несомненно тот самый, что хотел вас заживо схоронить в Башне Молчания!

Медленно, но неуклонно сжимался роковой круг. Не оставалось ни малейшей надежды прорваться сквозь это кольцо, даже на спине Рама, потому что тот был бы захвачен два-

дцатью тиграми, угрожавшими растерзать его в клочья. Кругом не было ни одного дерева, на котором можно было бы выждать наступления дня. Берар сохранил присутствие духа; ни один мускул не дрогнул на его бронзовом теле.

– Идем, – сказал он, – кончено!.. Я не вижу иного способа... он ужасен... почти безрассуден... но я во что бы то ни стало должен им воспользоваться!

– Смотри, факир, – воскликнул капитан, – уж не хочешь ли ты оставить нас на съедение зверям?

– Нет, саиб! Но мне приходится бороться с посвященным... брамином, мне – простому факиру! Я боюсь потерпеть неудачу, но во всяком случае попробую. Что бы вы ни увидели, что бы ни почувствовали, не трогайтесь с места, не кричите, будьте неподвижны, как изваянные из камня, – и тигры не тронут вас!

– Прекрасно! Мы будем повиноваться тебе. Не так ли, матросы? Не правда ли, Патрик?

– Да, капитан! – ответили матросы и мальчик.

– Хорошо, – сказал факир, – соберитесь с силами, потому что никогда еще вам не приходилось видеть ничего подобного.

С этими словами он вынул из-под одежды маленькую тростниковую свирель, приложил ее к губам и извлек несколько довольно приятных звуков. Это была как бы прелюдия, за которой последовала медленная, печальная, мелодичная песнь, несколько заунывная. Поистине, эти тихие

звуки скромной тростниковой свирели являлись сильным контрастом бешеному реву предводителя тигров. С замечательным хладнокровием Берар продолжал наигрывать.

Мало-помалу из-под листьев, в расщелинах камней слышался едва заметный шорох. Затем послышался короткий, отрывистый свист, и все почувствовали у ног прикосновение мягких и холодных тел пресмыкающихся. Нервная дрожь прохватила европейцев до мозга костей. С прерывающимся дыханием, оцепенев от ужаса, они изо всех сил старались сохранить неподвижность. Удушливый крик вырвался из горла Патрика, произнесшего замирающим от волнения голосом:

– Змеи!.. Повсюду!

– Тише, дитя! – прошептал Пеннилес.

Между тем рев тигров все приближался!

Через несколько минут тигры готовы были прыгнуть на свою столь желанную добычу, запах которой уже давно раздражал их обоняние. Но в то же самое время Берар ускорил темп своей песни. Змеи прибывали отовсюду, ползали по земле, обвивались вокруг кустов, взбирались на камни и высовывали свои раздвоенные языки. Все они принадлежали к той страшной породе пресмыкающихся, укус которых смертельный. Они в изобилии водятся в Индии и носят название найя, кобра, или очковая змея. Длина их не особенно велика, самые большие из них едва достигают двух метров. Но они чрезвычайно ловки, крайне раздражительны, и

яд их всегда смертелен. Одним словом, это настоящий бич Индии и местами они столь многочисленны, что целые округа необитаемы из-за них. Заклинатели змей обладают способностью настолько приручать и укрощать их, что заставляют их следовать за собой. Берар был одним из них. Песня его становилась пронзительнее и резче. Змеи мало-помалу приходили в ярость. Они качали своими надутыми шеями, шипели, свертывались в кольца и бросались вперед, как стрелы, как бы ища добычу.

Против вожака тигров выступил теперь предводитель змей.

Тигр, безусловно, король беспредельных просторов. Все страшатся его: и дикий буйвол, и носорог, и даже слон, но сам он, в свою очередь, отступает перед найей.

Менее чем за двадцать шагов от кучки людей, застывших на месте от ужаса и страха, слышится рев тигров, готовых броситься на добычу. Тигр делает скачок и падает среди кишаших, раздраженных и свирепых змей. Его страшный рев вызван уже испугом и борьбой со смертью. Он хочет отступить, убежать, схватиться за ветви, чтобы освободиться от скользких объятий. Бесполезные усилия! Яд, попавший в двадцати местах, быстро делает свое дело. Тигр шатается, издает новый крик и падает, извиваясь в предсмертной агонии. А музыка продолжает возбуждать дикую ярость змей! Второй тигр бросается сквозь кустарник и тяжело падает всей своей тушей на землю. Затем еще, еще и еще...

И одна только назойливая мысль настойчиво преследует и мужчин, и ребенка. И мысль эта: достаточно ли там змей, чтобы сразиться и уничтожить эту стаю тигров?

Европейцы все еще сохраняли неподвижность, в ней одной видя спасение, но первый приступ ужаса прошел и хладнокровие снова возвратилось к ним. Уже начало замечаться некоторое колебание со стороны тигров, и они уже не так яростно нападали. Они все еще прибывают, но вопли страха и предсмертное хрипение погибающих товарищей, и запах мускуса, испускаемый змеями, подсказывают им, отчего они гибнут, и тигры начинают останавливаться. Напрасно Биканель усилил свои вопли и пытался довести их до бешенства.

Вождь тигров был побежден предводителем змей!

Биканель сам осторожно приближается, желая узнать истинную причину отступления тигров, не решающихся напасть на беглецов. Скоро звуки маленькой тростниковой свирели достигли его слуха. Он узнает звуки песни, употребляемой заклинателями змей, и, скрежеща зубами, бормочет:

– О, дьявол! Он разбудил целую армию змей, и я в третий раз побежден. Мне снова приходится отступить. О, да будет проклят и он, и белые!..

Биканель в изнеможении упал к подножию дерева. Тигры, не возбуждаемые больше яростными криками своего предводителя, понемногу успокаивались и медленно, как бы с сожалением, возвращались в свои логовища. Берар мало-помалу замедлял темп своей песни. Кобры перестали шипеть,

волноваться и свиваться в кольца. Повторение тихой и протяжной мелодии постепенно умирало их. Они медленно начали уползать в свои норы. Маленькая свирель издала еще несколько звуков и смолкла. Наступила полнейшая тишина.

Гортанный голос Берара раздался в ночной тиши.

– Найи все ушли... опасность миновала!

Тогда только свободно вздохнули европейцы. Опасность миновала, и они заснули спокойным сном.

Заснул и Биканель. Проснулся он поздно и приступил к осмотру окрестностей. Он был в отвратительном расположении духа и обдумывал план немедленного мщения. Неровный гул достиг слуха Биканеля. При блеске солнечных лучей появился торжественный кортеж. Две женщины, одетые в белое, приближались верхом в сопровождении сотни мужчин, их обнаженные торсы казались отлитыми из бронзы. Кортеж этот приближался к развалинам храма богини Кали. Крик вырвался у него, когда он увидел, что женщины эти были – Клавдия и Мэри!

– Свободны!.. Они свободны! – воскликнул он и бросился к тому месту, где вчера вечером оставил две группы. Зрелище, открывшееся его глазам, было действительно ужасно. Все, составлявшие первую группу, лежали на земле, и лица их были одинаково обращены к небу. У них у всех вокруг шеи были обмотаны зловещие черные платки тугов. Несомненно все они были задушены неумолимыми поклонниками кровавой богини Кали. Биканель начал разыскивать вто-

рую группу во главе с Денежным Королем. Первый труп, который он увидел, был труп гиганта-американца Джима Сильвера, богача Соединенных Штатов, Денежного Короля. Черный шелковый платок сжимал ему горло. Труп его уже начал разлагаться, и рой зеленых мух облепили его. Лошади, оружие, припасы и обоз – все исчезло. Туги, благоговеющие перед своей богиней Кали, не пренебрегают возможностью воспользоваться имуществом своих жертв. Берар сдержал свое слово: ужасные душители освободили двух пленниц!

И в то время как Биканель, побежденный и разбитый, упал в джунглях с диким яростным криком, кортеж прибыл к развалинам, где возвышалась величественная в своем грозном безобразии статуя Кали. Капитан, обезумев от радости, не смея верить своему счастью, увидел свою жену, которая, сойдя с лошади, с протянутыми руками приближалась к нему.

– Джордж! Мой милый Джордж!

– Клавдия, моя дорогая Клавдия! Наконец-то вы свободны!

В то же время и Мэри, соскочив с коня, бросилась на шею к своему брату.

Берар молча созерцал счастье этих людей. Марий приблизился к нему и, с волнением сжав ему руку, сказал:

– Ты сделал доброе дело, друг факир, ты очень славный человек.

Глава IX

Свидание Мэри с отцом и узником-лейтенантом. – Состязание в скорости. – Начальник станции Гайи. – Экстренный поезд. – От пятидесяти до тридцати часов. – На пути. – Древние города Индии. – Ряд ошибок. – Пешавар. – Комендант крепости и посланник. – Караван. – Вперед!

Даже после своего чудесного спасения капитан Пеннилес не был еще в безопасности. Гнусное и неосновательное обвинение, возведенное на него наемником Денежного Короля Биканелем, все еще было в силе и было опасно более, чем когда-либо, для его чести и свободы. Это обвинение, как, вероятно, помнят читатели, состояло в том, что Пеннилеса выдали за русского агента, посланного для поддержки священной войны в Бенгалии, население которой восстало против англичан. Это неосновательное обвинение, возведенное на капитана, тем более стало вероятным в глазах английских властей, что им показался подозрительным его быстрый проезд. Поэтому Пеннилесу следовало как можно скорее бежать или спрятаться, избегая во что бы то ни стало английских властей, даже последнего полицейского, потому что, по всей вероятности, его точные приметы были сообщены повсюду. При других обстоятельствах для него, конечно, было бы детской игрушкой пробраться берегом и покинуть эту негостеприимную страну. Но, встретив Мэри и Патрика,

он считал своим нравственным долгом спасти их. Несмотря на находку сокровища, которое было для них скорее стеснением, чем помощью, положение бедных детей было крайне непрочным. Пеннилес дал слово возвратить отцу его детей и хотел сдержать свое слово. В данную минуту необходимо было знать точное местопребывание майора Леннокса. Патрик и Мэри знали только, что их отец был командиром шотландского полка Гордона, что он был в походе против афридиев и что последнее его письмо было послано из лагеря Шакдара. Вот все довольно неопределенные сведения. Берар вывел их из затруднения. Этот душитель сделался для них настоящим ангелом-хранителем. Магнетический сон – вот средство, к которому он прибег.

Так как Мэри была чрезвычайно податливым и чувствительным субъектом, то факиру не стоило большого труда усыпить ее. Едва она впала в транс, как увидела лагерь афридиев и описала его в нескольких словах; там же она увидела и своего отца, да, своего отца, заключенного вместе с лейтенантом Тейлором в маленький уединенный домик. Ее очаровательное личико, прояснившееся при виде своего обожаемого отца, обнаружило признаки сильной скорби, когда она произнесла это ужасное слово:

– Узники!.. Пленники мятежников!.. Плач, бедный Патрик. О Боже мой! Защити его! Он приговорен к смерти! – стонала бедная девушка, голос которой прерывался от действия гипнотического усыпления.

– А когда это произошло? – спросил Берар.

– Несколько часов тому назад...

– Теперь мы знаем все, что нам нужно, – сказал Пеннилес. – Разбудите ее поскорее, факир, и составим план: каждая минута дорога! Скажите, как далеко до Пешавара?

– Около тысячи двухсот миль.

– Это ужасно! А какой самый ближайший к нам город?

– Гайя, господин.

– А есть ли там железная дорога?

– Да, саиб!

Патрик и Мэри во время этого разговора с мольбою смотрели на капитана.

– На каком расстоянии от Гайи мы теперь находимся?

– На расстоянии сорока миль!

– Когда Рама может нас доставить туда?

– Часа через три, саиб.

– Превосходно! Теперь, мои милые дети, – мужайтесь и надейтесь! Мы сделаем все возможное для спасения вашего отца. Нам понадобятся деньги... много денег... а так как меня недаром зовут бессребренником, то будьте моими банкирами.

– Сударь, – сказал с достоинством Патрик, вытирая слезы, – самое лучшее, что мы можем сделать, это использовать все до последнего гроша для спасения нашего отца! Мы будем вам бесконечно признательны, и я, и сестра моя, если вы будете располагать сокровищами нашей семьи как свои-

ми собственными.

Так как в данную минуту дело было гораздо важнее слов, то Пеннилес сейчас же открыл старый сундук. Блеск содержимого сундука ослепил всех. Мэри нисколько не ошиблась в оценке, назвав колоссальную сумму сокровища, заключенного в сундуке. Там находилось громадное богатство. Пеннилес быстро прочел опись, подписанную и скрепленную дедам детей, затем вынул около трех тысяч фунтов стерлингов. Сделав это, он завязал сундук тростниковыми перевязками и снова укрепил на спине Рама. Впрочем, замки сундука пришлось сломать. Чтобы не терять времени, каждый занял свое место в корзине на спине слона. Берар взял в качестве проводника туга – и слон, наконец, тронулся в путь по направлению к Гайе.

Через три часа запыхавшийся от быстрого бега Рама достиг первых домиков города, в котором насчитывалось до семидесяти тысяч жителей. Путешественники узнали от факира, что Гайя – город священный. В Гайе находился университет, много школ разного рода еще в то время, когда Саккиа-Муни стал проповедовать там свое учение за шестьсот лет до Рождества Христова. Факир сообщил, что здесь находятся самые достопримечательные памятники первобытной Индии, но белых интересовала лишь одна достопримечательность этого города, да и то продукт европейской культуры – железная дорога. Им указали центральную станцию, и они моментально отправились туда. Пеннилес попросил

разрешения переговорить с начальником станции. Капитана пропустили к нему вместе с женой, Патриком и Мэри, а Берар, Марий, Джонни и туг остались караулить слона, на спине которого находились сокровища.

После холодного обмена поклонами, которыми англичане всегда приветствуют незнакомого человека, капитан Пеннилес, взяв детей за руки, сказал:

– Имею честь представить вам, милостивый государь, детей несчастной герцогини Ричмондской, погибшей, как вам известно, трагической смертью. – И прибавил: – Что касается меня, то я – их опекун, а эта особа – моя супруга.

При имени герцогов Ричмондских начальник растаял и выразил полную готовность услужить им.

– Чем я могу быть вам полезен? – спросил он.

– Мы только что узнали, что отец Патрика и Мэри, майор Леннокс, герцог Ричмондский, находится в плену у африди-ев и что жизнь его в большой опасности. Мы едем к афридиям, чтобы предложить им выкуп за пленника. В какой самый меньший срок мы можем добраться до Пешавара?

– Приблизительно за двое суток.

Печальный вздох вырвался у детей. Они могут прийти слишком поздно.

– Это долго, – сказал капитан, – не можете ли вы дать нам отдельный поезд: локомотив, багажный вагон и вагон-салон?

– Конечно, можно!

– А сколько это будет стоить?

– Это обойдется в пятьсот фунтов стерлингов, и вы выиграете не менее десяти часов.

– Я заплачу тысячу фунтов, дам в награду кочегару и машинисту сто фунтов и пятьсот фунтов вам, если этот переезд будет продолжаться тридцать часов и менее, если возможно. Примите во внимание, что дело идет о спасении человека, носящего одно из самых славных имен Англии, одного из лучших офицеров армии и одного из самых преданных слуг королевы! Для его спасения я и добиваюсь скорейшего прибытия в лагерь афридиев!

– Хорошо, сударь, вы получите экстренный поезд, – сказал начальник станции, подумавший, конечно, о награде, – мне потребуется всего только час времени, чтобы связаться с главной администрацией дороги и телеграфировать промежуточным станциям для избежания каких-либо задержек на них.

– Итак, вы думаете, что через тридцать часов?..

– Поезд прибудет в Пешавар без всяких приключений!

– Я вам тысячу раз признателен. Во время приготовления поезда я отсчитаю нужную сумму.

Час спустя с удивительной точностью поезд вышел из депо и остановился у платформы. Уложив кое-какую провизию, купленную в буфете вокзала, шестеро пассажиров, не исключая и Берара, заняли места в салон-вагоне. Боб также прыгнул туда, а добрый Рама, оставшись один, печально тронулся в путь к священной пагоде с вожак-тугом. Началь-

ник станции превосходно устроил все. Вместо одного вагона он приказал прицепить два, что позволило путешественникам устроиться с большим комфортом. Наконец, раздался свисток, – и поезд тронулся.

Путники мчались с большой скоростью, счастливые тем, что никто не догадался: опекун герцогов Ричмондских и был тот иноземец, гнусно оклеветанный негодьями и поставленный вне английских законов. К несчастью, путники не могли знать, что они не одни в поезде. Какой-то человек, прискакавший на сильно взмыленной лошади почти перед самым отходом поезда, весь в крови и пыли, быстро подошел к начальнику станции, шепнул ему несколько слов, и тот позволил неизвестному проскользнуть незаметно в багажный вагон.

Один и тот же поезд, который мчал последнюю надежду майора Леннокса, вез и врага его, ожесточенного потерей своих сокровищ. Сто километров, отделяющие Гайю от Патны, были пройдены за полтора часа. Скорость эта ободряюще действовала на путников, потому что обыкновенные поезда в Индии движутся утомительно медленно. От Патны поезд идет по Северо-Западной железнодорожной линии, конечный пункт которой – Пешавар. Поезд останавливается лишь на несколько секунд, чтобы сменить локомотив или запастись водою и топливом. Всякий раз при подобной остановке Пеннилес выходит и поощряет рвение машиниста и

кочегара, а те, весело побрякивая полученными деньгами, доводят ход поезда до головокружительной быстроты. Вот после Панты, этого города опиума, промчались мимо Бенареса, браминского Рима, где находится туземная большая школа богословия – центр изучения и распространения религии. Вот Аллагабад, Прейяго – священный город, расположенный на берегах Ганга. Затем поезд проносится мимо памятного кровавой резней Каумпора. При блеске электрических фонарей путники едва могут прочесть название следующей станции: Агра, потому что поезд мчится, не умеряя своей скорости, мимо этой бывшей столицы империи Великого Могола. Следующая минутная остановка делается в Дели. Весь этот переезд, составляющий ровно половину пути, пройден за четырнадцать часов. Пеннилес полон надежды!

Начальник станции Гайи уже телеграфировал коменданту крепости Пешавара о несчастной судьбе майора, но Пеннилес находит это недостаточным. Он, в свою очередь, составляет по пути длинную депешу, в которой просит позаботиться относительно лошадей, и посылает ее из Дели. Затем поезд, раскидывая густую струю дыма, подходит к Лагору, в котором, как в Дели и Агре, насчитывается до полутора тысяч жителей. Как и эти последние города, он полон памятниками древнейшей эпохи, которые представляют там удивительный контраст с последними изобретениями: трамваями, электрическим освещением и модами, привезенными из Европы с последним почтовым пароходом.

Расстояние до Пешавара быстро уменьшается. За долинами Раджпутана и Пенджаба начинаются возвышенности. Все более и более крутые холмы заставляют предчувствовать близость гигантских Гималаев. Затем опять равнина или, вернее сказать, плоскогорье. На высоте плоскогорья – хранитель ущелья Кайбера, Пешавар, город с восьмидесятью тысячами жителей, окруженный глинобитной стеной.

– Пешавар!.. Вот Пешавар! – воскликнули уставшие от безумной скорости путники, вновь оживившись при виде этого города. Только 29 часов пошло на этот переезд! Поезд, огибая город, подходил к английской его части, находящейся на расстоянии четырех километров от индийской. Здесь, под прикрытием форта, окруженного массивными кирпичными стенами, находятся служебные места, резиденция посланника и казармы местных войск. Форт этот носит название Бала-Хасар.

Предупрежденные двумя депешами об этом прибытии, резидент¹⁷ и комендант крепости лично прибыли на станцию. Весть о печальной судьбе майора быстро разнеслась среди английского населения, и друзья Леннокса и лейтенанта Тейлора с нетерпением ожидали приезда путешественников. Патрик и Мэри тотчас же узнали друзей своего несчастного отца, и вид их вызвал слезы на глазах детей, напомнив о навсегда потерянном счастье. Начались дружеские рукопожатия и представления. Пеннилес старался принять вид

---

¹⁷ Резидент (франц.) – здесь: глава колониальной администрации.

попечителя этих детей, изо всех сил стремясь скрыть свое настоящее имя, но это нисколько не помешало радушному приему его и г-жи Клавдии, блестящая красота которой произвела сенсацию. Как ни торопились путники поскорее отправиться в лагерь афридиев, им пришлось пробыть некоторое время в городе. К тому же там находился и конвой, который должен был сопровождать их до неприятельских аванпостов.

Резидент предоставил в их распоряжение лошадей и верблюдов, которые должны были везти путешественников, багаж и лагерные принадлежности. Он очень удивился, узнав, что Клавдия и Мэри тоже решили присоединиться к экспедиции. Напрасно описывал он им ужасы предстоящего похода, напрасно уверял, что никогда еще их честь, свобода и жизнь не подвергались такой опасности, что афридии были страшными разбойниками, разжигаемыми еще фанатизмом. Клавдия очень просто ответила:

– Своего мужа я сопровождаю всегда, а особенно при опасных путешествиях!

– А я, – прибавила Мэри, – хочу первой поцеловать своего отца, если он свободен, или умереть вместе с ним, если он погибает.

– Пусть будет по-вашему! – сказал резидент и распорядился об ускорении приготовлений. В два часа пять человек верхом, – Клавдия и Мэри тоже ехали на лошадях, – конвоируемые взводом улан, тронулись в путь. Безостано-

вочно ехали они вплоть до сумерек и лишь при наступлении ночи остановились лагерем в ожидании восхода солнца. С большим трудом им удавалось продвигаться вперед по невозможным дорогам. Наконец, они достигли английского экспедиционного корпуса, расположенного линией, лицом к горам. Затем они прошли английские траншеи, главные караулы и последние аванпосты. На линии, отделяющей англичан от афридиев, конвой покидает путешественников: далее ему запрещено продвигаться. Пеннилес, взяв у своей жены белый шарф, размахивает им и звонким голосом командует:

– Вперед!..

Глава X

Предводитель мятежников. – Отказ. – Узники. – Зачем Пеннилес заставляет свою лошадь лягаться. – Соединяйся! – Биканель снова показывается. – Последняя попытка. – Священное знамя. – Посвященный пундит. – Повинуйтесь! – Последняя драма. – Ожесточенные враги. – Соединенные смертью. – Предводитель Махмуд. – Наконец, свободны!

Берар скакал рядом с капитаном Пеннилесом. За ним следовали Клавдия, Мэри и Патрик. Джонни и Мариус замыкали шествие. Боб, запыхавшись и высунув язык, бежал сзади. Всадники доскакали до первой траншеи и остановились перевести дух, а несколько солдат, занимавших это укрепление, быстро отступили назад. При виде белого флага афридии отнеслись к ним довольно миролюбиво.

– Предводитель! Где предводитель? – громким голосом закричал Берар, зная, что только таким повелительным тоном и можно воздействовать на этих людей.

Бронзовый гигант с красивыми чертами лица приблизился к ним с суровым видом и насупленными бровями, размахивая ружьем. При виде факира он сразу усмирился и проговорил:

– Да будет мир с тобою, Берар! Я никак не думал иметь удовольствие видеть тебя сегодня...

– И с тобою да будет мир, Махмуд! Да будет благословен

день, когда я увиделся с тобою!

– Чего ты от меня хочешь, Берар? И чего хотят эти чужестранцы?

– Я их проводник и друг и пришел вместе с ними предложить выкуп за двух английских офицеров, находящихся у тебя в плену!

Лицо гиганта омрачилось и между бровями залегла глубокая угрожающая складка.

– Я ничего не хочу слышать об этих пленниках! – проворчал он недовольным тоном.

– Заметь, Махмуд, – сказал Берар, не теряя надежды убедить гиганта и стараясь разжечь его алчность к деньгам, хорошо известную ему, – выкуп будет громадный!..

– Да нет же, говорю я тебе! – продолжал упорствовать великан. – Оба офицера уже пятьдесят часов как заключены в тюрьму и приговорены к смертной казни посредством лишения их какой бы то ни было пищи!

– Ты отказываешься от богатства, которое очень кстати придется и тебе, и твоему племени?

– Да, отказываюсь!

– Почему?

– Потому что жизнь этих двух офицеров есть цена крови: англичане ведут с нами войну, истребляющую нас, они нас изувечивают пулями дум-дум и считают нас дикарями! Дикари – они сами! Так поступят со всеми англичанами, которые нам попадутся в плен!

– Подумай, Махмуд!

– Нет! Не прибавляй больше ни слова. Это бесполезно, так как ничто не может нас ни прельстить, ни умили-вить. Возвращайся в английский лагерь, уводи поскорее своих иноземцев, присутствие которых мне ненавистно. Не будь ты их защитником, я, не колеблясь ни минуты, велел бы их продать, как невольников.

Во время этого быстрого обмена фразами, среди толпы настоящих бандитов, Мэри, повинаясь какому-то непонятному влиянию, внимательно осмотрелась кругом. Она, никогда не бывавшая в этом месте, как будто бы начинала узнавать его. Впечатление, полученное ею во время гипнотического сна, было особенно сильно потому, что все виденное ею касалось обожаемого отца. Вот, она увидела маленький невзрачный домик, и ей показалось, что она уже видела его когда-то... Да, именно там, в этом невзрачном домике, она немного времени тому назад видела своего дорогого отца и молодого человека, офицера его полка, такого же пленника, как и майор Леннокс. Она воскликнула:

– Там!.. Там, в этом доме, заключен мой отец!

Патрик, инстинктивно почувствовавший правоту слов своей сестры, как покорное эхо, подтвердил:

– Отец там! Поспешим спасти его!..

Вслед за этими словами решительный юноша, не посмотрев даже, следуют за ним его спутники или нет, повернул свою лошадь и поскакал к домику. Сестра поскакала вслед

за ним, затем помчались другие. Берар, прекратив свою отрывистую беседу с предводителем афридиев, не обещавшую окончиться благоприятно для путешественников, направился туда же.

– О! – воскликнул капитан Пеннилес. – Если бы со мной была хоть сотня ковбоев из Нью-Ойль Сити!..

Прежняя энергия с новой силой пробудилась в нем, и он сказал:

– Нам нужно во что бы то ни стало освободить несчастных узников!

Он подъехал к двери хижины и начал щекотать лошадь концом своей сабли, в то же время натягивая поводья. Лошадь попыталась встать на дыбы, но, почувствовав позади себя какое-то препятствие, начала страшно брыкаться и бить ногами в дверь. Удары копыт об дерево раздавались как пушечные выстрелы. Дверь затрещала, распалась на куски и обрушилась. Бледные, с трудом державшиеся на ногах, изнуренные долгими мучениями, оба офицера кое-как дотащились до двери и увидели всадников и двух амазонок. Майор узнал одну из них и, не веря своим глазам, снес себя от изумления и радости, воскликнул:

– Мэри!.. Мое дорогое дитя, неужели мне суждено снова увидеть тебя? Ты ли это, моя милая девочка?

– А меня? Отец, разве ты не замечаешь меня?! – закричал мальчик дрожащим от волнения голосом.

– Патрик!.. Мой маленький солдат! – лепетал бедный отец

со слезами на глазах.

– Отец! – прервала молодая девушка. – Вот наши благодетели и спасители!

– Милорд! – сказал Пеннилес. – Мы пришли или спасти вас, или погибнуть вместе с вами. Постарайтесь сесть на лошадь вашей дочери, а вы, лейтенант, сядьте на лошадь Патрика... А затем вперед!.. Во весь опор!

На все понадобилось лишь несколько секунд. В первый момент, благодаря общему замешательству, храбрец Пеннилес имел некоторые шансы на успех своего смело задуманного плана. Но там, среди пораженных дикарей, находился злой дух, который не дремал.

Пока афридии вопили и толкались, мешая друг другу, он, собрав двадцать смелых воинов, построил их между домиком и траншеей, двадцать ружейных дул направились на пленников и их освободителей.

– Биканель!.. Опять этот злодей стоит нам поперек дороги! – закричал Берар, первым узнав этого бандита.

Другие тоже узнали своего преследователя, виновника всех их несчастий. Пеннилес, выхватив из кобуры револьвер, готовился убить негодяя, как зловредное животное. Но подлый и жестокий Биканель спрятался за спинами афридиев, которые образовали вокруг него живую стену. Опомнившись от изумления, они окружили кольцом домик с прижавшимися к его стене европейцами. Издеваясь над ними, Биканель говорил:

– Ну вот! Наконец-то вы захвачены! Я следил за вами шаг за шагом, от храма Кали до Гайи... Там, потребовав у начальника станции места, я сел в багажный вагон. Одновременно с вами я прибыл в Пешавар и выиграл в скорости ночь, в которую вы отдыхали. А теперь все вы находитесь в моей власти... да, все, вместе с этим чудесным сокровищем, желание обладать которым сводит меня с ума.

Но белые не слушали его. Патрик и Мэри, соскочив с лошадей, бросились в объятия своего отца, а он, совершенно остолбеневший, с нежностью обнимал их, пока лейтенант обменивался крепкими сердечными рукопожатиями со своими освободителями. Как человек предусмотрительный, капитан Пеннилес, зная, что отправляется освобождать узников, полумертвых от голода и жажды, запасся и съестными припасами и напитками. И пока Биканель орал на своих людей: «Хватайте их живыми! Слышите? Живыми!», Пеннилес предлагал лейтенанту бутылку, оплетенную ивовыми прутьями, и сэндвичи, говоря Тейлору с доброй и мягкой улыбкой:

– Пейте и кушайте, лейтенант!

– Вы мне дважды спасли жизнь, – воскликнул молодой офицер, хватая кушанье с жадностью, вполне объяснимой долгими муками голода и жажды. Затем он предложил майору:

– Милорд! Покушайте... подкрепите силы... хотя бы для готовящейся борьбы.

Люди, подстрекаемые Биканелем, все теснее и теснее окружали европейцев.

– Сокровище!.. Слышите ли вы? Мне надо сокровище! – кричал бандит. – Оно послужит выкупом или, по крайней мере, освободит от той ужасной пытки, которую мы вам готовим.

Теперь весь лагерь вопил и осыпал группу европейцев страшными проклятиями. Там было несколько тысяч людей, возбужденных фанатиками-браминами, и достаточно было подать знак, чтобы эта кучка людей была разнесена в клочья. Но эта страшная опасность не лишила белых спокойствия и хладнокровия. Клавдия презрительно улыбнулась, взглянув на разъяренных дикарей. Джонни плюнул в них табачной жвачкой, которую держал во рту, а Мариус выругал их гориллами. Еще несколько секунд, и европейцы были бы схвачены сотней рук, которые уже протягивались со всех сторон! Вдруг Берар принял отчаянное решение. Он вынул из-за пазухи большой кусок белой шелковой материи, развернул его и разложил перед своими друзьями, как бы желая защитить их этим. На тонкой ткани были изображены пять красных рук, расположенных по диагоналям. Это была точная копия знамени, с которым Мокрони проповедовал священную войну против англичан. Таких знамен во всей английской Индии было только два. Развернув знамя, Берар воскликнул громовым голосом, покрывшим весь шум:

– Я пришел от имени моего учителя, пундита Кришны,

приказать вам сейчас же освободить этих белых без всяких условий! Вы слышите, верующие?.. Пундит приказывает! Повинуйтесь!.. Горе тому, кто осмелится ослушаться приказа трижды святого, трижды рожденного, управляющего всеми правоверными: браминами, мусульманами и буддистами!

Свидетели этой ужасной сцены почувствовали, что Берар ставит на карту все, что после неудачи этой попытки им не на что более рассчитывать.

Белые прижались друг к другу, готовясь ко всему. Раздалось несколько буйных возгласов, точно волна пробежала по этому морю разгоряченных людей, и... все стихло! Опускается оружие, головы преклоняются и спины необузданных дикарей сгибаются в знак уважения к этой священной эмблеме. Всемогущество отшельника священной пагоды победило слепой фанатизм! Наперекор злобе, ненависти; наперекор непримиримой вражде рас, верований, обычаев, религий, Берар победил, выбрав посредником слово и эмблему своего учителя.

Вдруг Биканель вытащил из-за пояса у одного афридия длинный дамасский пистолет и выстрелил в Берара, крича:

– Умри, лицемер!.. Умри, ложный факир!.. Умри, ложный посол чтимого пундита!..

Факир покачнулся, смертельно раненный, и, зажимая рукой рану, из которой фонтаном била кровь, другой рукой продолжал размахивать знаменем, затем, обратившись к Пеннилесу, сказал слабеющим голосом:

– Господин!.. Я нарушил свою клятву... я наказан... я умираю, но вы спасены!.. Возьмите знамя пундита, держите его высоко... оно освободит вас!..

Тогда Биканель, совершенно обезумев от ярости, воскликнул:

– Напрасно вы сожалеете об этом умирающем человеке. Берар – туг! Он начальник душителей Бенгалии! Герцог Ричмондский! Знайте, что он убийца вашей жены, а вы, лейтенант, знайте, что он обвязал черным платком душителей горло вашего отца!..

Он бросился к пленникам с намерением схватить знамя, но вдруг раздался выстрел, и он тяжело рухнул на землю с раздробленным черепом. Берар, собрав последние силы, пустил в него пулю и затем, совершенно ослабев, опустился на землю и умер. Махмуд, бросив на землю саблю и ружье, приблизился к европейцам.

– Только эта священная эмблема, – сказал он, – спасает вас от верной смерти. Живите! И свободно возвращайтесь к своим соотечественникам!

Маленькая кучка всадников с развевающимся на ветру знаменем покинула лагерь афридиев и направилась к английским аванпостам. С этих пор они были в совершенной безопасности и готовились отправиться за новыми приключениями, о которых, быть может, мы и расскажем когда-нибудь...